

уральский

следопыт

№9 **** 1979

Оставить след, продолжить память...

Фото А. Нагибина

...На стенах пещеры обнаружили около трехсот наскальных рисунков. Негатив прилагаем.

...В домашнем архиве отыскался не известный прежде снимок — на нем мой отец В. К. Арсеньев и Дерсу Узала.

...Посылаю археологическую раскопку, найденную в кургане возле нашего села, находке — тысяча лет...

...Примите в дар редакции редкое издание — экземпляр книжечки «Краткий политический словарь», увидевший свет сразу после революции в 1917 году.

Из писем в редакцию «Уральского следопыта»

Необычная судьба постигла древний русский город Зашиверск. Построенный землепроходцами много веков назад за Полярным кругом, не менее знаменитый в свое время, чем легендарная Мангазея, он был опустошен эпидемиями чумы и исчез с лица земли почти бесследно. Сохранилась необъяснимым образом только церковь. Не тронули ее время, стихии, миновали и дозоры официального духовенства, уничтожавшего неканонические храмы...

И вот она, Спасо-Зашиверская, — шедевр деревянного зодчества, образец совершенства и гармонии...

А вот страничка из другой главы книги прошлого. По-разному у разных народов называется этот промысел — где эмаль, где смальта, у русских — финифть, — самобытное, со своими секретами и достижениями ремесло. Ремесло, возникшее на Руси в XII веке, пришло в упадок во времена татаро-монгольского нашествия, а возродилось к жизни в XVI веке. Родина его — ростово-суздальская земля — прославилась многим, в том числе и этими знаменитыми жаростойкими росписями по эмали... Сейчас русская финифть переживает пору расцвета. Многие постигли современные мастера, но до сих пор искусство ростовских умельцев — желанный рубеж.

В номере:

Ю. Борисихин ВЕТРОМ ПОЛНЫЕ ПАРУСА	2	Редакционная коллегия: Станислав МЕШАВКИН (главный редактор), Муса ГАЛИ,
Е. Томилова ГДЕ КАК ГОВОРЯТ	6	Алексей ДОМНИН, Спартак КИПРИН, Борис КОЛЕСНИКОВ,
Г. Карманова ЛЕТЧИЦЫ	7	Владислав КРАПИВИН, Юрий КУРОЧКИН, Давид ЛИВШИЦ (заместитель главного редактора),
Н. Широков ОТЕЦ ЗАВОДОВ	10	Геннадий МАШКИН, Николай НИКОНОВ, Анатолий ПОЛЯКОВ, Лев РУМЯНЦЕВ, Константин СКВОРЦОВ,
И ВЕЧНО ЖИТЬ. Стихи.	14	Игорь ТАРАБУКИН (ответственный секретарь).
В. Гребенников В СТРАНЕ НАСЕКОМЫХ	17	
А. Илларионов ОБЫКНОВЕНИЕ ПУСКАТЬ ПАЛ	24	Художественный редактор Маргарита ГОРШКОВА
Л. КУКЛИН ДИНАМИТНЫЙ ПАТРОН. Рассказ	28	Технический редактор Людмила БУДРИНА Корректор Майя БУРАНГУЛОВА
Л. Прокопенко УРАЛЬСКИЙ СПИСОК «ГОРЯ ОТ УМА»	35	
С. Ивенский ЭКСЛИБРИСЫ	36	Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГПС-353, ул. 8 Марта, 8 Телефоны 51-09-71, 51-22-40
Д. Часов ОСТАВИТЬ СЛЕД, ПРОДОЛЖИТЬ ПАМЯТЬ	41	
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	42	
В. Соколовский ОБЛАКО, ЗОЛОТАЯ ПОЛЯНКА. Повесть-сказка в письмах. Окончание	44	Рукописи не возвращаются Сдано в набор 31/V 1979 г. НС 12122 Подписано к печати 13/VII 1979 г. Бумага 84×108 ¹ / ₁₆ . Бумажных листов 2,62 Печатных листов 8,8 Учетно-издательских листов 10,5 Тираж 247 000. Заказ 578. Цена 35 коп. Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.
ЗА «КРУГЛЫМ СТОЛОМ» — ФАНТАСТЫ	61	
А. Малахов ИДОЛИЩА ШАРТАШСКИЕ!	66	
В. Суров СВАРЩИК	69	
В. Паначев БЕИ В ЦЕЛЬ!	70	На 1-й стр. обложки — рис. З. БАЖЕНОВОЙ.
Е. Шумилов МАСТЕР РУЖЕЙНЫХ УЗОРОВ	75	
МИР НА ЛАДОНИ	78	© «Уральский следопыт», 1979 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№9 * 1979

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

Ветром полные паруса

«Круглый стол»

„Уральского следопыта“:

Я ИЩУ ИДЕАЛ...

Весной нынешнего года в Свердловске проходила научно-практическая конференция старшеклассников. Ребята представили 705 рефератов по литературе, обществоведению, истории, физике, биологии. Шестьсот уральских ученых рецензировали труды юных исследователей. И большинство оценок — хорошие. Приятно выделить нижнетагильцев: городское научное общество школьников насчитывает около тысячи членов.

Рефераты питомцев кандидата философских наук Ю. Петрова отличались смелостью, остротой в вопросах, волнующих сегодняшних подростков. И один из главных — вопрос о нравственном идеале.

Редакция «Уральского следопыта» пригласила группу школьников и отобрала для обсуждения рефераты, в которых разрабатывались те или иные нравственные проблемы при вступлении подростка в пору гражданской зрелости.

В РАЗГОВОРЕ УЧАСТВУЮТ:

Александр ВОХМЯНИН (пос. Заречный, шк. № 2), Марина ОРЛОВА, Ольга ВАВИЛИНА, Андрей КУЗЬМЕНКОВ, Татьяна КЛОЧКОВА, Наташа ВЫЧЕГЖАНИНА, Наташа КАМЕШКОВА, Ирина ШАПКО (г. Нижний Тагил, городское научное общество школьников), Юрий ПУРГИН, Александр ХАН, Ирина БЕРЕЗОВСКАЯ (г. Свердловск), Ольга ЛЕБЕДЕВА (г. Сысерть), Елена СИДОРОВА (г. Асбест), Ольга РЕУТОВА (г. Верхняя Салда).

Кю р р.: Кем-то из мудрых замечено: человек с множеством идей не бывает серьезным. Постараемся поставить разговор на серьезную основу. Предлагаю посмотреть на нравственный идеал подростка с двух точек: что тревожит в выборе идеала, что радует, обогащает...

Ю. Пургин: Самое тревожное — раздвоенность. У меня есть приятель — он пишет прекраснотушные и красивые рефераты о нравственности, причем мыслит глубоко, оригинально, как человек же не только не соответствует проповедуемо-

му, но живет по принципам совсем противоположным. Говорит о добре, а сам эгоист. Твердит о бескорыстии, но жаден. Призывает к труду, а лентяй. И вообще, мы чаще говорим одно, делаем — другое...

М. Орлова: Меня посещают сомнения в существовании идеалов. Ненавижу трусость. Особенно среди парней. Она, трусость, предательство по отношению к идеалу мужественности, которому, мне кажется, должны следовать ребята. А то, что мы, девчонки, трусики, нам прощается...

Ю. Пургин: И нам прощается... Надеемся, пока прощается. Вообще же, я не хочу, чтобы меня часто прощали. Сам себя я прощаю с трудом. И долго на сердце осадок.

Корр.: Горечь — голос совести. Пока в человеке говорит совесть, он не безнадежен... Собственно, идеал — представление о высшем совершенстве. И не в границах частности. В нравственное понятие идеала вкладывается то, чему служит человек всей своей жизнью. Осуществление идеала, на мой взгляд, это все большее служение чему-то одному, нераздельному. Скажем, добру или злу, себе или обществу...

А. Хан: Хорошо говорить с высоты вашего возраста: все четко определено. А вспомните себя в десятом? Состояние такое: есть потребность счастья, но мотивы и пути неясны. Теоретически предполагаю так: если буду всего себя отдавать любимому делу, буду счастлив. Но абсолютно ли? Мне кажется, главный вопрос века: может ли отдельный человек считать себя счастливым, когда рядом столько зла и несовершенств — ложь, лень, жестокость...

Н. Вычегжанина: Но человек так редко бывает один против

мира! Эпоха Дон-Кихотов кончилась давным-давно. Забываем, что мы — питомцы коллектива. Семья — коллектив, класс — коллектив, даже в кино и за город отправляются коллективно... Всю ложь и жестокость мира не уничтожить в одиночку, но в коллективе можно создать условия, которые бы делали человека ну, если и не счастливым до конца, то хотя бы не несчастным.

Ю. Пургин: Вот уж ни за что бы не отдал на растерзание коллективу свое счастье. Вы не замечали, что мы становимся совсем не такими, какие есть, когда начинаем жить этими самыми законами коллектива. Вот тогда и появляется двойственность, о которой я говорил. А кто излечит страшную болезнь — формализм? Что ни говори, нынешние коллективы сами нуждаются в лечении. Как-то собирали металлолом. Устали — и не явились всем классом на следующий урок. Очень уж быстро мы смогли объединиться для порочной цели. Забудьте, коллективно объединились!

О. Вавилина: Не всякий класс — хороший коллектив. И нельзя судить о нравственных целях коллектива по одному грешку. Вот так мы и губим великие цели, ставя себе такие, которые решаются не порывом

сердца, не принципом, не убеждениями, а обычным рабочим порядком. Мы, как говорится, бьем из пушки по воробьям. Если говорим коллектив — сила, то и задачи надо выбирать по плечу... Я серьезно заинтересовалась вопросом: как прогрессивная молодежь защищает свои права на Западе. В странах «Общего рынка», например, 6 миллионов безработных. Большинство — молодежь. И она выдвигает лозунг: «Долой Европу капиталистов!», «Молодежи — работу немедленно». Из Милана отправляются представители и маршем прибывают в Брюссель, где заседают министры стран «Общего рынка». И требуют своего. Серьезна цель, серьезны и действия. О коллективе надо судить по той силе, на которую он способен. Идеал выше частностей!

А. Кузьменков: Задачи школьному коллективу даже и не надо отыскивать. Сколько ни витийствуй, а обязанность, цель и стремление направлены на приобретение знаний, то есть хорошую учебу... Я в своем реферате задался целью как раз и выявить роль нравственного идеала в формировании стимулов хорошей учебы.

Психологи указывают, что идеал человека окончательно формируется в юношеском возрасте. А каким он

должен быть? Я согласен с руководителем нашей секции философии и социологии Ю. П. Петровым, что «коммунистический нравственный идеал включает в себя представление о всесторонне, гармонически развитой личности, действующей в соответствии с требованиями коммунистической нравственности. У советского человека должна быть активная жизненная позиция. Его цель — служение общему делу». И я скажу, что внутренние потребности нынешних подростков соответствуют именно этому. Сто процентов опрошенных старшеклассников на вопрос «Нужно ли учиться?» ответили: «Нужно!» Кажется, цель достигнута, все хотят учиться, все прекрасно: желаемое и действительное приведены в соответствие. Однако нет. Лишь трое из опрошенных 150 человек считают, что занимаются в полную силу. Оказывается, рядом с желанием учиться существует и нежелание, иногда доходящее до бойкота того или иного предмета. Сто процентов опрошенных считают, что не все предметы, входящие в программу средней школы, нужны. Приведу выдержки из бесед.

Девятиклассница Татьяна Д.: «Не понимаю, для чего мне химия? Ведь я не собираюсь быть химиком. Как подумаю про эти реакции, у меня просто руки отваливаются».

Десятиклассник Игорь Н.: «Есть такая песенка: физкультура не предмет, хочешь — делай, хочешь — нет. Я не хочу, а меня заставляют».

Десятиклассник Виктор Г.: «Мне на биологию идти — хуже смерти...»

Говоря так, ребята, быть может, не подзревая, затрагивают одну из острых проблем — дифференциацию обучения... Рано или поздно человек выбирает что-то одно. Отличник с этих позиций — явление отрицательное, об этом я заявляю с полной ответственностью. Тот, кто все предметы вытягивает на «пять», явно не имеет смелости отдать предпочтение чему-то одному, не способен к одержимости. Не надо думать, что я начал с разговора о гармонично развитой личности, а проповедую профессиональный кретинизм. Я за определение академика Тимирязева: «Надо знать понемногу обо всем и все о немногом!»

С. Меркучева: Очень много в выступлении Саши «должен», «надо». Да, мы преемственно знаем, что быть хорошим лучше, чем плохим. А где брать силы? Не думаю, что можно бесконечно прибегать к нравственной поддержке литературных героев, которые, как со временем понимаешь, — красивые, утешительные, но вымысел. Конечно, вроде бы можно брать в пример газетных героев, но журналисты часто показывают вместо живого человека — схему. Так кому же подражать? Подруге? Однокласснице? Соседке? Хороших людей немало, а приглядишься, все те же человеческие слабости — и ленца, и вещизм, и пусть небольшие, но все же постоянные погрешения против совести...

А. Вохмянин: Если говорить об образце для подражания, произнесу первое и главное имя — Ленин. Свой реферат так и назвал: «Ленин — вождь и товарищ наш». Почему Ленина любим безоговорочно? Чем светла для нас эта личность? Он умел понимать! Да, понимать — от ребенка до министра. Я не могу четко выразить, почему меня пленит именно эта черта. Кто-то сказал, что счастье — когда тебя понимают... И все, кто пишет о Ленине, как бы несут частичку счастья, обретенного при встрече с вождем... Замечаю, что все несчастье в жизни как раз от неспособности понять друг друга.

Е. Сидорова: Я писала реферат о женщинах революции. Сейчас со страхом думаю: что было бы, пройди я мимо этой темы... Великие, завидные судьбы! Я думаю, что такая национальная черта русских женщин, как самоотверженность, выразилась в них с недоступной силой!

О. Реутова: А Сент-Экзюпери? Я не говорю о самом писателе, хотя фигура его симпатична. Я говорю о том бесконечном запасе добра, который несут его герои... Помните: «Вот мой секрет — зорко только сердце». Я часто слышу слова о дружбе и удивляюсь, что некоторые пытаются умом оценить это чувство. А ведь в народе о хорошей дружбе так и говорится — «сердечная дружба»... Я думаю, нас порой

не удовлетворяет тот или иной литературный герой, потому что мы анализируем, анализируем... А сердце — молчит. Я люблю книгу «Земля людей», она мне помогает жить, питает добром...

О. Миронова: Да разве только из судеб и характеров конкретных людей или литературных героев можно черпать силы? А нравственные поиски великих наших мыслителей Толстого, Достоевского? Для меня явились и жизненным откровением и, если хотите, звездой путеводной слова Толстого: «Сострадавшие есть главный и, может быть, самый главный закон бытия». Мне кажется, претензии к нам со стороны взрослых именно в этом — мы не умеем сострадать...

Корр.: С удовольствием поддержу Олю. Только с поправкой: нет у взрослых претензии к юности. Не то слово. Мы смотрим с надеждой и радостью на входящих в жизнь. Не знаю, кто в ком больше нуждается — или вы в наших наставниках, или мы — в вечно обновляющем нас и жизнь вокруг приливе надежды, чистоты, добра, которые несет молодость. Да, мы имеем право смотреть на вас с надеждой, похожей на строгость: вам, в сущности, вести и продолжать наши дела. А в руки юных передается немалое — великая страна! Сохраните ли по крупице собранное предками наследие? Не забудете ли кровное родство свое? Не променяете ли на «поп-идолов» наше, исконное, русское? Я вот посмотрел анкету, розданную перед началом «круглого стола», где просил назвать черты нравственного идеала, к которому стремитесь и которые, на ваш взгляд, можно увеличивать бесконечно. И как не радоваться, что вы были удивительно единодушны: пусть царят в мире безраздельно знания и добро. Согласен с Олей Реутовой: надо слышать идеал сердцем, но не обязательно бояться анализа...

Т. Клочкова: Я тоже за зоркость сердца. Но анализировать просто необходимо! Абстрактные разговоры приятны, но польза от них больше эмоциональная. А я задалась

конкретной целью: исследовать день ученика и посмотреть с точки зрения насыщенности нравственными поступками. И что бы вы думали? Даже самые заядлые активисты отдают на общие дела 15 процентов времени. А большинство юношей использовало не в интересах коллектива до 94 процентов времени. Нет, себя мы любим. Цифры просто вопиют о нашем нежелании служить общим интересам, о неумении жертвовать... И где гарантия, что мы будем бескорыстнее, чем сейчас...

А. Чечулин: Даю гарантии — будем более бескорыстными! Я как раз исследовал роль нравственного идеала в формировании бескорыстия личности. Считаю, что добрым может быть только бескорыстный человек. Истинно смелым и надежным — он же. Нет лучше друга бескорыстного!

Четвертый, седьмой, десятый классы — вот ключевые этапы возрастания бескорыстия в характере. Вполне объяснимо: растет осознанность идеала. По моим данным — 80 процентов старшеклассников отметили сознательное стремление к бескорыстию соответственно нравственному идеалу. Тогда как в младшем подростковом возрасте о бескорыстии упомянула только четвертая часть опрошенных... И резкий скачок бескорыстия — в старшем подростковом возрасте. Здесь готовы служить обществу без корысти 62 процента учеников. Вполне утешительная картина.

И. Шапко: Есть что-то неловкое в раскладывании по процентам нашего бескорыстия. Бескорыстие — это безоглядное, рыцарское служение общему делу. Я склонна думать, что картина, нарисованная Сашей, мягко говоря, приукрашена. Как все-таки расточительно и бездумно транжирируем мы время, которое можно было обратить на пользу. Из шести свободных часов, которые имеет школьник, он 2—3 часа торчит перед телевизором и только 20 минут отдает спорту, 40 — общественной работе и музыке. Причем 100 процентов восьмиклассников смотрят только фильмы, немного отстают и старшеклассники — до 68

процентов. А за учебными передачами следят только 6 процентов учеников. И выбор книг для чтения, скажем, определяется не советами библиотекаря или родителей, а друзей. Да, в 14—18 лет советом друга дорожат больше всего. И все-таки какая расточительность времени, будто впереди — вечность!

Н. Камешкова: То есть дорожат дружбой, общностью, единомыслием. Я хочу выступить в защиту коллектива — ему, как говорится, досталось на орехи в сегодняшнем разговоре. А все-таки окончательной оценкой является та, которую вынес о человеке коллектив. Это — факт. Коллектив — справедливый судья. А что касается расточительности, страшного, по-моему, ничего нет. Да, юность — это когда впереди вечность! И чувство это прекрасно. Я не сторонница сугубой деловитости в обобщениях. В конце концов, мы стремимся к счастью, а оно — чувство! И в сердце будет тот идеал, который принесет в жизнь ощущение ее полноты, счастья, удовлетворенности. Я, например, не вижу возможности каких-то строгих выводов о нравственном идеале. Жизнь летит так быстро! И она будет учить нас еще многому-многому. Одно действительно несомненно — увеличивать в мире бесконечно и можно и нужно добро.

Корр.: Признаться, мне очень хотелось, чтобы вы пришли именно к такому выводу. И когда прозвучали слова о добре с такой вот искренностью, я решаюсь с удовлетворением подвести черту. Это касается только сегодняшнего разговора. Надо думать и чувствовать без усталости! Собственно, любая достигнутая ступень есть частично реализованный идеал. Путь к истине не розов. Не надо пугаться заблуждений, если, конечно, истина, которой ты готов служить до конца, определена. Ведь для того, кто не знает, к какой пристани держит путь, ни один ветер не бывает попутным.

Вел «круглый стол»
Юрий БОРИСИХИН,
корр. «Уральского следопыта».

**Владимир
ЗЮСЬКИН**

Акселерат

Была в бригаде тишь да гладь.
Могли порой в «козла» сгонять,
на опохмелку взять винца...
Взаимопомощь! Чуткость!
Глядь —
нам дали этого юнца.
Вошел он в цех — сажень
в плечах.
Фигура — столб, рука — рычаг.
В потертых джинсах, как ковбой,
идет по цеху — хвост трубой.
Станок включил — глаза горят.
Мы поняли: акселерат!
Нас он вначале поражал:
работал, как тушил пожар.
Ему сказали: не гони.
А он — настырные они —
глядит, как будто вырыл клад.
Акселерат!
Мы так и знали: довникал —
дал сверх задания. Завал!
Уж лучше бы у всех запой,
чем среди бела дня разбой:
ведь тут расчихает любой,
и нормы кверху полетят...
Акселерат!
И мы решили дать урок,
но был совсем не тот итог:
у Вани шея на боку,
а я согнуться не могу.
Спасибо — не видал никто.
Он объяснил потом: дзю-до!
Хоть впятером — положит в ряд.
Акселерат!
Тогда с дружкой пошли в обход:
Мол, это слухи, что не пьет!
Я подошел, кадык потер.
Иван плеснул в стакан «Кагор».
Он посмотрел в упор на нас,
как будто видит в первый раз.
Откинув волосы со лба,
сказал, что пить — удел раба.
Кто — мы рабы? Дает же гад!
Акселерат!
Была в бригаде тишь да гладь.
Могли порой в «козла» сгонять,
на опохмелку взять винца...
Взаимопомощь! Чуткость!
Глядь —
нам дали этого юнца!

ГДЕ КАК ГОВОРЯТ

Наш город шахтерский. Профессиональных шахтерских слов ребята из пятого «а» класса нашей школы сколько угодно вам назовут. Да и не только шахтерских. Слава Самохвалов таких медицинских слов поднабрал, что язык сломаешь. Мать у него в больнице работает. У Вовы Путины отец — шофер, он знает, как все части у машины называются. И Вова их без запинки назовет.

А еще у нас ребята собирают диалектные слова, которые только на Урале, и того больше — чаще в нашем городе употребляются.

Миша Журавлев однажды в домашнем задании полстранички бажовских слов записал, но без толку. Спрашивают его:

— Употребляются эти слова сейчас?

— Я откуда знаю...— говорит.

— Значение их понятно?

— Разве все запомнишь?

Миша Мясников ему тогда подсаживал. У него «Голубая змейка» с собой была.

В сказах Бажова диалектные слова очень легко можно отличить. Там они все отмечены, и о значении можно в сносках или в конце книги справиться. О многих и справляться не надо. Что такое «нимы»? Всем понятно — валенки. «Запоном» бабушки фартук называют.

Вот Коля Степанов действительно наши, еманжелинские, слова назвал. Когда он читал, — все поняли без всяких разъяснений. «Шибко» — это сильно, все знают. «Малушка», «малуха» — летняя кухня. «Зарод» редко кто стогом назовет. В других каких-то краях скажут, у нас — нет. Назови тяпку мотыгой — наши жители уже не поймут, о чем речь. Родители своим ребятам указание дают: «Протяпайте картошку». Разве не понятно? А вдруг бы кто-нибудь сказал: «Я сегодня картошку мотыжил»? «Чего, чего делал?!» — переспросили бы еманжелинские.

Так привыкли все наши говорить. Горница. Литовка... В книгах же эти слова называются иначе, по-

литературному: комната, коса... Слова эти, как в наших местах их произносят, — диалектные.

Много уральских слов пятиклассники выискали и записали. Иной раз и искать не приходится. У одного бабушка — «профессор» по диалектам, не ему, а ей пятерку ставить надо. Одно ее слово, правда, из-за Вали Миссаль, чуть не вычеркнули из местных слов: стайка. Спрашивают ее: что это такое?

— Это стая маленькая, — отвечает.

Вот тебе на: птичью стаю вспомнила!

— А у вас домашние животные где спят? — напал на Валу Степанов.

— У нас собака только. Она в конуре спит.

Ребята долго смеялись. У кого скотина на дворе живет — куры, козы, корова, — те знают, что «стайка» — это как хлев.

Сейчас мы к пионерскому сбору по истории нашего города готовимся. Дали задание ребятам: найти первых жителей Еманжелинских копей. Городом наш поселок совсем недавно стали называть, просто копи были. В тридцатые годы наши геологи каменный уголь, возник поселок из землянок с первыми жителями. Какая у нашего города история, если сосед, дедушка Иван, рассказывал, что где сейчас улицы Степная, Шахтера, — болото было, он на уток охотился... А название города дали объяснить первому звену, где одни девочки. Говорят, что Еманжелинск происходит от татарского слова, оно обозначает болотистую местность, непролазную грязь.

Девчонки слово «Еманжелинск» на части делят и к Денисламовым бегают, расшифровывают...

Е. ТОМИЛОВА,
учительница русского языка

Еманжелинск, школа № 2

ЛЕТЧИЦЫ

**Галина
КАРМАНОВА**

Рисунки
С. Сухова

До предела скуп язык наградного листа:

«Обнаружив группу вражеских бомбардировщиков типа Ю-88 и ДО-215 в количестве 42 самолетов, тт. Памятных и Сурначевская вступили в бой. Сбито 4 вражеских самолета».

...Весна 1943 года. День и ночь полк ведет патрулирование над крупнейшим железнодорожным узлом Касторная и мостом через Дон в районе Воронежа и Лиски. Идет перегруппировка наших войск перед великим Курским сражением.

Ранним утром 19 марта весь полк, за исключением дежурных

истребителей Тамары Памятных и Раи Сурначевской, вылетел отражать массированный налет на Лиски. Под натиском наших истребителей вражеские бомбардировщики беспорядочно сбрасывают бомбы в поле и поспешно, группами и в одиночку, уходят восвояси. Полк без потерь возвращается домой.

Командир полка Гриднев, выскочив из кабины, спешит на КП — выяснить обстановку у дежурных истребителей. А их нет на месте — они в воздухе. Опердежурный докладывает:

— Над Касторной большая группа бомбардировщиков. В воз-

духе только два наших истребителя — Памятных и Сурначевская. Связь с самолетами поддерживается.

На экране радиолокатора наши «ястребки» сближаются с противником. По радио слышен голос Тамары:

— Вижу самолеты...

И тут же изумленное восклицание Раи:

— Да их куча!..

А на станции большое скопление эшелонов с войсками, боеприпасами, вооружением...

— Атаковать! — приказывает по радио командир.

Шум — связь обрывается. Только что севшие истребители срочно направляются. Механики один за другим докладывают: «К вылету готовы!» Вот еще одна четверка пошла на Касторную.

Прилетают. Никаких следов боя — ни наших, ни противника... Не видно самолетов. Снизились летчики. Видят — обломки, и красная звезда на фюзеляже...

С тяжелым чувством возвращались истребители на свой аэродром. Неужели обе летчицы погибли? Где второй самолет? Всю ночь дежурные надрывались у телефонов, но на этот раз молчат даже посты службы наблюдения. Лишь на рассвете раздался звонок из штаба:

— Живы ваши летчицы, находятся на Касторной!.. Высылайте за ними самолет.

От командования фронтом поступила телеграмма, в которой выражалось восхищение бесстрашием, дерзостью и высоким летным мастерством Памятных и Сурначевской, отразивших налет сорока двух вражеских бомбардировщиков.

— Все как обычно, — рассказывала потом Тамара. — Идем в указанный квадрат. Высота 4000 метров. Впереди на западе вижу черные точки. Птицы?.. Нет, идут слишком ровно, и высота большая. Помахала Рае крылом: «Следуй за мной» — и пошла на сближение. Солнце сзади, можем скрытно подойти. Теперь уже ясно видим ниже себя метров на шестьдесят большую группу фашистских бомбардировщиков, чуть поодаль — еще одну группу. Сваливаем машины в крутое пикирование и открываем огонь по

как солдаты. В первые тяжелые месяцы войны погибли Лера Хомякова, Женя Прохорова, Рая Беляева, Катя Буданова... Не дождалась победы Лиля Литвяк, Лина Смирнова, Тоня Лебедева, Маша Батракова и другие летчицы. Совсем недавно схоронили комиссара полка Клавдию Ивановну Ягодкину...

Но живые рассказывают о мертвых.

Ираида Ивановна Олькова-Смахтина была до войны летчиком-инструктором в Свердловском аэроклубе. И нынче поднимают в небо воздушные лайнеры довоенные «крестники» Ираиды Ольковой: пилоты А. Арапов, Л. Зотиков, Г. Мезин — в аэропорту Кольцово, Ф. Быков, В. Романов — в Тюмени, Г. Лошманов — в Магадане. Командир звена 586-го полка Ира Олькова прошла весь его боевой путь, от начала до конца. На фронте она дружила с Раяй Беляевой, кировчанкой. Как говорят пилоты, они приземлялись крыло в крыло.

Рая родилась в семье железнодорожника. Окончила кожевничий техникум, работала мастером на фабрике искусственной кожи в Ленинграде, без отрыва от производства училась в аэроклубе. Летала на всех марках спортивных самолетов, участвовала в воздушных парадах. В октябре сорок первого была откомандирована в авиачасть № 122, а после назначена командиром 1-й эскадрильи 586-го полка.

Осенью 1942 года четыре экипажа из полка были направлены на Сталинградский фронт. Перелет к месту новой дислокации чуть не кончился трагически. Летчицы увидели пустой аэродром. Рая первая едва коснулась изрытой снарядами земли, как к ней подбежал перепуганный техник:

— Немедленно улетайте! Аэродром обстреливается, вот-вот ждем сюда фашистский десант...

И тут началось: столбы земли взметнулись к небу, пронзительно засвистели осколки. Звено «ястребков» на бреющем полете с трудом ушло от обстрела. Всю ночь техники потом латали пробитые на машинах...

Сто пятьдесят воздушных боев было на счету у Раи Беляевой. По-

самолетам, идущим в центре первой группы. Из атаки выходим боевым разворотом. Падают два горящих самолета, строй рассыпается... Следующая группа знает: в воздухе истребители. Подходят сомкнутым строем. Снова атакуем, уже сзади и сбоку. Сближаемся до предела — вижу в последнем самолете стрелка, даже различаю лицо. Жму на гашетку и успеваю еще увидеть пламя на плоскости крыла «юнкерса». Но тут мой самолет, вздрогнув, резко переворачивается и, вращаясь, стремительно несется к земле. Не могу открыть кабину, расстегнуть ремни — огромная сила вдавила в сиденье. А земля приближается с каждой секундой... Под напором воздуха с треском срывается с кабины колпак, и рука наконец выдерживает кольцо парашюта. В следующее мгновение грохочу на землю. Неподдалеку горит мой самолет...

...В первые дни войны шли в военкоматы девушки — из Осоавиахима, ГВФ и ведомственной авиации. Сотни писем приходили прославленно-

му штурману самолета «Родина» М. М. Расковой. Майор Раскова обратилась в правительство с предложением создать женские авиационные полки.

Первая авиагруппа № 122 уже в октябре 1941 года начала осваивать боевые машины. А в декабре того же года родился 586-й авиационный женский истребительный полк.

Его боевой путь — от берегов Волги до Вены. Сколько промышленных центров, железнодорожных узлов прикрыто самолетами Як-1 и Як-9, сколько мостов, переправ защитили они от бомбежки, сколько войск переброшено под их прикрытием!

Историю женского авиаполка досконально знают следопыты челябинской школы № 103. Знают боевые дела полка, знают живых и погибших его героинь — девушек, призванных войной, тех, кто опровергли мнение, будто профессия военного летчика — не для женщин. Они дрались с мужской яростью и погибали

гибла она в сорок третьем. Медленно двигалась по аэродрому траурная процессия; замер, приподняв к небу острые капоты, строй боевых машин. Не было среди них сбитого самолета Раи Беляевой... Она погибла вместе со своей машиной. Покачивая крыльями, прошли над похоронной процессией два краснозвездных истребителя ее уральских подруг — Иры Ольковой и Гали Бурдиной. Ира долго не могла привыкнуть к тому, что Раи не стало...

О самой Ире ее однополчанки говорили так: «С ней очень спокойно в воздухе. Сколько бы ни меняли с поста наведения курс, высоту и режим полета во время поиска вражеского разведчика, в какую бы сложную метеобстановку ни приходилось попадать — с Ирой мы всегда точно приходили в намеченный пункт. Она ориентировалась, как птица...»

Вместе с Ирой не раз летала на задания Оля Яковлева, бывший инструктор Челябинского аэроклуба. Высокая, с короткой стрижкой, в бриджах и гимнастерке, она очень напоминала юношу. К началу войны у нее уже было 1200 часов налета. Вот как она рассказывает про один из воздушных боев на Воронежском фронте:

«Сидим с Ирой на аэродроме в готовности номер один и видим: «юнкерс» вывалился прямо из облаков. Мы уже запустили моторы, а ракеты все нет и нет... Но вот взметнулся вверх зеленый огонек, и мы рванулись вслед за ним. Взяли «юнкерс» в клещи: Ира зашла слева, я справа. Стрелок с «юнкерса» бьет по Ольковой, воспользовавшись этим, я подошла поближе и стала бить по правому мотору. Самолет задымил, потянул за собой черный шлейф. Потом сделал переворот через крыло и стал уходить от нас в облачность. О том, что бомбардировщики делают переворот через крыло, я до того и не слышала — видела впервые. На аэродроме узнали, что фашист все же упал и горит. Было это под 1 Мая 1943 года».

После ранения и госпиталя Оля не могла больше летать на истребителе. Но она продолжала воевать — командиром звена в эскадрилье свя-

зи: возила офицеров связи к линии фронта, доставляла врачей, почту, раненых.

Опытным пилотом была и Галя Бурдина, отличившаяся в боях на Корсунь-Шевченковском направлении. Галина Павловна Бурдина-Ермак по-прежнему работает в аэрофлоте, в рижской санавиации: водит машину в отдаленные уголки, возит хирургов, медикаменты к пострадавшим. От Воронежа до Вены «пролетела» со своим полком и челябинская девушка Агния Полянцева.

В Троицке Челябинской области живет еще одна летчица 586-го авиаполка — Зоя Михайловна Пожидаева-Столярова. Сколько раз сбивали девушки за войну фашистских пилотов, но никогда не приходилось их видеть, что называется, в глаза: они либо погибали, либо подбирали их наземные части. После одного из вылетов младшего лейтенанта Зоя Пожидаевой оба фашистских пилота были доставлены на командный пункт полка. У одного из них оказался серебряный крест — личная награда Гитлера за разбой в стра-

нах Европы. И такого аса сбивала девушка...

Вот так воевали уральские девушки-летчицы.

А эстафету их продолжают сегодняшние мальчишки. Академию им. Можайского окончил Володя Сурнин, учится в ней Витя Кем. В академии им. Жуковского учатся Витя Янц и Валера Пеньков. Одинадцать мальчишек, выпускников челябинской школы № 103, окончив летные училища, работают в авиации. В военных училищах проходят учебу Женя Лупан, Женя Громов, Коля Петров, Сережа Колосов, Олег Чистилин и другие.

Этим орлятам мечту летать дала школа, а профессию — следопытский поиск, пример отважных летчиц 586-го авиационного полка.

На рисунке: Ираида Олькова, командир звена 586-го авиаполка; Галина Бурдина, командир звена; Ольга Яковлева — летчик-истребитель.

Литературная запись
Н. Широковой.

ОТЕЦ

**Николай
ШИРОКОВ**

Фото
А. Лысякова

Уральский завод тяжелого машиностроения имени Серго Орджоникидзе — детище первой пятилетки. В строительстве Уралмаша заложены ленинские идеи об индустриализации страны. «Подъем производительности труда требует, — писал В. И. Ленин, — прежде всего обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности. Российская Советская Республика находится постольку в выгодных условиях, что она располагает — даже после Брестского мира — гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь)... Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил».

Так родилась идея создания грандиозного Урало-Кузнецкого комбината, машиностроительным ядром которого должен был стать Уралмашзавод. В планах первой пятилетки намечалось, что к 1934—1935 годам Урал и Сибирь будут производить 42 процента всей отечественной продукции тяжелого машиностроения.

Да, Уралмаш — первый гигант. Но уже строились Магнитогорский металлургический и Красноуральский медеплавильный комбинаты, Челябинские заводы тракторный и ферросплавов, Березниковский и Соликамский химкомбинаты, Нижнетагильский вагонный завод... Первая пятилетка дала Уралу 149 крупнейших промышленных предприятий, готовились к пуску еще 80...

«...Оказывается, что в течение первой пятилетки должно быть затрачено на Урало-Кузбасс 600 миллионов рублей. Вот работы-то! Грандиозный и небывалый размах! И снова приходят мысли о том, что мы живем в чудеснейшее, не сравнимое ни с каким другим время. Время индустриальных битв и побед!..»

Это не строки публицистической статьи, а частное письмо инженера-первостроителя Уралмаша В. Синцова своей жене, написанное 11 апреля 1929 года — 50 лет назад. Не делилась жизнь первопроходцев на

ЗАВОДОВ

время личное и рабочее. Так на Уралмаше и повелось: все полезное, найденное талантливой инженерной мыслью или порывом трудового энтузиазма, становилось достоянием других заводов страны.

В летописи Уралмаша сохранилось воспоминание о таком примечательном факте. 13 августа 1929 года в ремонтно-строительном цехе слесари А. Туревич, А. Лубегин, В. Трофимов и М. Гервиц объявили себя первой ударной бригадой на Уралмашстрое. Они призвали всех слесарей, кузнецов, кровельщиков и чернорабочих последовать их примеру. Бригадиром стал участник гражданской войны А. Туревич. Ударников поддержали начальник цеха коммунист В. Ивановский и его помощник И. Вороничев, которые заявили, что сами вступят в бригаду и будут ее постоянными шефами.

Первое задание — оборудовать кузницу своего цеха — ударники выполнили с праздничным приподнятым настроением, работали от души. Все сразу увидели, насколько производительнее и дружнее труд в ударной бригаде. Почин металлистов поддержали столяры, плотники, арматурщики и землекопы. К концу 1929 года на Уралмашстрое было создано 25 ударных бригад. Появились такие бригады и в стране.

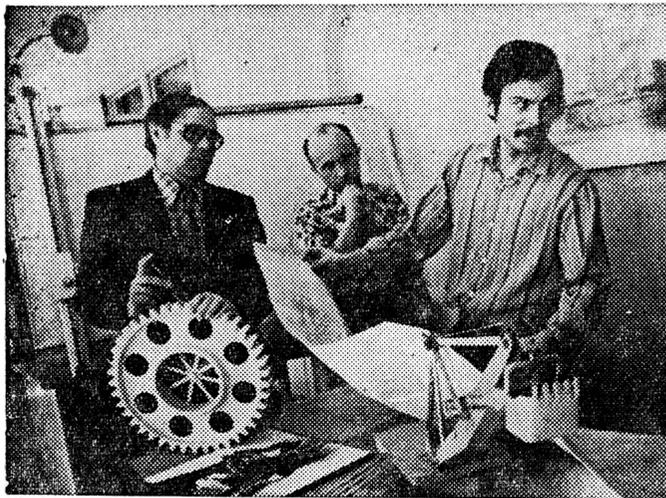
...Сейчас на Уралмаше качественно новый этап внедрения прогрессивных коллективных форм организации труда — создаются комплексные сквозные бригады. Преимущества их налицо: значительно повышается производительность труда, крепнет взаимопомощь, трудовая дисциплина.

Нельзя не увидеть в этих фактах продолжение, развитие славных традиций, рожденных первой пятилеткой.

Таких примеров — множество. Параллели напрашиваются, проводятся сами собой.

15 июля, в день 10-й годовщины освобождения Урала от колчаковских банд, на три месяца раньше срока вступил в строй цех металлических конструкций. Через два дня Уралмашстрой через печать обратился к Магнитострою с предложением своих услуг по изготовлению металлоконструкций для домен и мартенов. Рождалось весьма важное ка-

чество, которое впоследствии было названо «уралмашевским характером». В это понятие включают смелость инженерных решений, верность данному слову. Еще недостроенный, Уралмаш дерзнул взяться за выполнение заказов для строек металлургии.

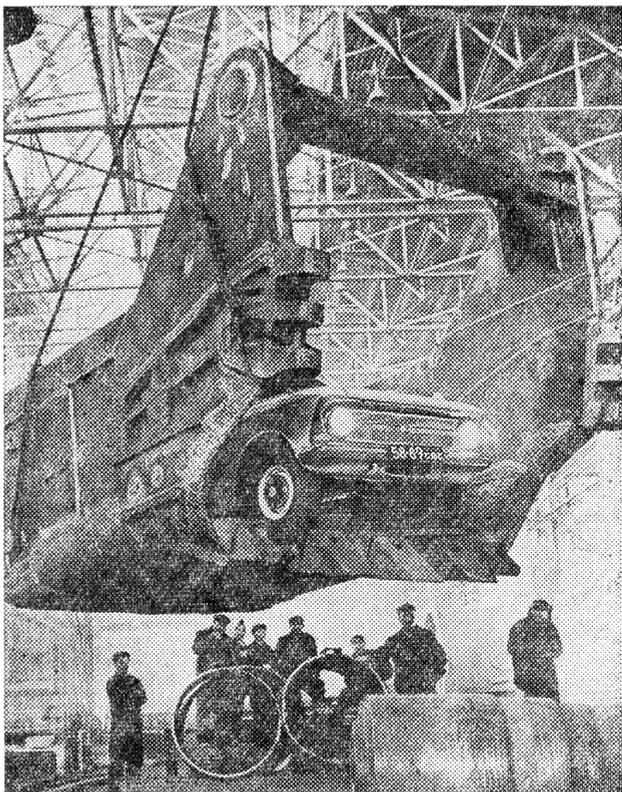
«...Параллели? Пожалуйста. Вот свежий пример: в сжатые сроки поставлено уникальное оборудование для универсально-балочного стана на Нижнетагильском металлургическом комбинате. А история создания непрерывных машин литья? Тут и смелости, и дерзости, и веры в свои силы — без страха перед трудностями и сложностями, и даже романтики (начинали создавать проект таких машин без министерского утверждения, в нерабочее время, на энтузиазме) — в превеликом количестве. Опять же сказался «уралмашевский характер», корни которого уходят в ту далекую первую пятилетку.

Теперь многие из машин, созданных на заводе, не имеют аналогов в мировой практике. Это и самый крупный в мире гидравлический экскаватор, и шагающие землекопы-великаны, и установки непрерывного литья... Установки кустового бурения нефтяных скважин в заболоченных районах Западной Сибири — последнее слово техники. С помощью одного такого агрегата можно бурить 16 наклонных скважин глубиной до 3300 метров. При этом производительность труда буровых бригад повышается в три раза!

Уралмашу стало тесно... И создаются заводы-филиалы: машиностроительный — в поселке Буланаш, литья и поковок — в Невьянске.

Без перевода слово «Уралмаш» известно в Америке, Африке, Азии. Разве не приятно всем нам, когда и заграничный рабочий люд с уважением говорит про уральские машины: «О, Уралмаш — отлично. Советское — отлично!» Все правильно: и пятнышка малого нет на безупречной репутации отца заводов.

Фото А. Грахова
Фотохроника ТАСС

И вечно жить!

**Паруйр
СЕВАК**

Комитас

Опять колдует и поет
Любимый богом Комитас,
Опять тоской мне сердце рвет
Любимый богом Комитас.
Испивший муки до конца
Армянам ты родней отца.
Пусть у других вина подвалы,
Твоей нам хватит чаши малой.

Когда уходит юность, как ни жаль,
Мы понимаем, расставаясь с нею,
Что молодость походит на февраль.
Короче может быть или длиннее,
Любовь поправки вносит
в календарь.

**Амо
САГИЯН**

Пощадите

Ничего, ничего мне не надо.
Не прошу ни земли, ни воды.
Не за деньги отдам, а в награду
Мои ветви, цветы и плоды.
Я укрою от зноя, спасу от беды,
Приходите ко мне и возьмите
Мои ветви, цветы и плоды,
Только корни мои пощадите.

Комитас (1869—1935) — классик армянской музыки, основоположник армянской научной этнографии, собиратель и исследователь народных песен.

Все то же небо надо мной,
И тропка та же вьется, убегая,
Но облака другие, дождь другой
И радуга над головой другая.
Все то же солнце светит с высоты
И освещает тот же сад и гряды,
Но новые деревья и цветы,
И незнаком совсем хозяин сада.
Все те же звезды, все наперечет,
И в тех же берегах река струится,
Но новая вода в реке течет,
А старая назад не возвратится.
И кровля та же самая, и даже
Все половицы прежние, как было...
Но, боже мой, зачем она все та же,
Стена, что нас когда-то разделила!

**Сильва
КАПУТИКЯН**

Трамвай

Амо Сагиян

Я в детстве не видела сказочных скал,
Родившись в одном из дворов Еревана,
Который, казалось, нарочно собрал
Все говоры Битлиса, Кохбы и Вана.
Не знала про ивы в те дни ничего,
Под тутовым деревом старым играла
С дворнягою Джеком, всегда на него
«Пошел» — моя ванская бабка кричала.
Не слышала рек в те далекие дни,
Волны Воротана, воды Арпачая...
Я слышала, как по кварталам звенит
Впервые звучащая песня трамвая.

Он сказочным нам представлялся
 конем,
 Ковром-самолетом, летящим до
 Норка,
 Не в Норк, нам казалось, мы едем
 на нем,
 А в дальние страны, почти до
 Нью-Йорка.
 Туда и обратно по несколько раз
 Катались мы всласть по тому же
 билету,
 Читалось в сияньи ребяческих глаз,
 Что звона трамвая прекраснее нету.

 Сигналя гудками, в сиянии фар
 Машины друг друга, хрипя,
 обгоняют,
 Вечерний троллейбус неспешен,
 устал,
 Себя он хозяином улиц считает.
 Холеные дамы нарядные руки
 Поднимут, такси на бегу замирают...
 А я, словно к старому, верному
 другу,
 Иду, не спеша, к остановке трамвая.
 По новым, красивым и светлым
 кварталам
 Идет он, звеня, отражая огни,
 И за три копейки, почти что
 задаром,
 Увозит меня в миновавшие дни.
 Идет, рассыпаясь залиvistым
 звоном,
 По улицам детства опять и опять.
 Ах, если б на миг мне дано было
 снова
 Тот детский, звенящий восторг
 испытать.

О, если б я могла

Цветком покорно увядать с улыбкой
 И сохранять спокойствие при этом,
 Зерном пшеницы превращаться
 в колос
 И сохранять веселие при этом,
 Рекой, играющей, катиться в море,
 И сохранять неведение при этом,
 Звездой падучей в вечность
 соскользнуть
 И сохранять безмолвие при этом...

О, если б я могла,
 Как мать-природа, гибнуть
 ежедневно
 И оставаться вечно жить при этом.

Рачия ОВАНИСЯН

Душа моя, что Синей Птицы нет,
 Что это сказка, верить подожди.
 Ночами нам мешают, словно бред,
 То насморк вдруг, то кошки, то
 дожди...
 И что-то ищем, словно детства дни
 Вернулись к нам, и эта сказка
 длится...
 Ты на рассвете в сердце загляни,
 Взгляни, не там ли сказочная птица.

Анант ПАРСАМЯН

Я жажду истины,
 Я правды той желаю,
 Что носит имя светлое Любви.
 Ведь если люди мы,
 То все мы не чужие.

Со дня рожденья
 Жаждем мы любви...
 Мы, узники сердец
 Горячих наших,
 Грубим друг другу,—
 Зачастую губим
 В себе желанье
 Приласкать друг друга,—
 По той простой причине,
 Что стыдимся
 Поцеловать друг друга...—
 Мы такие.
 Мы только люди,
 Но, увы, не боги.
 И погибаем мы
 От голода и жажды,
 От жажды нежности
 И голода любви.

Ваагн ДАВТЯН

Мне сердце гулкое, как древний
 храм, дано.
 Шепни, и эхом полнится оно,
 На трепет вдоха песней отдается,
 Которая из сердца птиц рвется
 И долго льется приглушенным
 звоном,
 Как колокол в селеньи отдаленном.
 Мне сердце гулкое, как древний
 храм, дано.
 Шепни, и песней полнится оно.

Геворг ЭМИН

Далеко не падает яблоко
от яблони...
Но права пословица все же
не всегда.
Что поделает яблоку на могучей
яблоне,
Яблоне раскидистой, что росла года?
Дерево, что вспоено влагою
севанскою,
Ветви разрастаются шире, что ни
день,
Но мала под деревом мать-земля
армянская —
И могучей яблони не вмещает тень.
Над чужой землею ветви
простираются,
И когда срывается яблоко с ветвей,
Как бы ни старалось, падает,
случается,
Далеко от яблони, средь чужих
полей.
Яблоки не падают далеко от
яблони...
Ну, а если падают, кто тут виноват?
И вдали от родины пусть всегда
хранят они
Яблока армянского вкус и аромат.

Рубен СЕВАК

Дитя, зачем меня, скажи,
Ты безрассудно полюбила,
И в сердце юное, где мотыльку бы
жить,
Орла седого заключила?

Ты в книге мира строчки не прочла,
Глаза лишь радость жизни
излучали,
Но трепету любви ты предпочла
Усталый клекот вестника печали.

Мария АКОПЯН

Ну что за сердце?

Ну что за сердце мне досталось?
Когда смеюсь, оно болит,
Заплачу, сердце засмеялось,
Заговорю, оно молчит.
Жизву, его не понимая,
Хотя понять его старалась.
Что хорошо, что нет, не знаю...
Ну что за сердце мне досталось?

Ерджаник АРАКЕЛЯН

Старуха-осень с посохом шагает
По улицам притихшим и пустым,
И стелется за нею следом дым,
Сухие листья дворники сжигают.
Короче день, и небо в тучах
черных,
И с ветром долетает до людей
Глухое ржанье белых лошадей,
Пасущихся в лугах высокогорных.

Ованес ШИРАЗ

Склонись, прохожий. Непременно
Прочти на камне письмена.
Под камнем этим горсть вселенной
Погребена.
Она лежит под камнем этим.
Здесь сердце матери. Оно
Всей болью всех сердец на свете
Обожжено.
Склонись, прохожий. Непременно
Прочти на камне письмена.
В могиле этой горсть вселенной
Погребена.

Рисунки
В. Маринова

Стихи этой подборки переведены с армянского М. Рыжковым. Рыжков Марк Николаевич — уродец, родился в 1935 году. Учился в Свердловске, здесь же закончил медицинский институт. Четыре года после окончания института работала в Нижнем Тагиле, затем вернулся в Свердловск, трудится по специальности.

Лет восемь назад начал самостоятельно изучать армянский язык. Поэтические способности и отличное знание языка помогли ему стать переводчиком армянской поэзии, признанным в Армении мастером перевода.

А путь и далек, и долог

ЮЖНОУРАЛЬСКАЯ СТЕПЬ.

**Роальд
КАПТИКОВ**

*Этюды автора
Репродукции
А. Нагибина*

Ветер вырывает из рук веревки, за которые мы пытаемся удерживать превратившиеся в паруса палатки, он швыряет в нас кучи песка и пыли, словно кто-то старательно протирает тебя наждачной шкуркой. Одна из палаток уже превратилась в пляшущий ком алюминиевых трубок и брезента. Что-то кричит шеф. Очевидно, он недоволен Лешей, который, схватив фотоаппарат, лихорадочно снимает картину «борьбы со стихией» вместо того, чтобы бороться с ней.

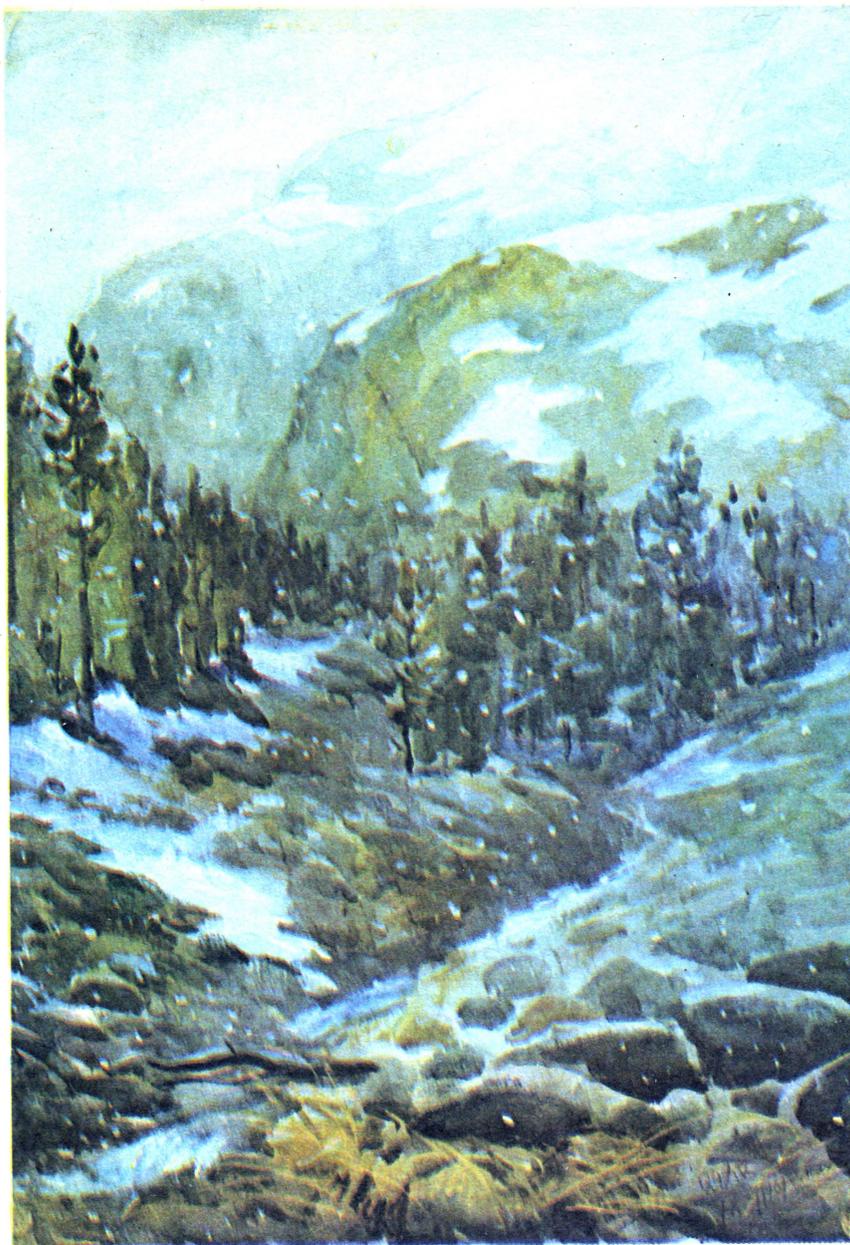
Мы обедали на берегу Ириклинского водохранилища, что на реке Урал. Зной. Вдруг на противоположном берегу моря появилось серое облако, оно перекатывалось через пологие холмы, ползло низко над землей, точнее, по земле. Деревня на берегу исчезла. Рассуждая о том, что «в деревне сейчас не сладко» и что «нас буря, кажется, не заденет», спокойно заканчивали обед. Облако и впрямь пронеслось мимо нас.

Однако ветер усилился, и следующим заходом буря накрыла наш лагерь. Совершается мое знакомство еще с одной стороной жизни геологов. Да, в поле бывает всякое...

Я не геолог и в экспедиции — впервые. Привело меня сюда желание испытать прелести походной жизни, но не по туристской путевке, где при всех достоинствах поход и все связанные с ним трудности представляются чем-то искусственным, «неправдашным», а в «настоящей» экспедиции, где люди заняты делом.

То, что геологи «не просто тебе бродяги», я догадывался и раньше. Но этим мои познания, пожалуй, и ограничились. Ну, ходят, ищут. Нашли — ура! Спешат со всех сторон строители, шахтеры, вырастают комбинаты, города. Оказалось все значительно сложнее. И для поисков нужна теоретическая основа, и путь от находок до городов не скор.

Среди геологов есть и те, которые ищут, и те, которые изучают и оценивают месторождения, определяют целесообразность и способы их разработки. А есть люди, в тиши кабинетов обобщающие результаты поисков, разрабатывающие научные рекомендации.

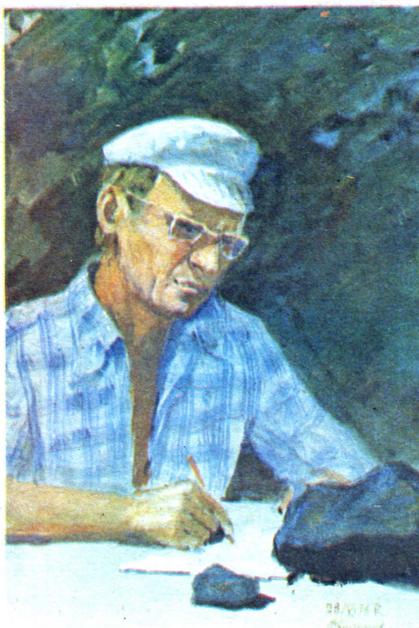
Вот уже много лет изучает уральские недра наш теперешний шеф, старший научный сотрудник УНЦ АН СССР Вениамин Григорьевич Фоминых, по 4—5 месяцев ежегодно, то жарясь на солнце в южноуральских степях, то подкармливая комаров на Полярном Урале.

Он кандидат геолого-минералогических наук, и тема его работы «Закономерности распределения титаномагнетитовых руд на Урале». Его теоретические выводы помогают в поисках и в оценке месторождений. Разговор двух геологов порой так же мало понятен непосвящен-

ному, как, скажем, физиков или математиков.

Кое-чему, однако, я уже научился. Могу, например, отличить рудноносную породу габбро от гранита или эпидозита, научился откалывать геологическим молотком образцы горных пород и руд, чтобы они получились нужной массы и формы. Одним словом, путь, пройденный в качестве подсобного рабочего экспедиции, не прошел даром.

Впрочем, «пройденный» — это не совсем точно: в нашем распоряжении был ГАЗ-66, и при необходимости мы преодолевали в день не

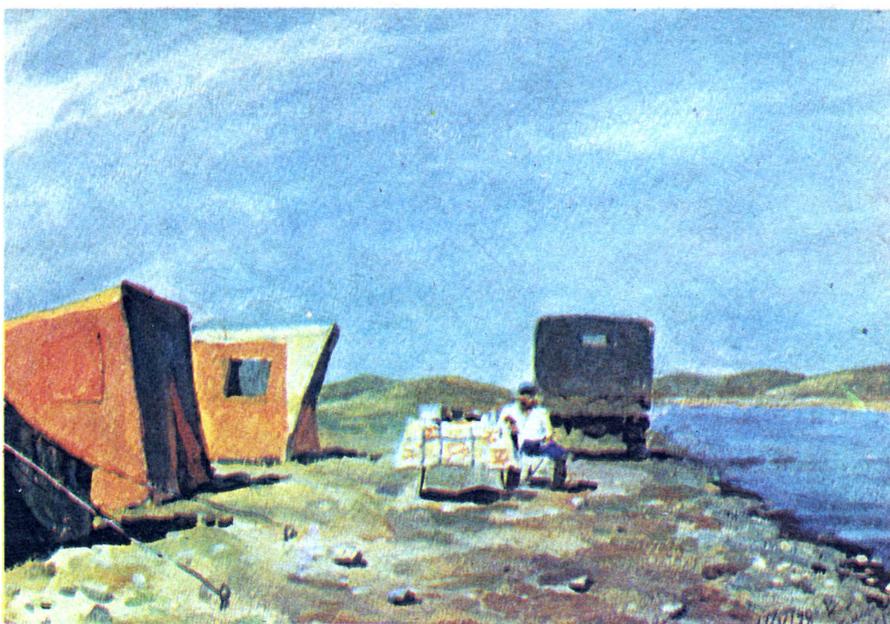
В. Г. ФОМИНЫХ
ЗА «КАМЕРАЛКОЙ».

НА БЕРЕГУ БУХТЫ
СТЕПНОГО МОРЯ.

◀ НА СЕВЕРНОМ УРАЛЕ
ЛЕТО...

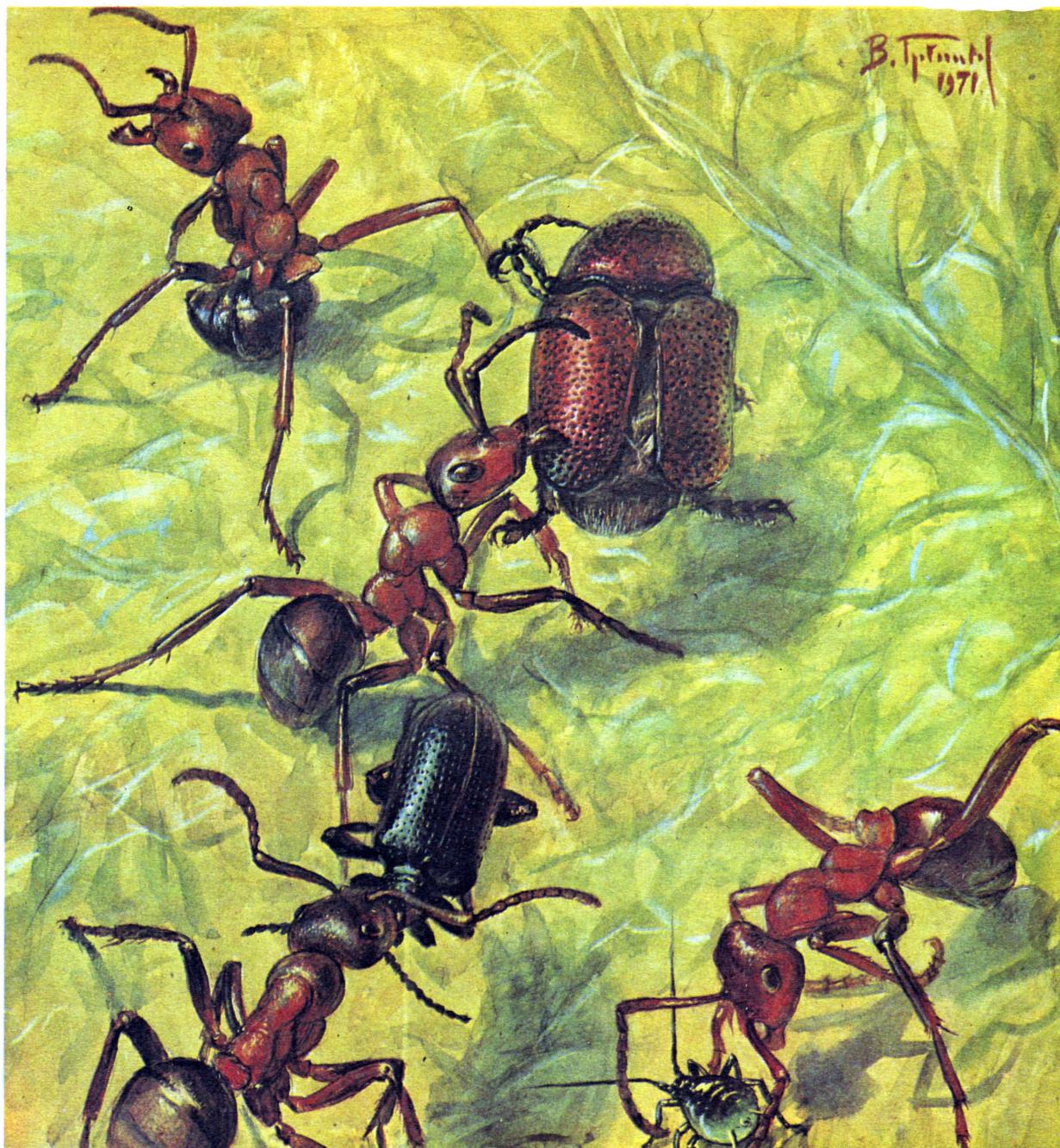
ВЕТРЕНО. ▶

дну сотню километров, а если адо, машина лезла в гору, неслась по степи, без дороги, и только опыт нашего шофера Лени, а также интуиция шефа избавили нас от участи ямщика, что «в степи замерз». Впрочем, мы могли бы скорее «засохнуть», так как был июнь и температура была под тридцать. Да, Урал — это не только леса и горы, это еще и степь, и холмы, то зеленые, то золотистые, то какие-то красновато-бурые. Хотя пора цветения прошла, но степь была по-прежнему очень красива, и я не пожалел, что взял с собой этюдник.

Мы брали образцы, копались на керноскладах, измеряли магнитную восприимчивость образцов. Десятки килограммов камней, завязанные в мешочки, снабженные каждый этикеткой — привязкой к месту. Одни из них вызвали оживление Вениамина Григорьевича, почти восторг, другие оставляли его равнодушным (однако это никак не отражалось на добросовестности их обработки — наука любит точность). Со всеми этими материалами предстоит еще очень большая работа в химической и других лабораториях, и только тогда можно будет сделать оконча-

тельные выводы. Это для науки. Для себя же я их уже сделал: это здорово, неделями не заходя в помещение, чувствовать землю своим домом, домом с великолепной крышей — небом, с громадными, до самого горизонта комнатами и, наконец, с загадочным и таинственным подвалом, ключи к которому даются, увы, не каждому.

**Виктор
ГРЕБЕННИКОВ**

*Рисунки и фото
автора*

В МИРЕ НАСЕКОМЫХ

— Да сколько же тут бабочек?! — не удержался от восклицания мой спутник, которого я привел в заказник полезных насекомых. — В детстве только видел я так много живности в травах!..

И верно: на золотистых и белых зонтиках борщевиков, дягилей, морковников — буйство жизни. Пестрокрылые шашечницы, оранжевые перламутровки, шелковисто-лазоревые голубянки — на ином соцветии до десяти бабочек! А если посчитать еще наездников, мух-тахин, диких пчелок и других обитателей луговины, — то и дня не хватит...

Решением Исылкульского райисполкома Омской области 10 марта 1971 года эта луговина была взята под охрану. Здесь был запрещен проезд транспорта, выпас скота, сенокосение, сбор ягод и грибов, а совхоз «Лесной» обнес участок оградой. В других уголках природа вела, увы, неравный бой с любителями костров, мотоциклистами, косцами, с химикатами. Здесь же, в вольной Стране насекомых, началась незаметный сначала, но нарастающий процесс восстановления природы. Конечно, трудно островку площадью всего в семь гектаров противостоять воздействию окружающей среды, уже сильно измененной человеком с его мощной техникой и химией. Тем не менее всемогущая Жизнь дала здесь, за легкой проволочной оградой, быстрый и заметный всплеск.

За последние 3—4 года уровень почв черноземных луговин заказника поднялся на 5—7 миллиметров — рождается и накапливается благодатный сибирский чернозем.

Начали свершаться тут и другие чудеса. Один за другим появлялись в заказнике те виды мелкой живности, которые считались вымершими в районе: пчелы-антиды — отличные опылители люцерны, яркие жуки-огнецветки и пестряки. Что же касается мохнатых трудяг шмелей, ради которых вначале и был организован заказник, то племя их процветает и размножается: только за неделю наблюдений было выявлено 11 видов шмелей.

Невдалеке от заказника удалось наблюдать в деталях впечатляющую картину — нападение наездников-ихневмонидов, явных выходцев из заказника, на гусениц лугового мотылька. Несмотря на отчаянные увертки вредителей, полезные наездники безошибочно поражали острым, как жало, яйцекладом вредных гусениц, во множестве расплодившихся на сорняках.

На самом же участке за эти годы сложилось хорошо заметное, здоровое и сложное равновесие, устойчивое к нашествию любого инородного вредителя или сорняка.

Возможно, такое равновесие — очень близкое тому, которое существовало тут до прихода человека? И словно в доказательство этому, на степных делянках заказника заколыхались, засеребрились на ветру давно забытые здесь первозданные ковыли...

Ну, а дал ли какой деловой прок заказник, кроме чисто познавательного? Конечно же дал, и немалый. Эксперименты по сохранению шмелиной популяции, проведенные в Исылкуле, а затем в Новосибирской области, привели к значительному увеличению семенной продуктивности посевного красного клевера. Шмели, как известно, — основные опылители клевера. Так вот на поле, что было рядом со шмелеградом, урожай семян клевера составил 2,3 центнера с гектара, на контрольном поле, куда шмели и не залетали, — всего лишь 1,1 центнера. Закупочная стоимость семян простого несортового клевера — 500 рублей за центнер! Вот и считайте, какой деловой прок от микрозаповедника.

Я уже не говорю о том, что микрозаповедники, а их сейчас в стране уже много, — прекрасная школа экологического воспитания детей. Школьные микрозаповедники созданы при бутаковской средней школе Знаменского района Омской же области и на станции юннатов Новосибирского Академгородка, при московской школе № 143 и в Харьковском Дворце пионеров и школьников... Создан насекомograd в Иркутском университете.

Первый в стране шмелиный заказник, что в совхозе «Лесной» Исылкульского района Омской области, ученые предложили преобразовать в памятник природы. Это тоже многое значит.

Мне хочется вспомнить о том давнем времени, когда в маленьком специальном лабораторном домике, построенном совхозом у заказника, мы жили и работали долгие месяцы. Мы — это студенты-биологи, приехавшие на практику из Новосибирского университета, Омского сельскохозяйственного и педагогического институтов, мой сын Сергей и я. Это были удивительные времена. Каждому из нас жизнь и работа в шмелином заказнике и теперь, спустя многие годы, часто видится во сне...

Голубянка

В лабораторном домике я просыпался обычно первым, задолго до трезвона будильника, сигналившего каждое утро о том, что ровно в семь часов кто-то уже должен начать наблюдения у шмелиных гнезд: считать вылетающих и возвращающихся насекомых в течение десяти минут у каждого гнезда. Кто-то

Голубянка

другой ровно в семь начинал обход заказника, подробно записывая множество сведений в экологический журнал, а третий, сделав утренние метеорологические наблюдения, должен готовить завтрак...

Но до звонка еще далеко. Солнце взошло совсем недавно, но уже чувствуется, что в домике быстро теплеет. Переливчатая флейта иволги слышится с ближних берез. В дальнем лесу, что за большим пшеничным полем, издавна селится грачная колония — так оттуда уже доносится слитный утренний гам.

Отчего такое светлое, радостное настроение появляется здесь, на природе, едва только проснешься? От негромких ли лесных звуков, совсем не нарушающих безбрежную утреннюю тишину? От предвкушения интересной работы? От прохладного росистого воздуха, густо настоявшегося за ночь на луговых травах — адонисе, морковнике, шалфее? Кто знает...

Сквозь марлю, которой занавешена от комаров дверь, я вижу порхающих над цветами бабочек. Две из них выются у двери. Тихонько отодвигаю занавеску: теперь комары уже не страшны. Одна из бабочек, насколько не боюсь, залетает к нам в гости. Это — старая знакомая: уже два-три раза поутру, да и в другие часы, выется у нашего домика маленькая изящная голубянка. Они — большие охотницы до не очень обычных для бабочек блюд: то их увидишь на краю густо-соленой илистой лужицы, то выются они вокруг человека и без боязни присаживаются на бутерброд, на вскрытую жестянку с килькой в томате или с «Завтраком туриста». Распрямляют свои хоботки, свернутые

в тугую спиральку, и с видимым удовольствием посасывают такое экстравагантное угощение. Если голубянок не обижать, они хорошо запомнят место угощения и еще не один раз прилетят сюда же.

Личинки голубянок совершенно безвредны. Они питаются главным образом листиками диких бобовых растений — горошков и чин и заметного ущерба им не наносят. А гусеницы некоторых видов голубянок замечательны тем, что поедают вредных тлей и червецов.

Личинки голубянок вовсе не похожи на гусениц, а скорее — на каких-то цветных мокриц: низ у них плоский, верх же выпукло-горбатый. Мирно и незаметно ползают не очень красивые голубяночьи дети в зеленых травяных джунглях, закусывая листьями горошков, там же превращаются и в куколок, привязанных поперечной шелковой нитью к стеблю.

А из куколок выходят бабочки цвета то густо-синего неба, то переливчатой морской волны, то нежно-голубого атласа. Самочки, правда, окрашены поскромнее.

И каждое лето украшают своими лазоревыми крылышками поляны, опушки и лужайки, наверное, всей нашей страны веселые стайки маленьких голубянок.

...Наша утренняя гостья, залетевшая в домик, почему-то, как и вчера, направляется прямо ко мне. Протягиваю руку. Бабочка садится на нее, гуляет по руке, поводя крылышками, затем их складывает. Сейчас очень хорошо виден скромный, но удивительно изящный узор нижней стороны ее крыльев: по фону цвета светло-стального шелка раскиданы темные горошины, каждая из которых опоясана белым колечком, по краю крыльев — нежнейшая голубоватая бахрама.

Спасибо же за утренний визит, за доверие к человеку, маленькая лесная летунья! Ты очень хорошо сделала, что и сегодня пожаловала ко мне в гости ранним утром — вроде бы сказочная предвестница счастливого и интересного дня.

Нет, такого в городе не бывает!

Ктыри

Три года потребовалось нам, чтобы установить, что многие летающие насекомые-хищники — те, кто берет свою добычу в открытом бою, — постоянно скапливаются по краям участка, по соседству с окружающими заказник пшеничными полями. Это можно объяснить так. В пшенице плодится большое количество разных насекомых, живущих за счет ценного злака, иначе гово-

Ктырь атакует пилильщика

ря, — вредителей сельского хозяйства. Эти дармоеды рассеяны по посевам неравномерно. Они расползаются и разлетаются во все стороны, но, добравшись до кромки пшеничного поля и встретив чуждое и ненужное им луговое дикое разнотравье или лес, на какое-то время задерживаются в пограничной зоне, не зная, что делать дальше. Про это прознали насекомые-хищники и устроили свои пикеты и засады вдоль всей границы участка...

Казалось бы, неплохие условия для хищников имеются во всех дружных колках, окруженных пшеничными полями. Но ведь там косят траву, пасут скот, лишая убежищ, поля и пиши многих полезных насекомых. В самих же посевах, с их однообразной растительностью, хищникам почему-то неудобно, их родная стихия — разнотравье опушек, кроны деревьев, закоулки в кустарниках. Да и в середине полей добычи меньше, чем по их краям.

Вот и избрали маленькие друзья земледельцев — хищные мухи-ктыри, стрекозы, мелкие осы, златоглазки — пограничную полосу заказника, бдительно неся тут сторожевую службу и совершая охотничьи рейды в пшеничное соседнее поле.

...На столбе ограды заказника сидит ктырь — злостного вида муха с длинным телом и волосатыми цепкими ногами. Я подкрадываюсь очень осторожно: ктыри видят очень хорошо и боязливы. Но, соблюдая все меры предосторожности, я подхожу к серому охотнику достаточно близко.

В облике ктыря есть что-то от волка: то ли серый цвет, то ли поджарое тело, то ли поза затанувшего зверя... Я внимательно наблюдаю за хищником. Какие у него, однако, цепкие лапы, с широкими присосками на концах и длинными кривыми когтями! Ктырь прижался к опоре и сидит совсем неподвижно, узкие стремительные крылья плотно сложены на спине. Но вот голова дернулась вверх, приподнялась: значит, приметил летящее насекомое. Нет, чем-то не достойна внимания пролетающая добыча... И ктырь снова опускает голову. Еще кто-то пролетел вверху, и снова дернулась голова

мухи. Вдруг хищник сорвался со столбика, я мгновенно теряю его из виду — столь стремительный бросок он совершил. Но через пару секунд охотник усаживается на старое место: наверное, кого он догонял, не годится на завтрак.

Снова и снова вздергивает хищник-ктырь свою остроглазую голову, снова и снова совершает охотничьи молниеносные броски куда-то в небо.

Но вот, наконец, еще один бросок, на этот раз удачный, и бравого охотника садится на столб с добычей. В лапах у него — пилильщик, небольшое насекомое из отряда перепончатокрылых. Бедняга уже мертв: еще на лету ктырь водвил в него свой кинжалобразный хобот и впрыснул яд. Яд ктырей, кстати, очень сильный: если схватишь такую крупную муху рукой, то пленник может предельно ужалить, так, что жгучая боль заставит немедленно его выпустить — словно бодьящая оса тебя укусила.

Досасывает ктырь жертву, а сам уже снова поглядывает в небо. И так — с утра до вечера — добывает свою обильную пищу ктыриное племя, дерзкое и смелое, очень прожорливое. Без устали они ищут воздушное пространство — каждый над своею засадой — ненасытные шестиногие ястребы, отдыхающие только ночью да в непогоду.

Обширное семейство ктырей — около пяти тысяч видов — энтомологи относят к очень полезным существам, в массе истребляющим сельскохозяйственных вредителей множества видов. Примечательно, что насекомые не только взрослые мухи, а и их личинки, но те скрытно промышляют в почве или в ходах жуков-древоегрызов. Взрослый же ктырь ползющую добычу не возьмет, как ни голоден, он бьет только в лет.

Ученые обеспокоены тем, что некоторые крупные виды ктырей встречаются все реже и реже. Например, трехсантиметровый иссиня-черный дазипогон и гигантский ктырь с грозным названием сатанас гигас — страшилище длиной до пяти сантиметров — почти исчезли. Один из последних могокан этого вида, пойманный еще в юности, хранится в моей коллекции — этакий буро-серый исполин, охотившийся на очень крупную дичь, может быть, на хрущей... Но с тех пор сатанасов я уже не встречал.

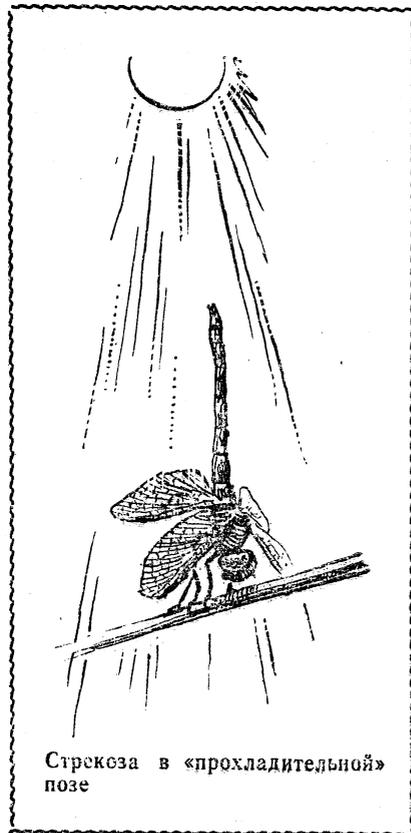
Зато теперь уже изрядная армия средних и мелких ктырей и ктыришек исправно несет вахту у границ энтомологического заказника, рассеившись по столбам ограды, кустам и высоким травинкам, чтобы лучше видеть небо. И не только в Исыль-куле, но и во всех других микрозаповедниках появилось немало ктырей. И, как знать, может сохранив-

Штятся еще кое-где потомки огромных сатанасов и дазипогонов найдут себе прибежище в заказниках и станут там плодиться на радость энтомологам и на страх вредителям полей и лесов?

Стрекозы

Жара. На небе — ни облачка, в тени тридцать семь градусов. И — ни малейшего ветерка. Время очередного обхода участка — три часа дня. Шмелей нет ни у цвоек, ни на цветах: они наиболее активны с утра и к вечеру, а в середине дня у них как бы обеденный перерыв. Может, им тоже слишком жарко, а может, они не вылетают потому, что в середине дня меньше нектара — больше всего его бывает к вечеру и утром.

И вообще летающих насекомых в этот час почти не видно: все попряталось от пекла кто куда смог. Медленно шагая, приближаюсь к южной границе участка. На столбах и проволоке ограды — стрекозы. Рыжие летуны, носящие латинское название симпетрум, пестроватые дедки сидят тут во множестве. Но сидят в необычных позах: задрали брюшки круто вверх, точечонько нацелив их

Стрекоза в «прохладительной» позе

на солнце, а крылья, расставленные в стороны, вяло свесились вниз. Смысл такой позы вполне ясен: когда брюшко нацелено на солнце, нагревается лишь маховый кончик брюшка да небольшая задняя часть груди и спины, и стрекоза находится как бы в тени, хотя и сидит на самом пекле. А крылья тепло почти не воспринимают: они стеклянноподобны.

Но все-таки почему бы стрекозам не убраться пока в тень, скажем, в крону дерева, чем принимать неестественные прохладительные позы? А вот почему. Поинтерно вздергивают и покачивают они своими круглыми глазастыми головами: следят за небом, где пролетают редкие насекомые. Иногда какая-нибудь охотница срывается, быстро идет вверх и хватает там добычу. Еда для них, как видно, превышает всего, ради нее стоит продежурить несколько часов на жаре, что, впрочем, терпимо, если ты принял сложную позу. А из убежища, затененного листьями, надежного обзора не будет.

...Поздний вечер. Закончены все дневные научные дела. Поодаль от лабораторного домика на низенькой самодельной печурке булькает в кастрюле варено. Вкусно пахнущий дымок стелется над полянкой — нашим хозяйственным пятачком.

В это самое лучшее время начинают свой нудный концерт треклятые комары! Так не хочется натираться противокомариной мазью «Дэта» перед ужином. Тут уж выбирать одно из трех: либо ужинай с этой неприятной приправой, но не кусанный комарами, либо терпи этих кусак, либо срочно убирайся с миской в домик...

Но, как вчера и позавчера, нас выручают... стрекозы. Они появляются как по расписанию: пять больших стрекоз-коромысел вылетают на хозпятачок, облетая его кругами. Помнят крылатые, что вчера поужинали комарами здесь досыта — и вот снова явились. Нипочем им, как видно, и сумерки.

Совершив беглую разведку, коромысла принимаются за работу: подлетают к нам и, громко шелестя крыльями, отлавливают комаров. Охотники торопятся: то ли помнят, что особенно долго мы за ужином не засиживаемся, а без нас комары разлетятся, то ли чувствуют, что постепенно темнеет и скоро стрекозный порог видимости положит конец охоте.

Так или иначе трапезу мы совершаем почти без единого комариного укуса. Только большие тела стрекоз мелькают в сумерках, да шелестят их сухие жесткие крылья на виражах и мертвых петлях, когда охотницы хватают свою добычу у самых наших лиц.

Дневные же охотницы угодят у крупных стрекоз в других местах.

Стрекозы перед ночлегом

Мне нередко доводилось видеть, как коромысло или дозорщик — один из самых больших видов стрекоз в нашей стране — неумоимо совершает челночные полеты на поляне. От дерева до куста, разворот... Куст — дерево, снова разворот... И так весь день, с небольшими перерывами для отдыха.

Вот что пишет доктор биологических наук Б. Ф. Бельшев про стрекозиные охоты:

«Границы участков удивительно постоянны и точны, и обладатели их не выходят за пределы даже на самые небольшие расстояния. Замечая место поворота летящей стрекозы вдоль линии берега по какому-нибудь ориентиру, приходилось видеть, что все последующие полеты кончаются точно в этом же месте. Такой участок охраняется, и с вторгнувшимся в него экземпляром начинается драка, причем особенная непримиримость проявляется к особям своего вида».

Здесь имеются в виду дневные постоянные охотничьи участки. А вот на нашем хозпятачке стрекозы почему-то всегда обходились без драк. Наоборот, здесь царил атмосфера слаженности, усердия и явного содружества...

В любое время дня в заказнике можно встретить летом стрекоз мелких видов — металлически-зеленых люток и голубеньких стрелок. Они относятся к так называемым равнокрылым стрекозам, отличающимся от больших — разнокрылых — тонким стройным телом, голова у них не круглая, а вытянута в поперечном направлении. Полет их не стремительно-сильный, а легкий, порхаю-

ший. Им не нужна такая скорость и маневренность. Дело в том, что равнокрылые кормятся не на лету, а ползают по растениям и собирают на них насекомых.

В иной год этих мирных охотниц — стрелок и люток — в нашей Стране насекомых появлялось великое множество. Идешь по тропинке, а они разлетаются из трав, спугнутые, тучами...

Все стрекозы выплывают где-то далеко, в болотах, озерах и невысыхающих лесных лужах. Ведь личинки их живут только в воде, причем живут довольно долго — от одного до трех лет. Ближе от нашего заказника таких акваторий нет. Значит, взрослые стрекозы скапливаются в заказнике, прилетая сюда издалека.

Вся стрекозиная эскадрилья нашего участка, подобно ктырям, предпочитает базироваться, в основном, в пограничных его зонах. А ночуют стрекозы не только в охраняемом участке, но и на примыкающих к нему окраинах пшеничных полей: сидят себе на стеблях под колосьями и спят до утра. Пошелешь пшеницу поздним вечером — зашумит, зашелестит воздух от множества стрекозиных крыльев.

Ежемухи

Много-много лет назад, когда я, еще мальчиком, только начал заниматься энтомологией, увидел великолепную гусеницу, толстую и яркую, которая зарывалась в землю. «Ага, — думаю, — это она закапывается, чтобы превратиться в куколку». Вытащил ее, посадил в коробку, а дома — в банку с землей; пусть, мол, окулится здесь, а потом выйдет из куколки огромная неведомая мне бабочка.

Каково же было мое разочарование, когда через несколько месяцев в банке, завязанной марлей, вместо бабочки зажуужала добрая дюжина здоровенных волосатых мух. Высыпал я землю из банки — шкурка куколки была пуста. Значит, будущую бабочку съели мушиные личинки. Так состоялось мое первое знакомство с мухами-тахинами.

Но именно тем и полезно для человека огромное — около пяти тысяч видов — семейство мух-тахин, что они истребляют несметное множество вредителей сельскохозяйственных культур. Эти мухи — как природные регулировщики численности самых разнообразных насекомых, бдительные и неустанные, они никогда не дадут чрезмерно расплодиться какому-то виду насекомого. Трудно лишь им работать в местах, сильно измененных человеком, где осталось мало природной растительности и

живности, да еще в тех случаях, когда на полях появился човый для этих мест иноземный вредитель, каким-либо образом завезенный сюда и размножившийся. Но ученые завозили на пострадавшие поля те виды тахин, которые обитали на родине чужеземного вредителя и там им питались. Переселенцы быстро осваивались и принимались за дело, урожай был спасен. Разрабатываются и другие способы разведения этих полезных мух в специальных тахинариях.

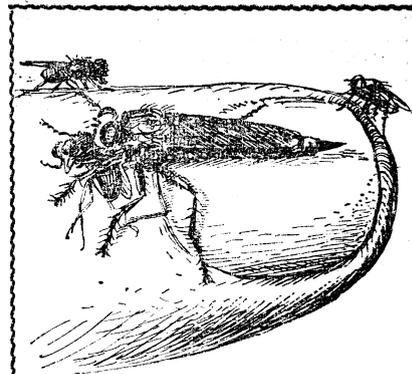
Внешне тахины похожи на комматных, мясных или падальных мух, но в целом более коренасты и покрыты упругими щетинками. Русское название — ежемухи — они получили именно из-за этих щетинок, напоминающих под лупой иглы ежа. Цвет тахин разный — серый, черный, коричневатый. Разные у них и размеры: от небольших мушек до огромных двухсантиметровых эхиномий, кстати, истребляющих гусениц вредных лесных шелкопрядов.

Весной в нашем заказнике под Исылкулем первыми из летающих насекомых появляются именно тахины. Еще лес совсем гол, еще не появились здешние первоцветы — желтые солнышки адонисов и светлокремовые колокольчики сон-травы, еще местами лежит снег, а в жухлых прошлогодних травах уже летают мухи-тахины, ищущие добычу. Внимательно летает муха, огибая сухие травинки, комки земли, временами присаживается, снова поднимается и летает, летает часами. Устанешь следить за ней, уйдешь, но у докотухи куда больше терпения: она будет обследовать поляну много дней, быть может, всю весну, пока не найдет то, что ей нужно.

Одни виды ежемух откладывают яички прямо на растения, в местах обитания нужных им гусениц, и вышедшие из яиц личинки тахин находят пищу сами. Другие виды ежемух наклеивают яйца прямо на покровы хозяина. Мне не раз приходилось находить гусениц с плотно приклеенной к ним кучкой тахинных яиц — отделить их не удавалось ни иглой, ни скальпелем. Многие виды ежемух приклеивают яйца в воздухе — на летящего хозяина.

Интересную погоню тахин за взлетающими кобылками описал профессор П. И. Мариковский в своей книге «Друзья-насекомые». А мне удалось сфотографировать даже такую сценку: на пальце моей левой руки сидит ктырь, закусывающий какой-то пойманной им мухой. А рядом, на том же пальце, караулят его две тахинки, преследовавшие ктыря повсюду с намерением отложить на него яйца на лету.

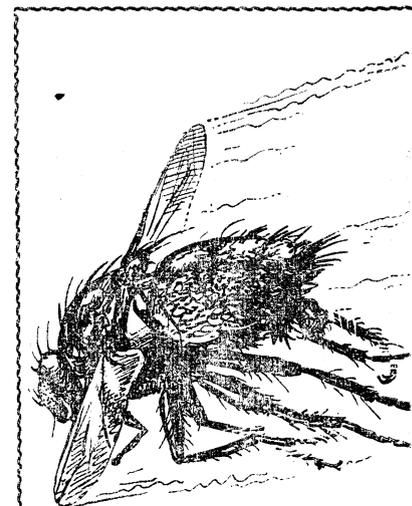
Как видите, тахины не всегда преследуют и заражают вредных насекомых. Среди их жертв встречаются и полезные, как, например, зна-

Ктырь поймал муху, а за ним наблюдают две тахины, выжидающая момент, чтобы отложить на ктыря яйца

комый нам охотник-ктырь. Но все равно подавляющее большинство ежемух энтомологи относят к очень полезным видам. Особенно велико значение тахин в истреблении непарного, сибирского и соснового шелкопрядов, лугового мотылька, озимой совки, хлебного клопа-черепашки и многих других опаснейших вредителей сельского и лесного хозяйства.

Для размножения тахин очень важно сохранять некошенными часть луговин с дикими нектароносами, особенно зонтичными — морковниками, дудниками, дягилями, болиголовыми, борщевиками. В таких нетронутых уголках видишь иногда удивительную картину: пышный кружевно-белый зонтик морковника, и на нем восседает добрая дюжина, а то и два-три десятка ежемух — маленьких, средних и больших. В середине, как хозяйка пира, громадная эхино-

Муха-тахина в полете

мня — черная великанша с рыжим брюхом. Вокруг расселись серые с колочками кнефалии и эрнестии, маленькие вории. Круглобрюхие фазии — гроза растительных клопов — держат крылья не по-мушину, широко расставив их в стороны перпендикулярно телу. Кстати, эти вот самые мухи из рода фазии прикрепляют яйца только к легящим клопам, да не куда-нибудь, а под нижнюю сторону надкрыльев, откуда клоп не в состоянии соскоблить свой смертоносный груз.

Кормится пестрая компания тахин на душистом зонтике, неторопливо посасывает нектар, и зреют в мушиных брюшках яйца. А потом, когда яйца эти будут уже отложены, выйдут из них дети тахин — личинки. Вбуравятся они в тело лесного клопа, гусеницы бабочки, личинки пилильщика или жука и начнут поедать его изнутри, оставляя жизненно важные органы на закуску. От хозяйки, недавно еще браво ползавшей по растениям, останется лишь шкурка. Из нее выползут повзрослевшие тахиньи личинки, зарюются в землю и превратятся там в куколок.

Кстати, у многих мух, в том числе тахин, сирфов, даже комнатных мух, куколки не совсем обычны. То есть куколка как куколка — бледное, неподвижное и мягкое подобие мухи, но помещается она в очень прочном кожистом мешке овальной формы. А секрет в том, что личинка не тклет этот кокон, а надувается, толстает и делает что-то такое со своей кожей, что та отделяется от тела и становится сухой и жесткой, ничуть не похожей на личинку. Внутри этой отвердевшей просторной оболочки и происходят дальнейшие превращения насекомого. Такие мушиные футляры энтомологи называют пупариями (пупа — по-латыни куколка). И лежат в земле пупарии — коричневые прочные бочонки — всю осень и зиму.

А на следующую весну и лето новые армады молодых ежемух, подкормившись на луговых цветах, тщательно прочешут леса, поля, луга, и каждая из них непременно найдет свою жертву — будущий корм для мушиного потомства.

Певчие кузнечики

Кузнечиков, к сожалению, часто путают с саранчой и сверчками.

Кузнечики — это большей частью крупные насекомые, с очень длинными, часто длиннее тела, тонкими усамы, стройного красивого телосложения. Лишь некоторые бескрылые виды толстоваты. У самки сзади прочная сабля — яйцеклад. Самцы стрекочут крыльями, иногда сильно укороченными.

Ведут кузнечики скрытый образ жизни, хорошо маскируясь в зарослях, на глаза людям попадают редко, хотя продолжительные звонкие трели многих видов слышны за сотни метров.

Одни кузнечики любят музицировать днем, другие — вечером.

Кобылки, или саранчевые, большей частью некрупных размеров, усики у них много короче туловища, тело коренастое. Сабля у самок нет. Звуки издают зазубренной задней ногой: трут ею о край крыла, получается негромкое прерывистое стрекотание с шипящим тембром. Играют они на «скрипке» только днем. Вспугнутые, выскакивают из-под самых ног, не стараясь после прыжка спрятаться.

И у кобылок, и у кузнечиков голова сбоку похожа на лошадиную, а крылья сложены наподобие очень крутой крыши.

Сверчки. Голова почти как шар, крылья лежат на спине плашмя, тело чаще всего короткое и плотное. Усы длинные, как у кузнечиков, музыкальный аппарат там же, где и у кузнечиков — на крыльях. Сверчки еще более скрытны и вообще избегают показываться на глаза людям, хотя некоторые виды живут рядом с человеком. Сверчиные песни — большей частью вечерние и ночные серенады — по звуку разнообразны, в зависимости от вида, но всегда чистого тона.

Все названные выше лесные музыканты имеют прыгательные задние ноги и относятся к отряду прямокрылых насекомых.

Есть певцы и среди других отрядов шестиногих. Особенно знамениты цикады. Звуковой орган находится у них снизу туловища, крылья совсем прозрачны, а питаются они не с помощью жвал, как прямокрылые, а хоботком прокалывают растение. Относятся певчие цикады к отряду хоботных, некоторые их виды живут и в Сибири.

Во время работы в энтомологическом заказнике кузнечики очень украшали нашу жизнь и работу. Звонкие кузнечицы трели неслись то с высоких берез, то из густых пшениц.

Каждый оркестр выступал перед нами в свое время, словно по расписанию. Днем в высоких травах и посевах заливались любящие жару пестрые, или серые, кузнечики. Их было очень много — не дуэты и не квартеты, а целые ансамбли. Жаркий летний воздух порою буквально звенел над заказником.

Вечером же, когда садилось солнце, пестрые умолкали, и в высоких кронах деревьев начинали сольные песни зеленые кузнечики. Их трели, в отличие от пестрых, продолжительны, а тембр металлически-звонкий.

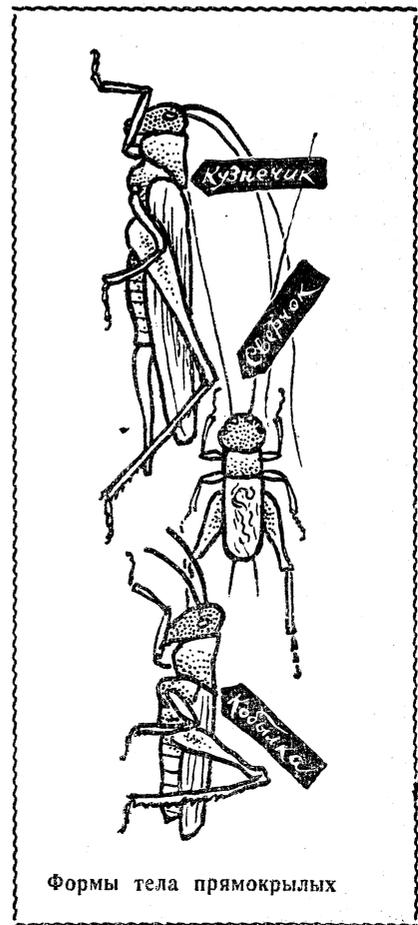
Песни зеленых кузнечиков разно-

сились далеко вокруг и смолкали уже далеко за полночь.

Два пестрых кузнечика жили у нас в клетке, висевшей снаружи домика. Затворники начали стрекотать в первый же день заточения и, судя по всему, не очень тяготились относительной неволей. Кузнечики эти стали совсем ручными. Они с аппетитом ели и хлеб, и кусочки мяса. Откроешь дверцу клетки, предложишь на ладони угощение — пестрый левец прекращает свою песню, поведет длинными усамы, переползет на ладонь и прямо на ней закусуется.

До этого я много лет держал кузнечиков дома, в небольших банках, затянутых сеткой и оборудованных внутри под «кусочек природы». Батарея этих банок стояла на кухонном окне — в комнате их стрекот мешал работать. Песни моего домашнего ансамбля были слышны даже с соседнего квартала. Начнет стрекотать один кузнечик, тотчас к нему присоединяется второй, за ним остальные, и звенит, заливаясь кузнечиный оркестр на всю улицу.

А как-то, много лет назад, наложили мы с сыном с десяток зеленых и пестрых кузнечиков и вечером с балкона сбросили их вниз на газон. Несколько суток на удивление сосе-

Формы тела прямокрылых

дям наш многоквартирный дом как бы переехал в поле: рядом заливались степные и лесные музыканты, день и ночь приобщая к природе горожан. Через неделю голоса их стали доноситься уже издали: оркестр потихоньку разлетелся в разные стороны, на соседние улицы.

Пробные отловы кузнечиков на соседних полях я разрешал своим ребятам — студентам: уж очень увлекательными были такие охоты. Но пленники вскоре обязательно освобождались. Ведь пестрые и зеленые кузнечики вреда пшенице не причиняют, питаясь там, в основном, насекомыми, как мы не раз это видели.

Очень важно уметь отличать насекомых друг от друга! Может случиться так, что агроном, не очень хорошо знающий энтомологию, услышит стрекот, несущийся из пшеничного поля, и может подумать, что поле кишит саранчой. Дело может дойти и до ядохимикатов...

Вредят же культурным злакам не кузнечики, а саранчевые (кобылки). Массовых налетов саранчи, когда ее тучи закрывали солнце и обрекали на голод целые губернии, уже давно в нашей стране нет и в помине. Энтомологи бдительно следят за развитием саранчевой молодежи и уничтожают эти очаги еще задолго до того, как саранча станет на крыло.

Запрет на отлов и уничтожение певчих кузнечиков в заказнике нарушал лишь один «внештатный» участник нашей экспедиции — котенок Ивашка. Вообще-то, не следовало брать этого котенка в заповедное место, но упростила моя еще маленькая тогда дочурка Оля, которую я нередко приводил с собой в полевой домик. Студенты дружно поддержали Олю; если уж в домике есть транзистор и гитара, то чем помещает маленький серый котеночек? Вот и оказался Ивашка одновременно и на лоне природы, и рядом с людьми.

Первые недели Ивашка боялся заходить в травы. А потом по привычке стал уходить довольно далеко от дома. Там, в травяных джунглях, Ивашка и пристрастился к охоте на кузнечиков. Притащил в домик исколесенного музыканта, повозится с ним, а потом съест. Сначала попадало ему нещадно: нарушает заповедный режим. Но котенок никак не хотел понять, за что ему влетает, и продолжал хрустеть кузнечиками.

В один прекрасный день стали мы вершить суд над непонятливым четвероногим браконьером: отправить ли его назад в город или оставить здесь. Голоса разделились так: два за то, чтоб выселить его в город, три — за то, чтобы оставить в экспедиции.

Набрал наш Ивашка большинство голосов «за». Вот почему. Ночами нас донимали совки — серые ночные бабочки, скользкие и юркие,

почему-то набивавшиеся в домик в неимоверном количестве. Шныряя по углам, ползая под обоями, носясь по комнате, они громко шуршали, не давая спать. Осточертели нам совки ужасно. А вот Ивашка научился ловить этих мышьеобразных насекомых и поедал их десятками, обеспечивая нам покой.

Кроме того, в домик стали навеваться какие-то грызунышки. Ивашка сумел отвадить и эту хвостатую братию.

Кузнечиков же в это лето в заказнике и вокруг было так много, что мы решили закрыть глаза на Ивашкино браконьерство.

А осенью незримо подросшего котенку ребята увезли в Новосибирский Академгородок, в общежитие университета. Как они потом рассказывали, серый Ивашка частенько сбегал в лес — видно, за кузнечиками или совками.

Но вернемся к кузнечикам и рассмотрим стрекоталку детальной. Для этого вооружимся лупой и разведем в сторону крылья. Сразу видно: передние крылья — правое и левое — неодинаковы. А мы привыкли к тому, что насекомые и многие другие животные строго симметричны.

Крыло стрекозы испещрено тонкой и сложной сетью жилок, и нам не кажется удивительным, как это природа миллионы раз умудряется переводить с одной стороны на другую этот узор с ювелирной точностью. Сложите у стрекозы крылья, разглядите их в лупу, и убедитесь в полной и безупречной их симметричности.

И вдруг такая разница: одно крыло кузнечика у основания темное, плотное, а на другом крыле в этом же месте — круглое окошко, затянута совершенно прозрачной пленкой. Но это не дефект, не уродство, не ошибка природы, а своеобразный звуковой аппарат кузнечика. Смотрите внимательней: у непрозрачного основания левого крыла, лежащего всегда сверху, находится утолщенная поперечная жилка, которая приходится как раз над окошечком, или зеркальцем, правого крыла. У зеркальца очень утолщенная высокая рамка. При движении слегка поднятых передних крыльев толстая жилка

левого крыла, снизу зазубренная, трется об эту рамку, издавая звук, его усиливает прозрачная пленка-мембрана, туго натянутая на рамку правого крыла.

Вот и вся вроде бы нехитрая конструкция музыкального аппарата певца травяных джунглей.

Остается добавить, что смычок посередине широкий, а к концам — очень узкий, но расстояния между зубцами строго одинаковы по всей его длине. Всего я насчитал у пестрого кузнечика (конечно, с помощью микроскопа) 85 таких зубчиков.

И еще одна любопытная деталь. Крылья самок всех видов кузнечиков строго симметричны, и на них нет даже намека на музыкальный аппарат. Кузнечицы ансамбли выступают только в мужском составе.

Наездники

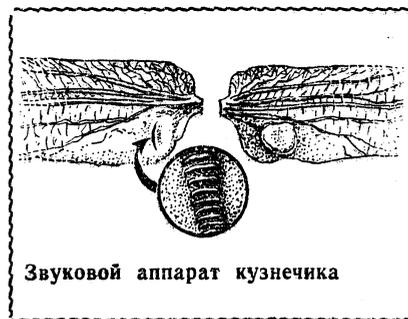
О наездниках, громадном племени полезнейших насекомых, можно написать много увлекательных книг — настолько сложна, своеобразна и таинственна их жизнь.

Одно лишь семейство ихнемонных наездников насчитывает около двух тысяч видов. Один-единственный раз быстро проведешь по траве нетронутой луговины сачком — там непременно окажется несколько наездников, средних, мелких и мельчайших.

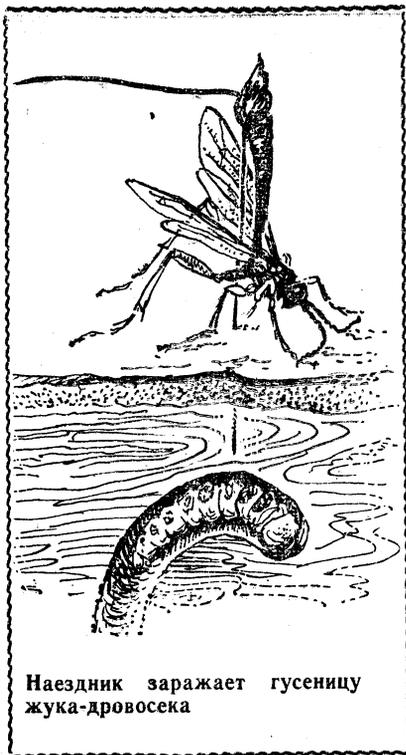
У многих наездников — большей частью стройных, изящных насекомых — заметен яйцеклад: то коротенькое шильце, чуть торчащее из брюшка, то длиннющая пика, во много раз более длинная, чем сам наездник. Длина яйцеклада зависит от того, на какой глубине прячется жертва наездника, в которую следует отложить яйцо.

Нам пришлоось наблюдать такую удивительную картину.

Старый ствол мертвой березы, а иногда совсем живое и здоровое дерево тщательно обследует эфяльт — один из самых крупных наездников. Длина самки эфяльта — до четырех сантиметров, хвостике-яйцеклад — еще длиннее. Громадина эта долго ползает по стволу, потом, вдруг остановившись, часто-часто прикладывает к коре усики, изогнув их углом: то ли вынюхивает, то ли прослушивает, что там, в глубине дерева. Долго примеривается, смещаясь то в одну, то в другую сторону, пока не найдет нужную точку. Поднимает туловище высоко на выпрямленных ногах, а яйцеклад — длинную черную иглу — высвобождает из столь же длинного защитного двусторчатого футляра. Конец иглы приставляет к коре — точечконько между усиками. Футляр-ножки отведен далеко вверх, чтоб не мешал, ноги вытянуты на всю длину. Наезднику очень трудно:

Звуковой аппарат кузнечика

Наездник заражает гусеницу жука-дровосека

ведь яйцеклад-то длиннее тела. Но вот наконец насекомое цепко ухватилось коготками шести ног за неровности бересты или коры, и конец иглы впился в дерево.

Тонюсенькая и длинная игла вдруг начинает быстро погружаться в древесину, будто это не береза, а сыр или что-то в этом роде. Наступает самый ответственный момент процедуры: там, в глубине, конец яйцеклада нащупал личинку жука-усача, и на нее соскальзывает крохотное яйцо.

Эфиальт вытаскивает свое орудие, вкладывает его в длинные черные ножны и улетает.

Эфиальты полезны тем, что истребляют вредителей леса, главным образом из семейства жуков-усачей, или же, как их иначе зовут, дровосеков, личинки которых портят деловую древесину: тополевого скрипуна, короткоусого дровосека, домового усача и многих других вредных жуков.

А как чувствуют эфиальты жертву на глубине нескольких сантиметров, как с такой точностью попадают в нее иглой-яйцекладом — загадка...

Под микроскопом чудо-бур эфиальта выглядит очень сложным. Это целая система трубок, вкладышей, пазов, пилок... Главной частью инструмента, по-видимому, служат концы двух срединных вкладышей, которые на концах заострены, чуть подалеже от конца заметно расширены и имеют по бокам косые острые насечки.

Наверное, «детали» эти пилят

древесину и, может, еще и вращаются при бурении? А куда деваются опилки? Как по плотно пригнанному друг к другу пазам и вкладышам, зажатым древесной, проскальзывает яйцо наездника? Все это просто уму непостижимо.

Инженерам-бионикам можно посоветовать внимательно изучить бур эфиальта в работе. Подобный прибор очень сгодился бы в медицине, скажем.

Многие мелкие наездники из семейства хальцидовых, птеромалид, энциртид, сцилионид и других паразитируют не на личинках, а на яйцах насекомых. Крохотного яичка какой-нибудь бабочки или растительного клопа совершенно достаточно для пропитания и полного развития другого существа — наездничка.

Некоторые ученые уже приспособили для биологической борьбы против вредителей садов и огородов наездника яйцееда трихограмму, которую уже давно и успешно разводят фабричным способом в огромных количествах. Другой, чуть более крупный наездник афелинус, обитающий в Америке, был завезен в двадцатых годах в СССР, размножен лабораторным путем и выпущен на юг страны — туда, где в садах злобствовали так называемые кровяные тли. Новосел успешно прижился у нас и теперь активно подавляет опасного вредителя садов. Успешно идут опыты по приручению яйцеедов теленомусов, паразитирующих на яйцах хлебного клопа-черепашки.

А мне удавалось такое: крохотными наездничками мелиттобиями (семейство эволифид), паразитирующими в природе у одиночных пчел, ос, шмелей, успешно заражать пупарии разных мух, куколок мелких бабочек и даже личинок хрущей. Личинки наездника выедали их нацело.

Изменить бы что-то и чуть-чуть в инстинктах и повадках крохотного наездника — и он может стать ценнейшим помощником земледельца.

Напоследок хочется рассказать еще об одном малоизвестном, но интересном наезднике, тоже очень мелком. Называется он иностемма и относится к семейству птеромалид, паразитирует на личинках комариков-галлиц, скрывающихся в особых, вызванных ими наростах на растениях — галлах. Проткнуть яйцекладом стенку галла, плотную и многослойную, ой как непросто. Яйцеклад же иностеммы — микроскопической толщины волосок, почти невидимый невооруженным глазом, однако довольно длинный. Хранить этот тончайший, быть может, очень сложный прибор в простых ножнах, как это делает эфиальт, крошке-иностемме почему-то нельзя. И в нерабочем положении самка иностеммы втягивает яйцеклад внутрь брюшка. Но брюшко не очень вместительно, и в него спряталась бы

только малая часть галлобура. Матерница-природа поступила иначе: раз яйцеклад в состоянии покоя не умещается в брюшке, то насекомое для этого имеет дополнительный пениал, растущий из середины туловища и направленный вверх и вперед. В отросток этот, достигающий аж до головы, и прячется основание яйцеклада при очень незначительном изгибе (круто перегибать яйцеклад нельзя). А остальное умещается в брюшке.

Обнаружив впервые этих наездничков в сборах, сделанных в травяных джунглях под Иерусалимом, я много лет не мог понять, для чего такой необычный рог, растущий из передней части брюшка, поднимается пологой дугой над грудкой и упирается концом в затылок крохотного насекомого. Думал, что хитиновая дуга защищает спину наездника. Увы, сам разгадать эту тайну я не смог. Помогли мне в этом коллеги-энтомологи Зоологического института Академии наук в Ленинграде, определившие вид и рассказавшие о назначении непонятного отростка.

Множество видов наездников — крупных, средних, малых и мельчайших — надежно сохранится в микро-

Наездник иностемма (сильно увеличено)

заповедниках и заказниках для насекомых. Я уверен, что именно здесь энтомологи будущего найдут новые виды для биологической защиты растений от многих вредителей. Такие виды, которые можно будет разводить в любых количествах. Много ценного откроет у наездников и бионика.

ОБЫКНОВЕННЫЕ ПУСКАТЬ ПАЛ

**Андрей
ИЛЛАРИОНОВ**

*Рисунок
М. Тарабукиной*

Только расположились мы под сосною, неспешный разговор завели,— как вдруг откуда-то из-за пригорка раздалось неожиданно громкое потрескивание. Будто сухие дровишки дружно так разгорались...

Мы поднялись на пригорок — за глубочайшим оврагом, в полукилометре от нас, приплясывали языки пламени. Вместе с ветром уверенно двигались они по прошлогоднему сухому бурьяну, по кустам. А еще было видно худенькую женщину, беспомощно размахивавшую руками, звавшую, видно, кого-то. Вот появились рядом с нею двое ребятшек, взяли по палке, начали колотить что есть силы по горячей траве. Да куда там — за огнем они не поспевали.

Мы посматривали на широкий илистый ручей в глубине оврага, раздумывали, а пламя тем временем ширилось, приближаясь к молоденьким сосенкам. И мы кинулись вниз: скользили по осыпям, подымая невообразимые облака пыли, по коленам в грязи перебирались через ручей. Мы бросились на помощь ребятшкам, тоже взяли по палке и со свистом опускали их на языки пламени, но оно и нас обгоняло. Им уже были охвачены первые сосенки-подростки, вспыхивавшие словно факелы.

И только тут мы заметили под раскидистой сосной компанию столь упорную в своей идиллии, что каза-

лось, ничто не могло ее потревожить. И еще отдыхала пара, на которую ни горящие деревца, ни ребяташки, спасающие их, не производили никакого впечатления.

Поодаль была группа туристов. Хотели окликнуть их, но какое-то чувство, сродни презрению, нас остановило. Оно придало нам злости, силы и хитрости. Мы уж не пытались наступать на пламя с фронта, а бежали вслед за ним и дружно топтали траву там, где она вспыхивала. Подошвы наших ботинок вскоре накалились и стали печь ноги. Но мы не обращали на это внимания.

Через полчаса от огня осталась широкая черная полоса выгоревшей травы, местами испускавшая слабый дымок. И сошлись мы вместе. Оказалось, что не только трава — все мы с головы до ног черны, как черти. Выяснилось, что женщина, которую приняли было за лесовода, — учительница из города, а ребята совсем не ее ученики. Она в несколько торжественном тоне поблагодарила ребят, и все мы разошлись, посетовав, что есть же такие несерьезные: им лишь бы разжечь костер, а что дальше будет — неважно...

О тех, кто не хотел помочь нам, в минуту торжества мы и не вспомнили.

Может, не стоило бы вспоминать их и этот случай, если бы та-

кое не повторялось, и довольно часто.

На левом берегу Оби, выше автодорожного моста, в пойме, огонь по сухой траве. Он еще невелик, затушить его — пара пустяков, но экскурсанты и, видимо, биологи (они группой осматривают молодые деревца) не обращают на огонь никакого внимания.

На берегу Ини у автодорожного моста горит бурьян. Мимо дважды проезжают пожарные автомашины. Они даже не останавливаются.

Послеобеденное время. Возле железнодорожной станции Сеятель, в двух шагах от Академгородка, по прошлогодней траве идет огонь. Водители автомашин, как всегда, спешат мимо.

Вывод прост: к такому здесь привыкли. Это огонь, но он не считается за пожар. Его обозначают в Сибири другим словом — пал. Ему не придают слишком серьезного значения, и он за это мстит.

На возвышенном берегу Ини, среди семилетних посадок сосны, мы обнаруживаем частоколы обгоревших стволов. Пал зашел в лес, он стал пожаром. Ему придали значение, но с опозданием: пожар потушен жителями близлежащих домов, но убыток составил тысячи рублей.

Кабинет директора одного из институтов новосибирского Академического городка. Я приехал выяснить, что здесь думают о палах. И пал легок на помине. Наш разговор прерывает секретарша. Она сообщает, что на территории лесопарка огонь. Вместе с сотрудниками бросаемся тушить. Потери не слишком велики — слегка обгорела пара сосен.

Вопросов у меня накопилось порядочно. Пал — это только безответственная игра с огнем или нечто большее? И только ли под Новосибирском весной и осенью их такое количество? Оказалось, что и под Омском пришлось выделять специальный вертолет для быстрого их обнаружения. Из шестидесяти палов за месяц примерно половина была там вызвана неосторожным обращением с огнем на отдыхе, половина — так называемыми «сельхозпалами».

Но и те, и другие возникают совсем не обязательно в округе больших городов.

Село Пихтовка, в глухом таежном углу Новосибирской области. Д. Очкасов, работник лесхоза, в этих местах тридцать лет. На лице — печать усталости: с одного пожара не успел вернуться — на другой зовут.

— Живем на болотах, — говорит он. — И все же горим то и дело.

Что это за «болота», как здесь говорят, я успел рассмотреть с вертолета. В низинных этих местах, даже в хвойном лесу, плохо переносящем излишек влаги, с высоты двести метров легко различались между деревьев блестящие, словно осколки зеркала, бесчисленные болотины.

Вода тут повсюду, и в результате трава так и лезет из земли. Дай только ей перестоять — образуется такая «подушка», или «старюка», что косить на следующий год — замучаешься. И легкий способ избавиться от нее — сжечь. К тому же старожилы убеждают, что после пала трава поднимается быстрее.

Еще один довод. Гнус в этих местах — из породы решительных и свирепых. А если спалить камыши на болоте, то, пожалуй, его поубавится.

Стерню, оказывается, куда легче спалить, нежели заделать в почву. В условиях же механизации как не придумать и механизированный способ подпаливания. И вот трактористы первого отделения совхоза Пономаревский зажигают автопокрышку и тросом волокут ее на порядочной скорости по стерне — поле через несколько минут полыхает.

Может быть, любители подпалить пал не знают, что это запрещено? Знают и принимают меры, всячески стараясь избежать наказания. С вертолета лесной охраны обнаружили человека, поджигавшего сухую траву. Погнались — скрылся в густом кустарнике. Велосипедом вот только пожертвовал.

Юридически просвещенные сельяне над такой трусостью своего земляка посмеялись: ну предъявит лесхоз штраф двадцать рублей — велосипед стоит втрое дороже. До

суда же, как правило, дело не доходит: и без того у главного лесничего времени нет.

Регулярное подпаливание создает здесь особую психологическую обстановку, в которой трудно ручаться, как странно может поступить человек и чем это обернется. У деревни Александровки пчеловод решил выжечь сухую траву вокруг пасеки, чтобы в случае пала огонь сюда не подошел. Чрезмерная предусмотрительность тут же была наказана. Пасечник просчитался и сжег свою избушку.

Однажды, учитывая предстоящую напряженную обстановку, в Пихтовском лесхозе решили провести с руководителями организаций и предприятий совещание по борьбе с палами. Явились представители леспромхозов, школ. У руководителей совхозов времени не нашлось.

Потом, правда, мне показывали в Пономаревском совхозе приказ, который «категорически запрещает пуск сельскохозяйственных палов, разведение костров, сжигание растительных остатков», но несмотря на всю категоричность запретов и большие палы здесь случались, и не раз. А один из них разросся в настоящий лесной пожар, охвативший шестьсот гектаров.

Авиации спасибо. Дым она обнаружила сразу. А это еще даже и не начало тушения. Надо дорогу огню перепахать. Но попробуйте-ка перебросьте трактор через болота. Он спешил, да завяз, и сам загорелся. Огонь между тем разошелся на пятнадцать километров. Пришлось перебрасывать восемь тракторов, более ста человек. Огненный фронт двигался к центральной усадьбе совхоза. Тут уж пришлось появиться не только директору совхоза, но и заместителю председателя райисполкома. Только к огню уж трудно было подступиться. Воздух накалился. Четверо суток тушили, в основном по ночам: все не так жарко. Сколько еще пришлось бы бороться с огнем, никто мне сказать не решился. Решила все погода — на пятый день пошел мокрый снег с дождем.

Пожар был один из самых больших за год. Думали штрафануть директора, да он — работник здесь

новый... Того же, кто спичкой чиркнул, как это часто случается, обнаружить не удалось. А кто же в таком случае все-таки виноват? Кого наказывать? Вот тут-то и начинается...

Назарнов, во вторую очередь виноват тот, по чьей земле пущен пал. Поэтому в Пихтовском и Пономаревском совхозах вряд ли найти управляющего отделением, который не был оштрафован.

Пал — это явление, как бы освященное традициями. Когда на безбрежные просторы Сибири переселялись первые земледельцы, пал служил им великую службу — освобождал землю из-под леса для пашни. Существовала целая «огневая» система земледелия — учение о том, что все надо начинать с обработки почвы огнем. Но это совсем не значит, что двести лет спустя главному агроному Пономаревского совхоза единственным способом расчистки под пашню залежи в двести гектаров было пустить пал.

Нет, пожалуй, серьезной работы по сибирскому лесу, не упоминавшей этого слова. Вот хотя бы отрывок:

«Опустошительным пожарам лесов много способствовало сибирское обыкновение обновлять... луга, выжигая старую траву («пускать палы»). Огонь с полей переходил на лесные пространства... Администрация мало обращала внимания на эту войну населения с деревом... казалось бессмысленным заботиться о сохранении лесов, которые по своей отдаленности не могли быть обращены на пользу адмиралтейств». («Россия», т. 16, «Западная Сибирь». СПб. 1907 г.) Более шестидесяти лет тому назад один из наиболее внимательных и дотошных исследователей Барабы А. Молотиллов упоминает «пресловутые... палы», которые мешают успешному росту молодой поросли.

Старые и современные исследователи, осуждая пал, тем не менее считали, что достаточно сказать о нем вскользь. Не посвящено этому явлению целиком ни одной хотя бы скромной работы. А время требует изучить все, что касается сохранения ценностей, заложенных в земле.

Один из лучших исследователей сибирского леса профессор Г. В. Крылов, присоединившись к моему возмущению палами, при этом оговорился: «И все-таки пал — единственное средство избавиться от бурьяна на нерегулярном сеносе».

— Пал стал универсальным средством замаскировать грехи хозяйствования на земле, — сказал мне коллега Крылова:

Не слишком ли дерзкий вывод? Но давайте подойдем к тому же самому обвинению с другой стороны. С главным агрономом одного совхоза стали мы рассуждать, каковы же могут быть последствия пала для почвы, по которой он прошел. И оказалось, что человек с высшим агрономическим образованием последствий этих совершенно себе не представляет.

— Теперь на месте палов вы увидите разве густую зелень, — сказал он мне. — Все в порядке! О чем писать?

Трава на горях, действительно, зеленела. Но благополучие было внешнее. Лишь опытный глаз летчика-наблюдателя различал зеленые, с легкой желтизной луга, не тронутые огнем, и чисто-зеленые, где огонь прошел. Но дело не только в оттенках. Об этом хорошо сказал доктор биологии С. Трофимов:

— Палы чрезвычайно вредны населению почвы. Они нарушают созданное природою равновесие. Всякий пожар в любом естественном сообществе — катастрофа.

Нет. Это не цитата из книги и не отрывок из лекции. С известным знатоком сибирских почв Сергеем Сергеевичем Трофимовым мы встретились на краю опытных делянок, у опушки леса, где молодая зелень трав перемежалась с черными подпалинами. Говорил он глухо, без эмоций. Но за этим внешним спокойствием ощущалась четкость мысли, основанная на многолетних наблюдениях и раздумьях:

— Пал, к тому же, — свидетель невысокой культуры агротехники. Наука и промышленность предоставили в руки агроному почвообрабатывающую технику широкого диа-

пазона применения. А его так и тянет воспользоваться огнем — вот она сила привычки, накопленной поколениями.

И все же пока огонь идет травой, он обычно не страшен. Но стоит ему добраться до леса, как он становится грозен. Для пущей убедительности надо хоть раз увидеть, что такое лесной пожар.

Много лет тому назад мне случилось участвовать в тушении лесного пожара где-то вблизи зауральского поселка Кособродска.

Все началось с того, что редакционное задание привело в лесхоз. День был особенно солнечный. Непривычный для горожанина запах хвои создавал какое-то особое приподнятое настроение. Разговор шел о смолокурении, выжигании угля. Как вдруг директору позвонили и сказали, что неподалеку лес горит. Размеренная жизнь конторы враз была нарушена. Побросав на столах ручки и бумаги, вооружившись лопатами и топорами, все как один поспешили навстречу огню.

На место доехали быстро. А там уже орудовали подростки из лесотехнического училища. Ветер поутих, и огонь был, как говорят лесники, низовой или напольный. Да и двигался он не сплошным фронтом, а узенькой, прерывистой ленточкой. Распространялся от нее дымок, который порою немилосердно ел глаза. Мы забрасывали язычки пламени песком, благо что почва в собняке была песчаная, били по ним дубинками. И без того слабый огонь стал совсем слабеть.

Скоро все настроились за каких-нибудь полчаса завершить дело, но тут-то и подул ветер. И через считанные секунды раздался где-то совсем близко всепоглощающий треск. Не знаю, что помогло мне, неопытному в таких делах, моментально сориентироваться. Не помню, кто первый бросился к дороге, но только все тут же за ним ринулось. Бегство было массовым, стремительным и совсем не напрасным.

Выскочив на дорогу, мы увидели, как по обе стороны прямо к нам стремительно движется уже по верху леса сплошной фронт огня. Сосны занимались мгновенно, будто начиненные порохом.

Не успели мы прийти в себя, перевести дыхание, как огненный вал был подхвачен еще более резким порывом ветра. И тут на наше счастье на дороге оказалась грузовая автомашина. Как только успели мы попрыгать в нее! Скорость нашей трехтонки, наверно, была не меньше пятидесяти километров в час, и все же огонь от нас почти не отставал, с треском мчался он за нами да бросал вдогонку плачущие лапы хвои.

Только на опушке мы и остановились. И только тут я впервые реально ощутил, что от лесного пожара, будь и чемпионом по спринту, все же не убежишь.

Древние старики в глухих местах Среднего Приобья вспоминают таежные пожары 1915 года. Из-за необычно сухой стойкой погоды охватили они площади в полтора миллиона квадратных километров. Там, где не было леса, горел торф, образуя внутри огромные пучоты. В глубине тайги от дыма задыхались охотники. Зверье из обычных районов обитания на среднем Енисее и Оби массами вплавь переправлялись через реки, двигаясь на юг и юго-запад. Большая часть Сибири была окутана дымом.

В наше время такое конечно же невозможно. Иная техника, иное поколение таежников. И все же забывать то, что было тогда, не стоит. Само по себе должно оно быть предостережением на будущее. У полузабытых и современных лесных пожаров есть и общее: те и другие начинались с палов.

Затраты на охрану лесов, на тушение, казалось бы, очевидны. И все же я был подавлен, когда узнал, что на содержание Западно-Сибирской авиационной базы охраны лесов за год расходуют три миллиона рублей. Но меня утешили: не будь воздушных пожарных — пожарные расходы возросли бы в семь раз.

Надо заметить: удельный вес «сельхозпалов» в отчетах о пожарах леса как будто бы снижается. И все же только по Западной Сибири они исчисляются сотнями. А сколько еще беды лесу приносят незату-

шенные костры, непогашенные спички, забытые дымокурны... И как математическая формула звучат слова одного лесничего: «Если в лесу сухо и там люди — быть огню!»

Недавно пришлось мне беседовать обо всем этом с людьми разных профессий и научных степеней, разного жизненного опыта. Предлагали многое. Усилить действие экономических рычагов. И вспоминалось, когда директор совхоза принесли требование на оплату двух тысяч человеко-часов на тушении пожара, — он почесал затылок, но подписал. Когда положили на стол штраф всего в 15 рублей управляющему фермой, — он растерялся: «Не знаю, как ему и сказать!»

Речь шла и о повышении зарплаты леснику, чтобы привлечь на эту важную государственную должность людей квалифицированных, энергичных. О том, чтобы обеспечить их транспортным средством классом выше мопеда.

Разговор шел, чтобы техника лесничества должна стать иной: нужны принципиально новые, мощные, мобильные, высокопроходимые машины для тушения пожаров. Предлагалось оборудовать специальные безопасные места для костров.

Сообщения о крупных лесных пожарах поступают из Югославии, ФРГ, ГДР. Их тушение и на малых пространствах лесов Западной Европы — пока проблема. Полное запрещение курить в лесах, являться туда с каким бы то ни было огнем, оставлять там бутылки, другие стеклянные предметы, которые могут сыграть роль солнечных зажигательных стекол, — вот чрезвычайные меры.

Какие же меры предупреждения огня принять в сибирской тайге с ее огромными пространствами?

Недавно на годичном собрании Сибирского отделения Академии наук СССР выступал член-корреспондент Академии наук А. Исаев из Красноярска, директор института леса и древесины. Говорил он о том, что и в ясную погоду, имея в распоряжении современный самолет или вертолет, обнаружить пожар легко, да трудно при этом оконту-

рить фронт огня, узнать скорость, уточнить направление его движения: мешает дым, который охватывает иной раз пространства куда более широкие, нежели те, что успел захватить огонь. В подтверждение тому на экране перед замершим залом он показывал снимки с воздуха, где лес лишь местами проглядывал через дымное покрывало. А не видя, где огонь, как можно с ним бороться?

Чтобы ответить на этот вопрос, Исаев обратился за помощью в Институт радиотехники и электроники Академии наук СССР. Самолет оснастили радиометрами. Оказалось, что при любой, самой сильной задымленности, в диапазоне радиоволн от 0,3 до 3,0 сантиметра структура пожара «надежно пропигивается». Такой метод не подводил даже в тех случаях, когда огонь шел по земле и густые кроны деревьев, по мнению специалистов, должны были скрыть его от приборов.

Научились узнавать многое о пожарах и по обычным аэрофото снимкам. Оказывается, по ширине горячей кромки можно с высокой точностью судить о скорости движения огня. Исследования продолжают. На космических, мелкомасштабных снимках предстоит научиться «расшифровывать параметры» пожара по плотности и структуре дымового облака.

О возможностях нового направления борьбы с лесными пожарами можно только догадываться. Но уже сегодня ясно: радиометоды дали новую, более точную базу для самого главного — прогнозирования пожаров.

Палы вызвали к жизни целую профессию — лесных пожарных-десантников. Это занятие молодых и рискованных. Я от души завидую тому, кто, будучи выброшен с парашютом перед фронтом огня, побеждает его малым числом и умением. Но надо ли десантнику рисковать жизнью только потому, что такой же молодой человек на охоте или в туристском походе, в экспедиции или на сенекосе забыл о могуществе и коварстве огня?

Динамитный патрон

Рассказ

Лев
КУКЛИН

Рисунки
Н. Мооса

Лошадь, видимо, погибла не сразу. Когда мы, забыв о ней, в липком поту вскачь бежали от начавшегося камнепада, уши мои тонкой иглой пронизывал ее визг,— не жалобное ржание, не испуганный храп, а именно визг... Впрочем, кто знает, какие голоса вдруг прорываются у нас самих перед ужасом и неизбежностью нелепой смерти?

У нас на крик уже не хватало дыхания. Задыхаясь и скользя по крошащемуся под ногами выветренному склону, мы очумело неслись куда-то вбок. А перед глазами неотступно прыгала мосластая нога с грязным копытом, мертвым сухим деревом торчавшая из завала. И эта стертая подкова на пяти гвоздях! Так и не успели перековать...

— Сюда! — вдруг в упор выкрикнул, как выстрелил, Отар. Он был моложе нас, этот желторотый дипломник, и в естественном слепом стремлении уйти от опасности оказался заметно впереди. Он махнул рукой, и мы, не раздумывая, словно зайцы в нору, юркнули за ним в черное отверстие.

Мы очутились в неширокой — метра два — сплюснутой пещере, быстро сужающейся кверху и в глубину. Строго говоря, это была просто межпластовая расщелина, параллельно слоям косо врезанная в глубь известняковой горы. Метрах в восьми от входа тускло отсвечивала мокрая стенка с железистыми натеками. По ней, видимо, когда-то сочилась вода, выщелачивая внутри не слишком-то монолитной скалы линзу более мягкой породы. Может быть, гипса. Все это я отметил совершенно бессознательно, по чисто профессиональной привычке, пока мы переводили дух. В конце-то концов, плевать мы хотели на происхождение этой щели! Главное, что природа заботливо приготовила нам, венцам творения, какое-никакое, а убежище!

Отар щелкнул зажималкой. В сыром полусумраке пещерки заметались наши покореженные, изуродованные тени.

— Ну, козел... Силен ты бегать, Жора... — не то ухмыляясь, не то с одобрением сказал Иван Макарович, судорожно двигая кадыком. Он склонял голову набок, вслушиваясь в шуршание и скрежет каменной лавины над нами, и машинально поглаживал отполированную до зеркальности рукоятку своего молотка. Геолог старой формации, из практиков, институтов не кончавший, он скорее бы умер, чем забыл свой знаменитый по всему Большому Хребту нехитрый инструмент. Мы все не единожды слышали историю создания этого молотка. И Нижний Тагил, и спецзаказ — в двух экземплярах! — по эскизу академика Воротилова в бог весть тридцать каком году, и сталь особой марки — во все это верилось, когда Смирнов поглаживал треснувшую и обмотанную изоляционной лентой кизилковую ручку, прикасаясь к ней нежно, как музыкант к грифу драгоценной скрипки...

— Стихает... — с надеждой сказал Отар, которого все в партии упорно называли Жорой.

С верхнего угла, над входом, сыпалась тонкая струйка песка и время от времени звонко стукались камешки посolidнее... Но это было еще не все...

Отару-то, конечно, легко. Ему корить себя не в чем. Ишь, как картинно затягивается. Делает вид, что волнуется... Мужчина... Джигит! Виноваты-то мы с Иваном Макаровичем, а я, как начальник отряда, — больше всех. И черт нас дернул одновременно запалить шуры над этой несчастной жилой! Однако стоп, Юрий Петрович! Легче на поворотах! Давно ли жила стала несчастной? Разве она не манила вас явными следами редких элементов, а? Казалось, — вот-вот, и уцепимся за хвостик открытия... А хвостик ускользал из рук, как намыленный... Контакты терялись в наносах. Захотелось поскорей расчистить, поторопиться... Заложили двойной заряд... А горы шутить не любят! Погладили их против каменной шерстки. Вот и результаты: лошадь убило, тропу за-

сыпало... Растяпа вы, малоуважаемый Юрий Петрович! Растяпа, хоть и кандидат. Еще дешево отделались...

Вдруг гора глухо вздрогнула. И в почти затишье было шорохе уходящего камнепада слышались какие-то новые зловещие звуки: грохот, толчки, тяжелые удары, скрежет гигантских жерновов.

— Крупняк пошел... — шепотом выдохнул Смирнов. Мы невольно пригнули головы. Обвал нарастал прямо над нами. И вот...

Клиновидная глыба, подобно топору, с такой силой вонзилась в устье расщелины, что по стенкам ее брызнули тонкие паутинные трещинки...

Но это, кажется, было последним сюрпризом. Минут через пятнадцать-двадцать все стихло.

— Юрий Петрович... — задыхаясь, проговорил Отар, первым подошедший к выходу. — Здесь не пролезть...

— Давай сверху. Мы тебя подсадим.

В верхнее отверстие, над камнем, свободно проникал свет. Мы поддерживали извивающиеся ноги Отара, пока он пыхтел и ерзал по глыбе.

— Горы вижу, небо вижу... Голова пролезает... — комментировал Отар. — Рука пролезает... Плечи... Плечи не пролезают! — жалобно, с удивлением и обидой, закричал Отар. — Не пролезают...

Отар был самым худощавым из нас. Иван Макарович постучал по обломку своим молотком. Монолитная глыба, видимо, это был обломок гранодиоритовой дайки, — отозвалась коротким тупым звуком. Мы втроем, собрав все силы, попытались раскатать ее. Но с таким же успехом муравей мог пощекотать глыбу своими усиками: гранодиоритовый обломок заклинило намертво.

Мы оказались в мышеловке. Гора предательски поманила нас, как огрызком сыра, видимость спасения, — и дверца за нами захлопнулась...

Обессиленные не столько бесполезной работой, сколько пронзительным сознанием собственной беспомощности, мы сидели на каменном полу нашей камеры и старались не глядеть друг на друга.

— Это я виноват! Я виноват! — вдруг завопил, вскакивая, темпераментный Отар. — Я вас сюда завел!

— Цыц! — довольно грубо оборвал его Иван Макарович. — Оправдываться на суде будешь. А сейчас — береги силы. Ждать придется долго...

Я молчал, со вкусом проклиная про себя происхождение этого гранитного обломка. Я оскорбил всех его ближайших родичей по классу изверженных пород. Я охаял его состав и структуру, его твердость и его удельный вес. Я подверг сомнению его способность к шлифовке и облил грязью даже его великолепный темно-розовый цвет...

— Не понимаю, почему строители дворцов и

мавзолеев так любили этот треклятый гранит? — словно прочитав мои мысли, процедил Смирнов.— Есть же превосходные мягкие камни — гипс, например. Или — ракушнячок... А?

Но тут нас рассмешил — это в такой отчаянной ситуации! — неугомонный Отар. Ругаться он вообще не любил и не умел, а его непреодолимый акцент придавал самым страшным русским выражениям комичное опереточное звучание.

Мы хохотали, втайне с ужасом сознавая всю непроходимую глупость нашего смеха, но ничего не могли с собой поделывать!

В нелепом бессмысленном порыве отчаяния Отар бросился к гранитной глыбе и стал молотить по ней кулаками, визжа на одной неистовой ноте. Видимо, он не чувствовал боли. Иван Макарович схватил его сзади за руки и с силой придал к полу.

— Гору лбом не прошибешь, — тихо сказал Смирнов.

Сразу отрезвев, Жора уткнулся лицом в колени и затих...

— Найдут... — словно бы про себя, рассуждал Иван Макарович. — Никуда не денемся. Взрывы слышали, камнепад заметили. Лошадь увидят и найдут...

— А сколько человек без воды может? — по-детски жалобно спросил Отар. — У нас же нет воды. Ни грамма...

Ну, этого-то он мог и не говорить. Это мы со Смирновым знали не хуже его... Значит, в лучшем случае — три дня... А если не найдут?

— А если не найдут? — не успокаивался Отар. Смирнов не ответил.

Прочальный луч солнца прожекторно скользнул в верхнее отверстие, и в нем отчетливо, как под микроскопом, долго, наверное, с минуту, сияли взвешенные в вечернем воздухе пылинки. Потом луч шмыгнул за ближайшую вершину, и сразу стало темно, как на засвеченной пленке.

Через несколько минут я стал различать светящийся циферблат часов с торопливо бегущей секундной стрелкой. Прошло, оказывается, всего пять часов... А мне уже казалось... Я машинально завел часы, как всегда делал это перед сном.

— А если не найдут? — снова тоскливо спросил Отар.

— Заткнись, Жора, — лениво бросил Смирнов. — Вот пожевать бы чего-нибудь...

И тут я нащупал под рубашкой то, что давно мне мешало, тыкая в бок, но как-то не доходило до сознания. Я вытащил нечто похожее на свечу, только потолще и покороче, в воцанной бумажной обертке. Для еды это во всяком случае не годилось. Это был динамитный патрон. Последний, который я не успел подорвать, когда начался камнепад...

Я зажег фонарик, и рядом с патроном мы выложили из карманов все, что в них нашлось, на плоскую каменную плиту и критически рассмотре-

ли свое богатство: два скомканных носовых платка весьма сомнительной белизны, зажигалку, коробок спичек, пачку сигарет «Джебел», три компаса, один из которых — тяжелый, медный, еще геологомовский, складной нож со штопором, две пикетажные книжки, три карандаша, рулетку, моток тонкого мерного шнура, бритвенное лезвие, шариковую авторучку, семь ирисок «Тузик» и обломок чурчхелы (это, конечно, из карманов сладкоежки Отара!) и — смешно сказать! — колоду карт. Иван Макарович, заядлый преферансист, только выразительно пожал плечами. Он привычно ссутулился над этим разнокалиберным имуществом, как волейболист, стесняющийся своего высокого роста.

— Никаких документов... Наши хладные трупы останутся неопознанными... — мрачно пошутил он.

— Ай, зачем так говорить? — неожиданно закипятился Отар. — Я хочу еще долго жить и кушать барашка, и пить «Цинандали»...

Над его сочными южными губами лихо торщились залихватские мушкетерские усики.

— Понимаешь, да? У нас дома все любят «Цинандали», — горячо убеждал он, словно боясь, что мы ему не поверим.

— Съешь лучше конфетку, детка! — Смирнов сунул ему в руку «Тузика».

— Я не хочу умирать! — Отар оттолкнул его руку и, как гранату, схватил динамитный патрон. — Уж лучше сразу — бух! — и все!

Я покачал головой.

— Во-первых, на всех его не хватит, Жора... А во-вторых, как ты его взорвешь? Капсюль-детонаторы и шнур остались во вьючном ящике. Эта палочка сейчас безопасней детской соски...

— Ну, а что если нас не найдут?! — снова, уже на пределе, закричал Отар. — Что тогда?!

— Что тогда? — с расстановкой переспросил Иван Макарович. — Тогда... — и голос его сделался вдруг тусклым-тусклым. — Не знаю, как вы, а я вскрою себе вены... Вот этим лезвием «Нева». Да, «Нева»... — уже совсем другим голосом протянул он. — Кстати, вода у нас есть! Дня три-четыре продержимся. Вот. На этой влажной стенке расстелем нижние рубахи. Несколько ложек всегда сможем отжать...

А в верхнее отверстие холодно и неприступно, не мигая, глядела какая-то звезда, еще более подчеркивая густую черноту нашего логова.

Мы прижались друг к другу, пытаясь согреться на каменном ложе и заснуть. Долгое время меня качало на грани полуяви-полусна.

...Неужели мы трое можем умереть? Не на войне — в самый разгар мирного лета, трое здоровых сильных мужиков — загнемся от голода?

Мне припомнилась цифра в газете: целинные земли в этом году дадут полтора миллиарда пудов зерна! Сколько же нужно зерна — пусть немолотого, не хлеба, не муки, — просто зерна, для

трех человек на неделю? Смешно,— наверное, какую-нибудь ничтожную долю от этого урожая... Хотя нет... Нам нужна еще вода... Немного воды,— пусть по два стакана в день... Тогда мы могли бы продержаться... Сколько мы сможем отжимать себе в рот, выкручивая мокрые рубашки? Сейчас август. В городе, если люди хотят пить, они покупают газированную воду... Три копейки — с сиропом... Копейка — чистую. Из автоматов, красных и привлекательных... Ну почему я не пил воду каждый день? Три копейки стакан воды,— холодной, пузырящейся... В литре — пять стаканов... А у меня примерно пять литров крови... Интересно, можно ли обменять литр крови на литр воды?..

А собственно,— зачем покупать воду? Можно просто открыть кран над раковиной. И вода польется живой неиссякающей струей,— стакан, ведро, ванна... Говорят, интеллигентный человек потребляет в день около трехсот литров воды... Ну, пусть я не интеллигентный, пусть я — последний подонок,— хотя бы стакан воды... Из болота, из дождевой лужи, из коровьего копыта, из унитаза, наконец,— черт с ним...

Наше тело почти целиком состоит из воды. Так, коллоидные растворы под пиджаками и шляпами...

Мой отец умер в блокаду от водянки. Он был сильным человеком, мой отец — геолог, полярник. Одним из первых зимовал на Новой Земле. Когда мы с ним по утрам делали зарядку,— я любил тыкать пальцем в тугие бугры его бицепсов. Палец отскакивал, как от резинового мяча. Он расставлял руки,— и я мог карабкаться на него, как на дерево. И с руки, как с трамплина, прыгал на диван...

А потом... Потом он лежал на этом самом диване, и его сильные руки были спрятаны под грудой одеял и ковров. Мама поила его с ложечки, как будто волшебной микстурой,— пустой горячей водой... Да, вода... Тогда ее не было в замерзшем кране, ее не было в нашем доме, ее не было во всем городе. Она была только в Неве. Мама привозила ее в двух ведрах на моих старых детских саночках с круглой спинкой.

Когда матери не было дома, я старался не подходить к дивану. Я боялся смотреть на лицо отца. Мне было страшно и непонятно — как может человек быть таким худым? Мама говорила, что у него раздуло от воды ноги... Водянка...

Я не видел, как отец умер. Только знаю из письма матери, что он умер через две недели после того, как меня вывезли по ледовой дороге через Ладогу. Машина, шедшая перед нами, нырнула под лед. Мне помнилась эта полынья — страшная, черная...

Я проснулся, словно меня кто-то подбросил. В черном провале сна мне стало неотступно ка-

заться, что мы днем чего-то недоглядели, что где-то должна быть щель, отверстие, выход на свободу. Это ощущение было настолько явственным, что я вскочил и судорожно нажал на кнопку фонарика. Слепящий луч коротко ударил в глухую стенку.

— Экономь фонарь,— не открывая глаз и не шевелясь, четко сказал Иван Макарович.— Батарейка сядет....

К утру мы закончили. Ледяной ветер пробирался снизу. На гранях гранитной глыбы матово мерцал тонкий налет инея... Трудно было пошевелить рукой. Вставать не хотелось, да и к чему? Странно, но особенной жажды я не испытывал, только слюны во рту скапливалось больше, чем обычно... Смирнов выдал нам по ириске.

— Сосите,— сказал он.— И старайтесь ни о чем не думать.

Потом по очереди мы выжали друг другу в разинутые рты, как в воронки, набухшие тяжелой влагой рубашки. Действительно, ткань впитала в себя за ночь несколько столовых ложек влаги...

В пещеру залетела большая замысловатая муха. Ее назойливое жужжание гулко отдавалось в тесном пространстве нашей каменной кельи.

Покружившись под нашими медленными и злыми взглядами, она так же независимо вылетела обратно,— только яркой искрой мелькнули ее крылышки в свете солнечного утра.

Как мы завидовали ей! Трое здоровых людей,— завидовали этой вонючей мухе, стыдно даже признаться!

Мы лежали молча, время от времени впадая в тоскливое забытие. В три часа Иван Макарович скомандовал: «Обед!»— и снова выдал нам по ириске. Пошли вторые сутки. Мы ухитрились вытолкнуть наружу через верхнюю отдушину красную шерстяную рубашку Отара, привязав ее к мерному шнуру. На этот отчаянный призыв к спасению, на этот безмолвный вопль — «SOS!» — надежды было мало, но все-таки...

Язык постепенно становился деревянным, неповоротливым и занимал во рту все больше места... Слюны к вечеру стало совсем мало, и она приобрела отчетливый горький привкус. Вечернюю ириску, нет,— крошку чурчхелы я положил за щеку. Сосать не хотелось. О еде и питье мы, не сговариваясь, не проронили ни слова...

Темнота спустилась так же быстро, и так же с моего места виднелась одинокая немигающая звезда...

— Эх, если бы взорвать этот чертушкин камень! — тоскливо выговорил Отар.

— Чем, пальцем? — зло оборвал его Смирнов, и мы снова надолго затихли...

И вдруг... я вспомнил невесть откуда всплывшую фразу с интонацией знакомого человеческого голоса: «А взрывчатку-то на пузе согревали, чтоб не замерзла...»

— Иван Макарович,— затаив дыхание, осторожно спросил я,— у нас динамит какой?

— Какой, какой...— ворчливо ответил тот.— Вместе ведь брали, не помните, что ли? Ну, шестидесятидвухпроцентный, обыкновенный...

На какую-то микроскопическую долю секунды мне показалось, что в неразличимой мгле нашей расселины стало светлее. И если темнота этой щели напоминала тайные глубины человеческого мозга, мне стало физически ощущуемо, почему о внезапной мысли говорят: блеснула...

— Товарищи,— судорожно глотая воздух, начал бормотать я.— Понимаете, есть возможность... Вернее, есть некоторая вероятность, что этот патрон можно взорвать...

— Любопытно...— буркнул под нос Смирнов.— Без капсуля? Тысяча вторая ночь... Сказки Шехерезады...

— Я вспоминаю, что у обыкновенного динамита температура замерзания где-то около нуля, даже, может, два-три градуса плюса. От замерзания он становится неустойчивым, понимаете? Приобретает опасную способность к детонации от удара... А утро вчера было морозное, помните — иней на обломке?

— Подождите...— вдруг, сразу охрипнув, сказал Смирнов.— Даже если он взорвется... Предположим... Предположим... Накладным зарядом этот камень не разбить. Не хватит двухсот граммов...

— И не надо разбивать камень... Он ведь упирается одним боком в известняковую скалу. Подорвем этот бок, глыба просядет, понимаете? И мы сможем выбраться через верх. В крайнем случае — молотком разберем ослабленную стенку. Наверняка пойдут трещины...

— А чем ударим по патрону? — уже деловито допытывал Иван Макарович.

— Ну, не знаю...— замялся я.— Камнем, может...

— Убьет осколками...— задумчиво протянул Смирнов.

— Ну и пусть! Пусть убьет одного! — вскочил Отар. Он был моложе нас, этот Отар Гогнидзе, дипломник из Тбилиси, он был самым неопытным, но в жилах его текла горячая живая кровь, в которой плескалось солнце.— Я ударю молотком, чтоб вернее было. А вас заслоню...

— Ну-ка, держи фонарь,— вместо ответа приказал ему Иван Макарович.— Свети.

Мы с ним внимательнейшим образом со всех сторон осмотрели стенки, на которые опиралась заклинившаяся глыба, и простучали их, сантиметр за сантиметром.

— Здесь,— тихо сказал Иван Макарович.— Лучше не придумаешь. Сделаем шпур в этом выступе... Слава богу, твердость не больше четырех...

При чахоточном свете тощающего фонарика, прыгавшего в руках Отара, Смирнов своим но-

жом ловко стал долбить шпур в выступе известняковой стенки. Под его точными размеренными ударами от нее отлетали небольшие серовато-зеленые угловатые осколки. Они со слабым стуком падали на каменный пол, отдаваясь в ушах, словно негромкие удары маятника, отмерявшего секунды.

Зримые обломки нашего уходящего времени...

Порой, когда у Смирнова затекали руки, я сменял его. Но у меня дело клеилось плохо. Я нервничал и не всегда попадал узким лезвием ножа в круглое отверстие шпура. Особенно тяжело давались последние сантиметры. Через три с лишним часа, когда лучик фонарика превратился в крохотную, еле тлеющую искорку, нож ушел в шпур на всю свою длину.

И только тут мы почувствовали — нет, не усталость, а прямо-таки звериный голод...

— Ну, теперь молитесь, чтоб ночь выпала похолодней,— глухо сказал Иван Макарович, бережно опуская патрон в шпур. Патрон сел плотно, и из отверстия только немного выступал краешек вощенной обертки.

— Без забивки придется,— добавил он, обминая и обнажая верх патрона.— Чтоб удар был вернее.

Самым тяжелым стало — дожидаться утра.

— Не хочу приказывать...— в темноту сказал я, чувствуя, что все равно никто не спит.

— И не имеешь права,— быстро откликнулся Смирнов, неожиданно на «ты», чего он по-старомодному воспитанию никогда не позволял себе раньше.

— Ну как начальник отряда я имею права...— заикнулся было я.

— Какой вы сейчас начальник? — заволновался Отар.— Это в партии вы были начальник. На тропе вы были начальник. Сейчас мы все одинаковые. Я легкий, меня ранит — легко нести будет. А Иван Макаровича разве поднять, а? Он целую тонну весит, он больше тонны весит, его на грузовике везти надо... Давайте я ударю и вас заслоню, Юрий Петрович?

В его тоне звучала неборимая уверенность молодости. Заметьте, он не сказал «убьет», он сказал: «меня ранит». Жора тоже не верит, ни на миг не может поверить, что мы можем умереть...

— Нет, не гоже,— коротко отрезал Смирнов.— Трюкнуть-то я и сам могу. На самый худой конец. Но даже помирать надо с толком, взвесив последние шансы. Так что брось дурить...

— Тогда жребий,— упрямо сказал я.— Кому-то все равно придется рискнуть.

— Очень правильно! — поддержал меня Отар.— Разыграем на спичках.— Он секунду подумал.— Так. Обломанная — значит, тот и взрывает патрон.

В темноте я протянул руку и нащупал в его

кулаке три спички. Немного поколебавшись, я вытянул среднюю. Она была с головкой...

— Целая...— ровным голосом сообщил и Смирнов.

— У меня... Обломанная у меня...— сказал Отар.

Что-то в его голосе заставило меня неожиданно для него щелкнуть зажигалкой. Студент еще держал в руке целую спичку...

— Жульничаешь?— с добродушным удивлением спросил Иван Макарович, быстро раскусив его нехитрую комбинацию.— В герои лезешь? А нас что,— за людей не считаешь? Ладно!— вдруг лихо решил Смирнов.— Рискнем на картах. Кто младшую вытащит, тому взрывать.

Наши руки сошлись над колодой, которую туго зажал Смирнов. Зашелестели вытаскиваемые карты.

— Давай!— скомандовал «банкомет», и я снова крутнул колесико зажигалки.

У меня в руках был туз треф.

— Казенный дом...— криво усмехнулся Смирнов, державший за уголок червонную даму. У Отара оказалась пиковая шестерка.

— Дальняя дорога, а Жора?— не удержавшись, прокомментировал Иван Макарович и добавил:

— Значит, тебе...

Мороз не подвел. Каменные плоскости к утру покрылись щетинкой инея. На торце патрона тоже выступили крохотные кристаллики...

— В перядке?— с надеждой спросил Смирнов.

Я молча пожал плечами. В голове мутилось. По горлу словно бы медленно водили рашпилем. А Отару пришла смелая конструктивная идея. Косноязычно, как и положено это изобретателю, он изложил ее Ивану Макаровичу, помогая себе отчаянной жестикуляцией. Тот понял его с полуста.

— Ага...— соображал он.— Молот и наковальня... Лишние две-три секунды... Лишний шанс...

После некоторых ухищрений в щель свода расщелины вбили карандаш и к нему шнуром привязали увесистый осколок,— так, что он повис в полуметре прямо над выступающим из шпура торцом патрона.

Вокруг шнура ниткой обмотали нечто вроде фитилька, намоченного в бензине из зажигалки.

— Понял?— Иван Макарович втолковывал последние (действительно — последние! — вяло усмехнулся я про себя) инструкции Отару.— Подожжешь фитилек — и сразу падай, головой от взрыва. Так вернее. Да не забудь рот открыть, а то уши порвет... Ну...

Он несколько раз глотнул воздух и побледнел до зелени.

— Фу, язык, как наждак...— тихо пожаловался он. Рывком обнял Отара, оттолкнул легонько и лег на землю рядом со мной.

— Вниманье!— каким-то специально бесшабашным голосом сказал Отар и чиркнул спичкой о коробок.— Есть!

И грохнулся нам на ноги.

Несколько мгновений стояла жуткая тишина. Я изо всех сил зажмурил глаза, так что в голове поплыли желтые круги. Раздался сильный стук камня по камню, но... взрыва не последовало.

Иван Макарович вскопил, остервенело ругаясь. Камень ударил мимо патрона... Лицо у Отара было мокрым, как после хорошего дождя... Он прерывисто дышал, и я всем нутром почувствовал, что никакие силы не заставят его подойти к патрону еще раз.

Иван Макарович молча отбил своим заветным молотком уголок у гранитной глыбы, привязал его снова, предварительно выверив, как отвес, и махнул рукой...

Отар не шевельнулся, я почувствовал, как Смирнов глухо упал на землю.

На этот раз взрыв для меня, видимо, совпал с короткой потерей сознания.

Я окончательно очнулся только от вопля Отара, в котором смешались боль и торжество.

Задыхаясь в едком дыму, от которого яростно першило в носу и непрерывно лились слезы, я подполз к нему.

— Рука...— сдавленно прошептал Отар.

На ощупь я понял, что у него сильно задето предплечье. Видимо, шальной осколок срикошетировал от стенки. Иван Макарович шарил возле выхода.

— Пролезаем...— растерянно пролепетал он. И, собрав все силы, заорал: — Пролезаем!

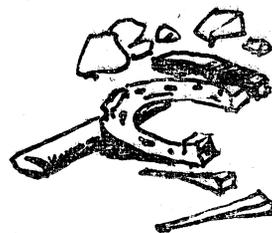
Обдирая кожу на руках и спине, мы выбрались в прокаленный полдень и зажмурились. Потом сделали несколько неуверенных шагов, шатаясь и поддерживая друг друга — только бы подальше от треклятой расщелины. Отар свободной рукой подстраховывал раненую.

Иван Макарович порыскал глазами по сторонам в поисках материала для лубка, а потом... Потом, горестно вздохнув, расщепил ножом рукоятку своего великолепного молотка...

— Идти можешь?— сделав перевязку, ласково спросил он Отара.

Внизу блаженно шумела по камням речка.

А горы молча стояли вокруг и слепили вечным безучастным блеском.

Уральский список «Горя от ума»

Леонид
ПРОКОПЕНКО

В научной библиотеке Саратовского университета среди книг, полученных по завещанию профессора А. П. Скафтымова, есть «Богословский П. С. Уральский список «Горе от ума». Пермь, 1929».

Печатный текст этой работы начинается так:

«Текст гениальной комедии Грибоедова имеет своеобразную историю. Эта история — интереснейшая и сложнейшая проблема для исследователя.

Первое издание «Горя от ума» в составе всех четырех действий появилось на русском языке через четыре года после смерти Грибоедова, именно в 1833 году. При необычайном спросе на «Горе от ума» гениальное произведение, как известно, долгое время переписывалось...»

Список текста комедии, появившийся на Урале в год гибели ее автора, представляет особый интерес.

Эта рукопись стапятидесятилетней давности состоит из 76 нумерованных листов, в ней 152 страницы. Написана она на плотной, когда-то белой бумаге, размером 20,5 на 17 сантиметров. Заключена в переплет из тонкого картона, оклеенного снаружи лакированной розовой бумагой. Флигрань и другие признаки говорят о том, что эта бумага была изготовлена на Кошнинской фабрике Елизаветы Богашевой, в период с 1813 по 1835 год, что переплетена рукопись была в 1831 году.

На первой крышке переплета крупными фигурными буквами написано: «Горе от ума». Комедия. В 4-х действиях». На корешке переплета: «Горе от ума». А первая страница уральского списка, являющаяся своеобразным титульным листом, гласит:

«Горе от ума

Комедия

В четырех действиях

В вольных стихах»

Сочинение

Александра Сергеевича

Грибоедова.

Москва.

Уже тут имеется отличительная особенность: слово «вольных» отсутствует в главных списках — Музейном автографе, Жандровской рукописи, Бугаринском списке, в других печатных изданиях.

Никаких дополнительных уточняющих записей, указывающих на время создания уральского списка, на фамилию переписчика или владельца рукописи — нет. Правда, на третьей странице ееверху другими чернилами написано: «Из книг А. В. О...»

Об этой неполной владельческой надписи П. С. Богословский говорит: «...дальнейшие буквы стертые.

Предположительно можно читать — Островского. По-видимому, тем же почерком и теми же чернилами в рукописи сделаны некоторые поправки и дополнения к тексту. Затем, против некоторых строк, отличающихся от текста основной рукописи, чьей-то рукой поставлены карандашом порядковые цифры».

Что они означают, для чего поставлены? На это Богословский даже предположительно не отвечает, как не говорит и о характере «некоторых поправок и дополнений к тексту».

Почерк, которым написан этот уральский список, четкий, умеренно-размашистый, по-видимому, так называемый канцелярский, — замечает П. С. Богословский. — Это несомненно почерк 1820—30 годов с типичным для того времени правописанием, очень близкий к почерку прочих рукописей «Горя от ума» того времени, заданных факсимильно, напри-

мер, Жандровской рукописи и Музейного автографа. Орфография уральской рукописи, в общем, та же, что и «последних».

Необходимо отметить три наиболее важных момента, связанных с уральским списком комедии «Горе от ума».

Первое. Следовало бы выяснить, кому принадлежало то дворянское гнездо бывшей Пермской губернии, в котором хранился уральский список и в фамильную библиотеку которого он попал в первой половине XIX века в порядке наследования с частью библиотеки графов Завадовских, и какое отношение имел камер-юнкер граф А. П. Завадовский, с которым А. С. Грибоедов жил в Петербурге в 1817 году на одной квартире, к тому А. В. О. (Стровскому), который владел списком?

Второе. В уральском списке «Горе от ума» крайне любопытна такая деталь: необычная и, как видно, далеко не случайная позиция старухи Хлестовой. В афише, то есть в перечне действующих лиц, эта самая тетка Софьи, старуха Хлестова, стоит не на тринадцатом месте, как в других эпиграмах, а на третьем. Она поставлена сразу после Фамусова и Софьи, перед Молчалиным и всеми остальными.

И третье. Возникает вопрос: почему же отличающийся от других уральский список не упомянут ни в одной из многочисленных научных работ крупнейшего специалиста по Грибоедову профессора Николая Кириковича Пиксанова?

Уральский список бессмертной комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» нуждается в дополнительном глубоком изучении. Интересно и полезно было бы установить также, где в настоящее время находится сам этот уральский список комедии «Горе от ума».

Экслибрис работы Альбрехта Дюрера.

ЭКСЛИБРИСЫ

**Семен
ИВЕНСКИЙ**

Все, наверное, началось с того, когда однажды один из преподавателей института имени И. Е. Репина в Ленинграде, теперь старейший ленинградский искусствовед Петр Евгеньевич Корнилов подарил мне

несколько экслибрисов из своей коллекции. Один из этих маленьких листочков захватил мое воображение сразу. Образ великого Пушкина словно витал над ним. Это была небольшая гравюра с видом из окна.

На подоконнике — свеча в подсвечнике, только что погаснувшая от дуновения свежего ветра. За окном — день, скорее — утро. Это — образ самого Петербурга, чей «строгий, стройный вид» так любил Пушкин, и одновременно словно иллюстрация к стихотворению, где поэт восклицает: «Да здравствует солнце, да здравствует разум!» Только у Пушкина «лампада бледнеет при ясном восходе зари», а здесь — погасшая свеча...

Конечно, подарок учителя был не единственным толчком к собиранию, а затем и к изучению искусства экслибриса. Еще студентом я получил от известного ленинградского художника, ученика И. И. Бродского, П. П. Белоусова гравированный в офорте экслибрис с мотивом одного из самых тонких, задушевных его графических пейзажей — «Зимка». Мой товарищ по институту, скульптор и «немножко график в душе» Саша Поляков награвировал на эбоните для меня два экслибриса. Одна досочка позже затерялась, с другой был сделан тираж для книг. Это были первые мои личные книжные знаки.

Летом 1962 года, когда я работал в Вологде, Лев Федорович Дьяконович, который тогда более чем я интересовался графикой, дружил с наследниками Н. П. Дмитриевского и исподволь готовил книжку об этом редком русском таланте, предложил мне и сотруднице галереи И. Козловой взглянуть на коллекцию местного краеведа Сергея Васильевича Клыпина — старого друга Н. П. Дмитриевского.

— А разве у Клыпина есть коллекция? — удивился я.

— Есть, и притом немалая — полторы тысячи книжных знаков, редкие книги об экслибрисе и графике. Среди знаков есть занятные: старинные гербовые, подписные оттиски экслибрисов работы Дмитриевского ручной печати, знаки многих известных гравюров и графиков.

Старик Клыпин встретил нас настороженным взглядом и полусерьезным ворчанием:

— Да, есть коллекция, собрал вот, но многим ли это дорого?..

Он склонялся над небольшим продолговатым ящичком и любовно,

осторожно извлекал из него, показывая и тут же ставя на место, небольшие картонки с наклеенными сразу по нескольку на одной пожелтевшими от времени листочками с отпечатанными на них удивительными изображениями.

— Вот гербовые. Это книжный знак Всеволожского. А вот Воронцова. Вот еще Воронцовых, а это — Строгановых,— говорил старик, и глаза его, смеясь, молодели.

Решили тогда мы показать лучшее, наиболее высокохудожественные экслибрисы из собрания Клыпина в картинной галерее.

Клыпин передал в галерею пару досок, гравированных в 1920-х годах. Оттиски с них и с гравюры А. Полякова на эбоните украсили каталог первой выставки искусства книжного знака, которая была организована в Вологде летом 1962 года. Каталог мы напечатали с хорошей приправкой и на хорошей бумаге. Помню, 700 экземпляров тиража каталога разошлись буквально мгновенно.

И после того каталоги с оттисками подлинных гравюр, сувенирные альбомы советских граверов — многие такие малоформатные издания, приуроченные к временным экспозициям, составили славу Вологодской картинной галереи. Эти маленькие, часто в $\frac{1}{32}$ листа, книжечки быстро становились редкостью и до сих пор хранятся у любителей подобных изданий, собирателей, графиков, как предметы чисто художественного и сувенирного порядка. Экслибрисы часто занимали довольно скромное место среди других гравюр, украшений, заставок, но почти всегда присутствовали и в самих экспозициях, и в качестве иллюстраций, чаще всего оттиснутых с оригинальных гравированных форм.

Миниатюрные книжечки-каталоги стали настоящими сувенирами края, о них часто писали, их показывали в экспозициях у нас и за рубежом.

Старинную Вологду стали посещать не только столичные, но и известные зарубежные любители графики и художники. Дружбе с ними, а также со многими советскими и зарубежными художниками и собирателями графики я обязан не толь-

ко собранной за последние годы коллекцией, исчисляемой во много десятков тысяч экслибрисов и просто гравюр, но и, в итоге, защитой диссертации на тему об истории, теории и практике русского книжного знака.

Александр Николаевич Бенуа — замечательный русский художник и искусствовед — сказал об экслибрисе так:

«Экземпляр книги, снабженный экслибрисом, теряет свой безличный характер, он становится известной «персоной».

Однако это свойство экслибриса — очеловечивать книгу — лишь одно из многих его приметных свойств. Стоит лишь приглядеться...

Книга, как известно, выглядела в разные времена по-разному. И не только внешне, но и по стилю ее оформления, по облику каждого разворота, характеру иллюстраций, их соотношению с текстом, по шрифту... И, соответственно, экслибрис, или книжный знак (слова эти — синонимы), в каждую эпоху менялся в зависимости от изменения вкусов его владельцев, стилей, господствовавших в искусстве каждой эпохи, от технических средств печати также. Это определило великое разнообразие исторически обусловленных форм, обличья книжных знаков.

Экслибрис в узком смысле слова — знак принадлежности книги определенному владельцу: человеку, семье, роду, коллективу, библиотеке. Самый примитивный способ отметить книгу — сделать на ней надпись. Макнет человек перо в чернила и выведет на форзаце или титуле: «Сия книга Петрова Ивана Сидоровича». Иногда и кляксу рядом присовокупит. Попадет книга к новому хозяину — а книги обычно переживают своих владельцев, — тот снова позаботится о владельческой надписи, теперь, разумеется, другой, а старую постарается затереть, а то и просто вырезать. А третий, не желая видеть грязного листа, вырвет его прочь. Вот и испорчена книга.

Да, надписи вряд ли на пользу книге. Не всегда хороша и отметка владельца с помощью металлического или каучукового штампа-печати. Ведь не так просто поставить аккуратный оттиск.

Шкафь
Полка №

Со времен средневековья ведется обычай оттискивать знак владельца на верхней крышке переплета глубоким тиснением, часто с золотом. Иногда тиснение делается на корешке переплета. Такой знак называется суперэкслибрисом. Это, разумеется, очень дорогостоящая техника, доступная лишь богатым людям.

Но чаще всего на внутреннюю крышку переплета — так называемый форзац — наклеивали еще в XV веке в Германии, а затем и в других странах специальный ярлык с гравюрой-экслибрисом. Вот этот способ отметки владельца книги и стал постепенно наиболее удобным и любимым книголюбам, так как не угрожал книге порчей, а наоборот — украшал ее. Совсем не обязательно стало удалять экслибрис прежнего владельца — достаточно наклеить рядом новый знак. В моей библиотеке есть подаренная мне П. Е. Корниловым небольшая книжечка XVIII века на французском языке, на форзаце которой — экслибрис трех столетий.

Интересно проследить превращение обычной надписи на книге в книжный знак. Это можно видеть на примере знака монаха-собираателя библиотеки Соловецкого монастыря Досифея (конец XV века). Знак этот рисовался переписчиком книги в конце записи о том, кто был заказчиком переписки книги. Если учесть, что в те времена человек, заказавший переписку книги, и владелец отождествлялись, а также что последние слова надписи группировались в выразительную виньетку, в которой они обрамлялись большой буквой «С», то из всего этого следует, что знаки Досифея имеют все качества экслибриса, кроме одного — печатного размножения.

На Руси в то время книгопечатания еще не было. Потому и относятся подобные знаки к категории протоэкслибрисов.

После Досифея в течение двух веков обычай экслибриса на Руси как бы прервался. Суперэкслибрис Ивана Грозного — единичное исключение из правила. Лишь в эпоху Петра I, уже несомненно под влиянием укоренившегося в Европе обычая, многие приближенные царя заводят себе экслибрисы.

В начале XVIII века появля-

ются первые печатные гербовые и шрифтовые экслибрисы-ярлыки. Такой ярлык был у сподвижника Петра «чернокнижника» Я. В. Брюса и ряда других исторических личностей.

Вплоть до середины XIX века среди русских книжных знаков преобладали ярлыки и штампы с изображением гербов: Россия была дворянской империей. Часто герб не указывал на конкретного владельца книги, а обозначал принадлежность ее дворянскому роду. На экслибрисе красовался тогда голый герб. Даже когда к гербу художник добавлял инициалы или фамилию владельца, то кроме возможных изображений знаков официальных наград и титулов, иных сведений о конкретном владельце не приводилось. На экслибрисах присутствовали изображения медалей, орденов, орденовских лент, почетного оружия, знаков за беспорочную службу... Кроме этих, чисто внешних для характеристики владельцев примет, знак ни о чем, как правило, не говорил. Личность, внутренний мир, страсти и увлечения человека, его профессия, его иные ассоциации с миром, историей, жизнью не раскрывались в знаках почти никогда.

И лишь на рубеже XIX—XX веков художники, группировавшиеся вокруг журнала «Мир искусства», сначала для самих себя и друзей-художников, а затем и для других книголюбів и просто знакомых стали создавать экслибрисы уже совсем иные. В них нашли отражение, вернее, были поэтически воспеты не только профессия, род деятельности, склонности, увлечения владельца книги, но и глубоко личные, часто интимные чувства, переживания, а также отклики на события общественной, культурной жизни, пожелания и соперничества авторов в связи с мыслями о владельцах библиотек.

Многие из таких экслибрисов делались отнюдь не из утилитарных соображений, а заменяли в какой-то степени графические листы, создаваемые в качестве подношения к определенному событию, то есть представляли собой обстоятельную графику. Примером могут служить некоторые знаки Александра Бенуа и Б. М. Кустодиева.

В экслибрисах мирискусников — к их числу принадлежали К. А. Сомов, А. П. Остроумова-Лебедева, Е. Е. Лансере, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибин, М. В. Добужинский, Г. И. Нарбут, Д. Д. Бушен, — кратких и точных, отразились сложные, прошедшие через творческое воображение и воплощённые в высокоэстетическую форму чувства и мысли их создателей, сложные ассоциации, радость и надежды, грусть и воспоминания, сетования и наблюдения. Словом, эти художники сделали свои экслибрисы арёной большого искусства, несмотря на сравнительно малые размеры графических работ.

Экслибрис сделался на все последующие времена такой формой афористической графики, которую нельзя не отождествить с понятием «малое зеркало личных и общественных судеб».

В своем новом обличе экслибрис состоит из двух отдельных и вместе с тем неразрывно друг с другом связанных частей: текстовой и изобразительной. И если текст более или менее стандартен — «Ex Libris такого-то», «Из книг такого-то», «Книга такого-то», «Библиотека такая-то или такого-то» и т. п. — то в отношении изобразительного мотива никаких ограничений быть в принципе не может. Все дело в том, как выразить те или иные связи владельца с жизнью или определенным ее аспектом. Разумеется, изображение должно быть символом. Символичным может быть и пейзаж, и изображение какого-либо явления природы (например, весенняя гроза в березовой роще на известном экслибрисе для К. Г. Паустовского — гравюре на дереве покойного киевского гравюра К. С. Козловского).

Портретные книжные знаки довольно часты. Многие любят украшать свои эмблемы книговладения образами любимых героев — политических борцов, революционеров, писателей, артистов, художников, ученых...

Большую серию знаков книголюбия образуют экслибрисы, посвященные тематически образу и делам В. И. Ленина и других выдающихся борцов за свободу.

Бывают и экслибрисы с портретами самих владельцев книг. Ино-

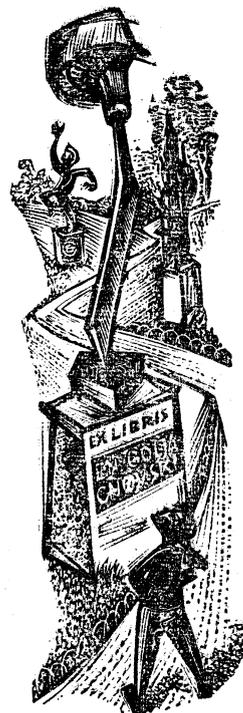
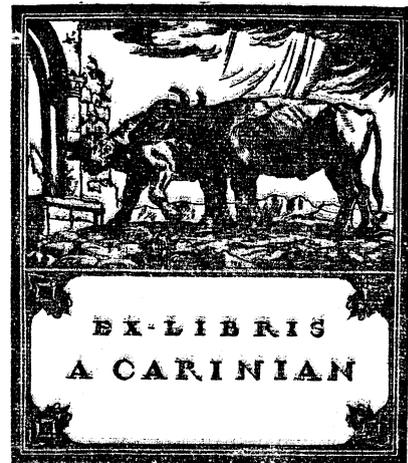
гда экслибрис создается с намеком на то, что он является подарком книголюбу от того или иного художника — в таком случае изображение обычно является как бы графическим афоризмом на тему самого автора, как это имеет место со многими из экслибрисов работы В. А. Фролова — художника-анималиста, украинского гравера С. М. Гебус-Баранецкой.

А на экслибрисе вологодского краеведа и собирателя С. В. Клыпина мы видим портрет его уважаемого и любимого друга Н. П. Дмитриевского, автора самого знака, и такое пожелание заказчика экслибриса кажется логически оправданным и естественным.

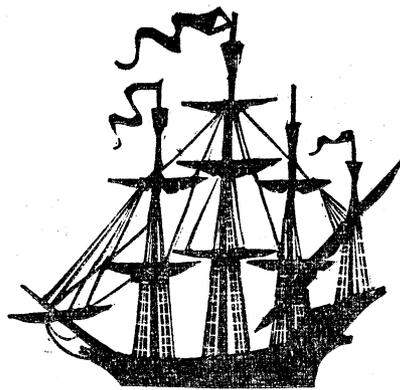
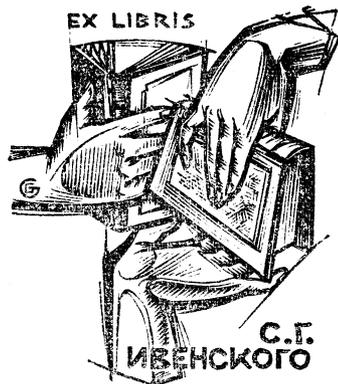
Есть немало знаков с изображением на тему гражданской войны, Великой Отечественной войны, труда и строек нашего народа, научных поисков и покорения космоса. Есть экслибрисы на тему о медицине, педагогике, географии и путешествиях. Немало знаков детских со своей специфической, чаще всего сказочной, веселой, задорной тематикой. Есть знаки сугобо библиофильские — с видами библиотек и углубившихся в чтение книголюбов, с изображением тихих кабинетных занятий. Есть знаки с архитектурными, историческими мотивами, с изображением сельскохозяйственных и производственных процессов, знаки шуточные и пародийные, знаки-ребусы, в которых смысл в большей или меньшей степени понятен не всем, и даже знаки-карикатуры на тех, над кем хотел посмеяться их создатель.

Великое разнообразие новой ипостаси книжного знака — следствие возросшей личной культуры современного книголюбца.

Стоит подумать, почему именно самые выдающиеся графики мира, от Дюрера и Гольбейна до Фаворского и Мазерееля, в своем творчестве не обошли искусство книговладельческой эмблемы. В нашей стране экслибрисы создавали, кроме авторов, о которых мы упоминали выше, А. Кравченко и Н. Пискарев, П. Шиллинговский и Н. Бриммер, В. Конашевич и Д. Митрохин, Л. Хижинский и С. Юдовин, М. Пиков и А. Каплан, Н. Кузьмин и Т. Маврика, М. Поляков и Г. Кравцов, М. Верхоланцев и П. Упитис и мно-

ИЗ КНИГ

ИЗ КНИГ ИГОРЯ РОДИНОВА

гние десятки других лучших графиков.

Мирикусники создали у нас новый, но вряд ли достаточно массовый экслибрис. Подлинно массовым он стал лишь при Советской власти. Именно в 1920-е годы он сделался уже не достоянием избалованной искусством утонченной прослойки интеллигенции, а широкого круга книголюбов, правда, тоже по преимуществу, представителей людей интеллектуального труда. Однако появилось и постоянно росло определенное количество книжных знаков, отмечающих собрания книг трудящихся, рабочих и крестьян. Это само по себе было важным и принципиально новым в истории нашего книжного знака.

В годы Великой Отечественной войны многим стало не до экслибрисов. Тем более трогателен сам факт изготовления в печатной мастерской Академии художеств и тиражирования в типографиях осажденного фашистами города Ленина книжных знаков для тех, кто погиб в блокаду и о чьих библиотеках позаботились их друзья-художники и искусствоведы. Таким мемориальным экслибрисом стал и известный теперь многим рисунок Д. И. Митрохина, размноженный при участии П. Е. Корнилова и расклеенный на книги покойного П. А. Шиллинговского, умершего в блокаду.

Экслибрис в наши дни отмечает не только большое книжное собрание. Любой человек, даже школьник, может иметь собственный знак, ко-

торый очеловечит его книги, пусть и не редкие, но любимые им. Ведь книжный знак — это еще и свидетель любви его владельца к тем книгам, на которые он их клеит. Сила экслибриса — в массовости, в том, что он радуется, воспитывает вкус, приобщает к искусству графики и, конечно, как я уже говорил, — помогает отметить принадлежность книги художественным способом вместо того, чтобы испортить ее грубой надписью.

С.Г. ИВЕНСКИЙ

С.Г. ИВЕНСКИЙ

Оставить след, продолжить память...

См. 2-ю стр. обложки

Еще страничка.

Сегодня охотник все свои выстрелы носит на поясе в патронгаше. А каких-то два с половиной — три века назад сибирский таежный следопыт каждый заряд «сочинял» заново, как отдельное творение. Шомпольное кремневое ружье заряжалось с дула. Вгоняли заряд, потом пыж, а со стороны казенной части насыпался на полок порох. Все это хозяйство — и порох, и дробь, и пыжи — охотник носил с собой по отдельности. Порох в пороховнице, дробь в специальном мешочке — дробовнице, была мерка для заряда и запала... Старинная охотничья оснастка стала теперь этнографической редкостью. И поражает не только своей живописностью, напоминая о временах Фенимора Купера и Дерсу Узала; но и самобытным изяществом — как предмет прикладного искусства. Любовно излажена каждая деталь набора. Дорожил им охотник. Даже пословицу сочинил: «Ружья, жены и собаки на подержанье не дают»...

Что сплело в нашей заметке три разных мотива из прошлого родной культуры? Общая музейная судьба связанных с этим прошлым экспонатов. Вот Спасо-Зашиверская шатровая церковь: модель макет воскрешает облик знаменитого памятника культуры. Рядом — изделия ростовских мастеров финифти, с непоблеклой свежестью и яркостью красок. А вот и оснастка — экипировка сибирского охотника конца XIX века. На сыромятном ремешке весь охотничий набор, тут же и мерочка, вырезанная из кости.

Музеи живут в изящных дворцах и в скромных квартирах, под сводами залов и под открытым небом, есть музеи разнородных экспонатов, и — одной-разведиственной темы. В одних — только кареты. Или только велосипеды. Другой рассказывает об истории кирпича, третий — географической карты, четвертый — о куклах или кораблях. Музей лыж — в Ленинграде, музей трамвая — в Киеве, истории спичек — в Калуге, поморского быта — в городе Кола, «Музей рассеянности» — в Софии и т. д.

1400 музеев — в нашей стране.

А вместе с народными и школьными — свыше 8 000!

К ним прибавился еще один.

Музей «Уральского следопыта».

Он связан с поиском, с открытием, с находками малыми и большими. Все, что в нем представлено, так или иначе явилось на свет на том пути, по которому идут следопыты.

Похож этот музей на прочие и не похож. Создан при журнале, к тому же краеведческом и следопытском. Большинство экспонатов — добровольные подарения краеведов, писателей, журналистов, ученых, рабочих, художников.

Упомнутая выше модель зашиверской шатровой церкви сделана в свободное время свердловским кинорежиссером Б. Скопцом. Целый год по «балочке», по «бревнышку», сверяясь с чертежами, складывал он свое сооружение.

Журналист, книговед, исследователь древнерусских книг Ю. Рязанов принес ростовскую финифть, образцы древних рукописных книг и другие предметы народного быта и духовной культуры: под его экспонаты отвели отдельный стенд.

Охотничью оснастку подарил житель Братска Октябрь Михайлович Леонов — археолог, этнограф, собиратель и хранитель старинных реликвий.

Юрий Михайлович Курочкин — старейший уральский краевед — передал музею фотографии, документы, связанные с историей журнала, книги. Около сорока лет собирал Ю. М. Курочкин — заметку к заметке, справку к справке — своеобразное краеведческое досье событий, связанных с культурной жизнью края. Это уникальное собрание всевозможных сведений из прошлого Урала, современную информацию, где сотни единиц хранения, краевед передал музею, редакционной библиотеке.

Разные экспонаты можно встретить на стендах и в витринах музея.

Полупудовый ботинок водолаза — сувенир от камских речников.

Строители рельсо-балочного стана в Челябинске вручили каску верхолаза.

А вот экспонат, умещающийся

на ладони: это солдатская медаль крымской кампании 1853—1856 гг. — подарок музею поэта Венедикта Станцева. «На ты господи уповахомь да не постыдимся вовьки», — надпись на медали.

Некоторые экспонаты прибывают из журналистских командировок.

Первая тюменская нефть в колбочке... Первые окатыши с Качканарского комбината.

Забавного яркого гуся лапчатого подарили работницы Туринской фабрики игрушек. Изделия из керамики — подарок рабочих и художниц Сысертского керамического завода... На Урале, в Сибири, как и по всей стране, жив народный промысел и ремесло... Со временем в музее может образоваться коллекция образцов народного промысла — и тех, что исчезают (как важно сохранить представление об этих, исчезающих!), и тех, которым суждено жить или возродиться.

Музей, открытый к двадцатилетию журнала, только начинается. Когда-нибудь в нем будут четкие разделы. Но главный уже определен — история становления самого журнала. Считают, что дедушкой «Уральского следопыта» был «Всемирный следопыт», выходивший в двадцатых годах в Москве. Но «Уральский следопыт» издавался в Свердловске уже в 1935 году. На стендах — экземпляры «Всемирного следопыта», почти все номера «Уральского следопыта» за 1935 год, первый номер, вышедший в апреле 1958 года.

Журнал можно уподобить кораблю. Он — в плаванье по волнам прошлого, настоящего и будущего. И на борту — маленькие и большие находки — спутники поиска.

Есть они и на «палубе» «Следопыта», ждут находки и впереди.

О каждой — запись в «Бортовом журнале», что хранится на одной из полок музея.

Д. ЧАСОВ

● Смотров Ленинских комнатов и Ленинских музеев проходит в Ярославской области. Из школы в школу переходит рукописная книга, куда заносятся славы дела пионерии. Победителей смотра ждут поездки по ленинским местам.

● Седьмой слет следопытов, собирающих материалы о жизни Рихарда Зорге, состоялся в школе № 63 Ижевска. 289 делегатов из двадцати семи городов страны приняли участие в работе слета.

● В 64-й киевской школе создан музей Григория Ивановича Петровского. Триста документов рассказывают о деятельности всеукраинского старосты.

● Ученым-астрономом Л. В. Журавлевой открыта малая планета, которой Международный центр по малым планетам присвоил порядковый номер 1959 и название — «Карбышев». Новая планета, названная по имени генерал-лейтенанта инженерных войск, Героя Советского Союза Д. М. Карбышева, совершает одно обращение по около-солнечной орбите за три с половиной года.

● На традиционный все-российский праздник, посвященный В. В. Маяковскому, съехались в этом году в Москву следопыты из 73 краев, областей и автономных республик Российской Федерации.

● Архив в сундуке

Этот сундук переходил из поколения в поколение русского рода Поливановых. Представители его были приметны уже в XIV веке. Многие из этой семьи проявили себя на военном поприще: в сражении при Рымнике, при штурме Измаила, в Отечественной войну 1812 года. Полковник Николай Иванович Поливанов был дружен с М. Ю. Лермонтовым. Известна деятельность другого Поливанова — Льва Ивановича, московского педагога и историка. Много документов связано с семьей Сергея Петровича Поливанова, участника штурма Карса, ушедшего в отставку после ранения и поселившегося в Саратовской губернии. Было у него трое детей: дочери Александра и Екатерина и сын Петр. От бабушки Александры Сергеевны сундук с семейным архивом достался ленинградской переводчице Светлане Семеновне Гавриловой, от нее перешел к Сусанне Николаевне Антоновой, преподавательнице русского языка, затем —

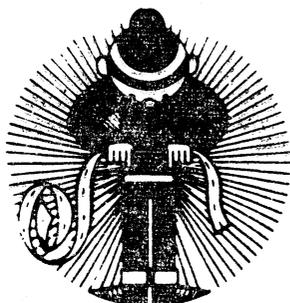
к чете Л. Н. и С. Ф. Гавриловых, тоже педагогов.

Уцелели реликвии, документы, письма, портреты, послужные списки Поливановых, дневниковые записи.

В семье Поливановых очень чтили Лермонтова. В сундуке оказался тщательно переписанный от руки текст «Демона» и издание на французском языке 1860 года, автором перевода была тоже уроженка — Поливанова — Т. П. Аносова. Карандашный рисунок с девизом «Иволга», на котором изображена скала со статуей поэта, держащего лиру — «идея на памятник Лермонтову». Совершенно очевидно, что автор эскиза тоже из рода Поливановых, но кто скрывался под девизом «Иволга»?

В литературном сборнике «Под сводами» 1909 года обнаружены стихи заключенного № 9 Петра Поливанова; сохранились письма родных и письма опального Поливанова — народовольца, революционера, ссыльного, заключенного Шлиссельбургской крепости, проведенного в ней двадцать лет...

Архив Поливановых ждет своих исследователей.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

● Рождение песни

«Дорогой Дмитрий Борисович! Просим Вас сочинить песню о Ларисе Михеенко, имя которой носит наша дружина»,— такое письмо написали Дмитрию Кабалеvскому пионеры хотьковской школы № 5 в Подмосковье.

Лара Михеенко, ленинградская девочка, была расстреляна фашистами в Псковской области в ноябре 1943 года. Война застала ее в этих местах. Сначала Лара действовала самостоятельно — прокачивала шины вражеским велосипедистам, выслеживавшим партизан. Потом попала в партизанскую бригаду. Она была смелой разведчицей. Но однажды в избу, где скрывалась Лара, ворвались враги. Запрятанная в рукаве граната подвела партизанку — не взорвалась...

В школе есть музей Лары Михеенко.

Дмитрий Борисович Кабалеvский выполнил просьбу ребят. Песня, которую он написал, называется «Не только мальчишки». Первыми слушателями ее были хотьковские школьники.

● Галерея в Пархомовке

Крамской, Иванов, Сарьян, Ренуар, Гоген, Серов, Сезанн...

Три тысячи экспонатов и тысяча листов графики в запасниках — все это, как ни трудно представить, передано из личных коллекций в дар школьной художественной галереи села Пархомовка Харьковской области.

Владелец и собиратель этой уникальной коллекции — школьное общество любителей искусства «Радуга». Основал общество и руководит им талантливый педагог Афанасий Федорович Лунев. У школы давние связи с именитыми

художниками, превратившиеся за двадцать пять лет в тесную дружбу. Один из ценнейших экспонатов — слепок скульптурного портрета Нефертити — подарил ребятам их гость, директор Берлинского художественного музея. Профессиональная дружба связывает Пархомовку и с Дрезденской галереей.

Недавно издательство «Созетский художник» выпустило серию открыток с репродукциями картин из собраний крупнейших художественных галерей страны. В этот комплекс включены двенадцать картин Пархомовского музея.

● Первый музей Баратынского

До 1973 года в стране не было отдельного музея поэта Евгения Баратынского. Первый такой музей появился в 34-й школе Казани. Почему именно в Казани? Может быть, потому, что в двадцати километрах от города была усадьба поэта...

Ребята 34-й школы начинали искать даже не экспонаты, а людей, которые могли хоть что-нибудь знать о поэте. Этот поиск связал их без малого с сот-

ней людей: следопыты разыскали девяносто семь потомков поэта!..

Сейчас в школьном музее есть личные вещи Баратынского и две с половиной тысячи документов XVIII — начала XIX веков.

Ребята, которые приобщаются к работе в музее, сначала проходят факультативный курс о жизни и творчестве Баратынского. И только через год их допускают к работе в музее.

● Валентин — Валентина

На южном фронте врангелевцы готовили наступление. Именно в это время по комсомольской путевке прибыл в 51-ю стрелковую дивизию Валентин Невзоров, Комдив В. К. Блюхер назначил Невзорова командиром взвода разведчиков.

Каждую ночь уходили разведчики в тыл к белым. Им удалось пробраться в село Ново-Алексеевку, захватить штабные документы, полковое знамя врага и двух пленных. Пленные сказали, что готовится танковая атака. Всю ночь красноармейцы рыли окопы, ставили заграждения.

На каховском плацдарме наступали двенадцать танков — по тому времени очень большая сила: даже бывалые бойцы сначала дрогнули... И вдруг на броне одного из танков, подошедшего к самым окопам красных, поднялась фигурка — бойцы узнали в смельчаке командира взвода разведчиков. Он занес над смотровой щелью гранату и закричал: «Сдавайтесь, гады!..» Видя, как с поднятыми руками вылезает вверх экипаж, бойцы поняли: можно идти на танки даже с гранатой.

...В Перекопско-Чонгарской операции 51-я дивизия брала штурмом Турецкий вал. В этих боях Невзорова сразила пулеметная очередь. Из кармана окровавленной гимнастерки достали красноармейцы комсомольский билет. В графе «имя, фамилия» было написано: «Валентина Невзорова». Так узнали разведчики, что командиром их была девушка... Валю Невзорову похоронили в деревне Шемилевке в братской могиле.

Кто она, откуда, в какой семье выросла — никто не знает. Известно, что путевка ей была выдана Киевским губкомом КСМУ.

Следопыты, возьмитесь за выяснение ее судьбы!

Облако, золотая полянка

Повесть-
сказка
в письмах

Владимир
СОКОЛОВСКИЙ

Рисунки
А. Банных

Затрудняюсь даже сказать, сколько мы шли. Во всяком случае, начало смеркаться, когда показался впереди небольшой костерок, разложенный посреди поляны. Возле него на чурбачке сидел человек, примерно ровесник Дементьичу. Личико у него было маленькое, сморщенное, носик приплюснутый, на макушке лысинка, поверх простой серой рубахи накинута была брезентовая куртка, какие носят сварщики и нефтяники. Заметив нас, старичок насторожился, встал, но когда Дементьич крикнул: «Здорово, Григорий!» — он успокоился и бочком-бочком, протягивая руку для приветствия, стал приближаться к нам.

— Его-ор! — тонко запел он. — Ну, лешак! Вот

Окончание. Начало см. в № 8.

уж не чаял. Давненько ты здесь не бывал. И дорожку не забыл, поди ж ты! Здорово, здорово!

Мне он осторожно пожал руку, долго вглядываясь; наконец, сказал с сожалением:

— Нет, не узнаю! Глаза подслепые, память худая стала. Чей, Дементыч, мальчонка?

— А нездешний.— Дементыч присел на корточки, закурил.— Квантерант мой. В собесе работает, во — видал?

— О-о! — Мохов снял с себя куртку, положил на бревно и вежливо сказал: — Присаживайтесь.

Сам сел рядом и начал свертывать сигарку. Густой махорочный дым, смешанный с дымом костра, окутал мою голову. Тишина стояла над лесом: пыхал костер, трещали в нем угли, но над всем тем, что находилось вне этой поляны, тишь была прямо-таки мертвая.

Я поднялся и пошел к темнеющим в быстрых сумерках деревьям.

— Далеко не ходи! — слышался сзади голос Григория.— Стреканет какая-нибудь гада...

Старики тихо о чем-то разговаривали. Я смотрел на них и думал: «Почему эти люди, заканчивающие свой земной путь, — у них и дел-то на нем: сигарку выкурить, суп сварить, покалякать между собой о всяких глупостях, вроде погоды, — кажутся мне иногда более значительными, нежели я сам?» И это несмотря на разницу в кругозоре, образовании. Я раньше много сталкивался с пожилыми людьми, но обычно чрезвычайно трудно находил с ними общий язык из-за переполняющей их страсти к поучениям. А Дементыча полюбил. Он ничему не учит — но пребывание рядом с ним оказалось очень полезным именно в жизненном смысле...

— Гено! Генко-о! — донеслось от костра.

Я подошел. Дементыч сидел один, вид имея весьма благодостный и таинственный.

— Сядь, посиди! Гришка в лес убежал, за травой, он ее в любой темноте чувствует. Подождем его, потолкуем. Хорошо в лесу ночью! Меня от его огромности всегда в сон клонит, а уснуть боюсь — унесет в неведомые края.

— В какие еще края?

— Да это так... Мы, когда маленькие еще были, пойдем, бывало, в лес и каждый пень крестим. Только уж потом на него садимся. Потому считалось — не наше это, не людское, а лесное. Свои, значит, владельцы имеются: то ли леший, то ли баба-яга, то ли черт их знает. Сядешь без креста — унесут, и не опомнишься. Сказки, конечно... — он завозился, повздыхал.

— Григорий-то ваш за травкой, говорите, пошел? — спросил я.— Как бы травкой не принес. Какую траву в такой темноте увидишь? И потом, в знаниях его сильно сомневаюсь. Чтобы травы знать, надо иметь фармацевтическое образование. Знахарство есть предрассудок. А кто же он такой, ваш Григорий, как не знахарь?

— Ты-то чего судишь? — забурчал вдруг Дементыч.— Ишь, моду взял — старых людей судить. От горшка два вершка, а туды же!

— Что — неправда, что ли?

— Конечно, неправда. Да ежели бы ты Гришкину жизнь познал! Слезьми бы захлебнулся! Вот как! Век ему теперь за свою доброту горе мыкать.

— Это как же?

— А так, что не всякое добро добром оборачивается. Иное и в зло очень даже может превзойти.

Он прикурил от головешки и продолжил:

— С ним такое дело случилось... Он и в войну, и несколько после в местной охотничьей артели состоял. Белку, зайцев промышлял, на волков тоже они ходили. Но Гришка все больше один — он человек по всей сути лесной. И вот где-то после войны — может, год прошел, может, того меньше — набрел он в тайге на человека: стриженный, обросший, одежишка худая, лицо гнус источил; в общем, ясно — откуда. Сам-то — в чем душа держится: встать не может, только шипит да головой трясет. Кто бы другой — дело ясное: сразу бы властей оповестил и куда надо найденного предоставил. А Гришка по-другому сделал. Отнес его на зимовье и давай отпаивать-откармливать. Что у него тогда в голове заколодило — кто знает... И вот живет этот человек на зимовке, поправляется, шевелюру отращивает, Гришку за его добросердие похваливает. А Гришка и рад, что у него собеседник появился. Разговоры с ним ведет о том о сем. Тот умный оказался: все под Гришкину дудочку поет, подстраивается, чтобы тому приятно было. Прожили они так-то зиму, а по весне Гришка рыбачить на дальнее озеро наладился; в марте это было, примерно. Возвращается обратно в избушку, а квантеранта-то и след простыл. И ружья с жаканами нет. Он по следу-то глянул, ахнул и припустил в райцентр. В город прибежал, идет по улице, а навстречу ему народ валит. Впереди милиционеры его друга-товарища ведут, а сзади, на санях, — двое убитых. Гришка как это дело увидал — чуть замертво не свалился. Однако себя пересилил; приблизился, спрашивает: «Что такое?» Оказывается, квантерант-то его прибежал к нам в город, в магазин леспромхозовский зашел, ружье нацелил — и с двух выстрелов продавца и бабу-покупательницу наповал уложил. Выручку забрал и ушел. Далеко уж его поймали — километров десять успел отойти. Вот какое дело-то неладное получилось, ох-хо... В тот день Гришка от людей и ушел.

— Так и живет один?

— Зачем один? Какая в лесу жизнь одному? Есть рядом две живые души — курица, Марья Голендуха, да петух Питирим. Голендуха-то баба беспокойная, а Питирим от лесной жизни совсем умом рехнулся: днем спит напропалую, а ночью

орет. Чтой-то сегодня не слышать... Вот Гришка-то обратно ломится.

Правда, затрещали где-то сучья, и к костру вышел Мохов. Постоял, набычившись, сказал: «Та-ак...» — и снова нырнул в темноту. Вернулся с котелком, подвесил и, пока грелась вода, долго смешивал, присев на чурбачок, какие-то травы: иные растирал между ладонями, иные бросал в котел целиком. Наконец, вода закипела, от нее пошел душный пар. Плясал огонь, мы сидели вокруг втроем и зачарованно смотрели на беснующуюся в котелке воду. Я вспомнил одну пьесу английского драматурга Вильяма Шекспира, которую читал, когда учился в техникуме и занимался самообразованием. Там три ведьмы в кипящем котле при раскатах грома варят какое-то зелье. Они при этом шепчут заклинания и называют компоненты адекого напитка. По-моему, в него там входят спина змеи, бедро лягушки, драконий гребешок, волчий зуб, нос турка, тигровая трубуха — не помню точно, что еще. А потом они поют все вместе:

Взвейся ввысь, язык огня!
Закапай, варись, стряпня!

У Мохова же выходило неправдоподобно: заклинаний он не кричал, носа турка у него, безусловно, не было, — как будто обыкновенный суп в котелке варился, ей-богу. Я, конечно, не отрицаю возможности воздействия народной медицины на организм и даже знаю случай, когда моя мама-ша лечила лопоту в поясице настоем мухомора и говорила, что помогает. Но помилуйте, Олег Платонович, одно дело подвергать воздействию функцию организма, другое — функцию души, что есть любовь. И я спросил Григория:

— Пациенты на ваши изделия жалоб не предъявляют?

— А я им не магазин, — заворчал Мохов, — жалобы на меня предъявлять. Только скажу, не хвастаясь: премного доволен будешь. Еще благодарить прибежишь. Так тут случай у меня был, — он взвел глаза к небу, — в шестьдесят шестом году, в июне месяце. Прибегает ко мне Риголет. Ты его знаешь ли?

Риголета я знаю немножко. Это маленький горбатый мужичок, живет он недалеко от нас и каждое утро возле нашего дома гоняет корову.

— Так вот: выручай, говорит, меня, Григорий. Последняя ты моя инстанция осталась. «В чем дело?» — спрашиваю. Плачет: «Выручай, дескать, от черной смерти и одиночества — девка у меня в Москву замуж собралась, за киноартиста». Да что же, отвечаю, в добрый путь! Все равно убивается: «Ох, задурила моя Анютка! Ведь у нее парень в армии, письма пишет, и специальность у него неплохая, слесарь по металлу; опять же — что с коровой делать, никак мне доить не дается — никого, кроме нее, не признает. А тут связалась она с этим артистом, довела меня до по-

следней точки». Да как, спрашиваю, у них грех-то получился? «В том-то и дело, что никакого греха не было, — отвечает. — Побежала как-то зимой в кино; воротилась задумчивая. Что, спрашиваю, доча, такое с тобой? Вздыхает: больно артист понравился, который в кино роль колхозного бригадира Василия играл. И все, как не было этого разговора. А вчера подходит ко мне: в Москву, мол, папа, еду, замуж выхожу. Тут, вишь, у них какое дело-то вышло: она возьми да и пошли тому артисту письмо со своей фотокарточкой на киностудию. Через некоторое время получает ответ: в конверте его фотокарточка, да не просто так, а с надписью: «Милой Ане на добрую память». И подпись. Она как это письмо получила, так и взвилась. Да оно и верно, не шутка: «миллой», пишет. Небось весь покой потерял, ночами не спит, коль на такие слова решился. И вот, — говорит Риголет, — я теперь к тебе побежал, а она дома чемодан собирает: завтра утренним самолетом в область, а оттуда в Москву, к жениху. Что хошь теперь делай, а выручай».

Приготовил это я ему узварчик, он и ушел. Через месяц приходит, благодарит: «Все, дескать, в порядке. Подействовало зелье. Спасибо, голубчик». И рассказал, что к чему получилось. Попила она значит, чайку с моим узваром, приезжает в Москву и идет прямо на квартиру к своему суженому. Раньше через киностудию переписка была, а теперь в горсправке адрес узнала, все честь по чести. Звонит. Открывает женщина, симпатичная такая, красивая даже — наверно, сестра или другая родственница. «Вы к кому?» Так, мол, и так, приехала к своему жениху, киноартисту. Тут женщина стала спрашивать подробности, и Анюта обсказала все как есть, показала фотокарточку с надписью. Тогда женщина сказала, что самого жениха дома нет, к сожалению, он теперь на съемках, а потом сразу поедет в театр. Пока Анюта оглядывалась да чемоданишко свой пристраивала — телефон звонит. Женщина трубку подняла, отвечает: тут, мол, к тебе невеста приехала, девушка очень решительная, так что отвертеться на этот раз и не думай. Эти слова Анютке понравились. А еще она, родственница его, сказала, что он как хочет, но лично она уезжает сейчас же на дачу, как человек слабый и нервный. Анюта тоже хотела с ним поговорить, но женщина, когда она пошла к телефону, положила трубку и сказала, что в ближайшее время Федя дома не появится, потому что сейчас же, немедленно должен вылетать на съемки в горы Памира. А когда явится, она не знает: может, через месяц, может, через год. Сама женщина стала собираться и спросила у Анютки, что та думает делать дальше. Ну, у той ответ ясный: мол, лично она обманывать жениха не собирается, а коли надо, будет ждать его не только год, но и два. Женщина тут заплакала — верно, умилилась — и ушла. А Анюта осталась. Оно, вишь,

зелье-то, не сразу действует. Иной раз месяц, а то и больше ждать приходится. Значит, осталась наша любезная одна в квартире на десятом этаже, в городе Москве. Сидела-сидела,— дай, думает, в город выйду, людей посмотрю, себя покажу. Да и галстук какой-нибудь суженому неплохо бы прикупить. К двери-то сунулась — а там запоры чудные, неизвестные, открытию не поддающиеся. Все ногти себе обломала — никак выйти не может. Села и заревела. Есть захотела, Пошла на кухню, нашла там сыру, хлеба да шанежек поела, которые из дому привезла. Ночь настала — спать легла. Да не больно-то уснешь. То из уборной кто-то рыкнет, засвищет, то в умывальной комнате завоет — ой, страсти! На другой день она все запасы поела, на балкон вышла и давай вниз кричать: «Помогите, люди добрые!» А кто услышит, с десятого-то этажа? Голодная спать легла, опять всю ночь глаз не сомкнула. Правда, днем кто-то звонил. Она трубку сняла, говорит: «Алле». А оттуда грубый голос: «Кто у телефона?» Она отвечает: «Анна». Трубку повесили — спутались, верно. На другой день опять звонок. Она снова: «Алле». — «Кто у телефона?» — «Анна». Опять трубку вешают. Некоторое время спустя в дверь звонят. Она подошла, кричит: «Кто там?» Из-за двери спрашивают: «А вы кто?» Отвечает: Анна, мол! «Откройте, Анна!» Не могу, дескать, открыть, замок чудной какой-то... Слышит — замок щелкнул, заходит мужик. Борода, усы, брови густые, очки темные на глазах, в черном плаще, резиновых сапогах — чистый злодей! Анютка сначала испугалась. «Откуда у вас, гражданин, ключ от чужой квартиры?» — «А я,— гудит он густым басом,— есть Федин самый лучший друг. Мы с ним замки вместе покупали, потому и ключи у нас одинаковые. Вот вас, барышня, не знаю. Кто такая будете?» Она ему рассказала все честь по чести. Он спрашивает: «Ну и долго еще здесь жить собираетесь? Не скучно одной-то?» — «Скучно. Но Федю своего буду ждать хоть до окончания жизни». Вздыхает гости, достает карты: «Ну, давайте сыграем, коли вам скучно. В «трынку» умеете? Ничего, я живо обучу. А деньги-то есть?»

Деньги у нее, правда, были маленько. И вот сели они играть. И ведь что бы вы думали? К вечеру всю ее обчистил, до копейки. Обчистил и смеется: «Ну, что? Все равно Федю будете ждать?» Заплакала: «Все равно буду». — «Дело ваше,— говорит,— а то, если хотите, я на обратный билет могу дать». Анютка поотказывалась, поотказывалась, потом взяла — на всякий случай. Ушел мужик. Как дверью за собой хлопнул — она и обомлела. Опять одна осталась. Прокуковала ночь-то, голодная. Только под утро задремала, вдруг слышит — кто-то ходит по квартире. Глаза открыла — стоят двое мужчин, с виду рабочие, один с чемоданчиком, другой с хозяйственной сумкой. В комнату заглянули, где она спа-

ла, спрашивают: «Подсоединяться будем, хозяйка?» А она — что? «Не знаю...» Сердятся: «Как не знаете? Третьего дня ключи нам оставляли? Оставляли. А говорите — не знаете. Будем подсоединять» Пошли на кухню. Возились чего-то, возились, потом кричат: «Хозяйка, поди сюда!» Заходит, а у них одна бутылка уже пустая, а вторая чуть початая стоит. «Мы,— толкуют,— луковницу в холодильнике нашли, так разрешите использовать?» Анюта как увидела, что у них на закуску и сало, и колбаса, и хлеба ржаного полбуханки, так глаз отвести не может. «Нездоровится, что ли, хозяйка? Может, выпьешь с нами?» А что делать? На выпивку хоть и желания нет, но закусить больно хочется. Выпила, значит, поела, смотрит — пошли рабочие. Только она за ними бросилась, раз — опять дверь захлопнули. И так, унеси их лешак, сильно стукнули, что звонок, как окаянный, зазвенел. И звенел он, братцы вы мои, два дня и две ночи не переставая. К исходу пятых суток собрала она чемодан свой, перекинула на соседний балкон, что перегородкой от ихнего отгорожен был, перелезла туда сама, вошла через открытую балконную дверь в чужую квартиру, прошла перед хозяевами, они как раз телевизор смотрели, и исчезла. Благо, наружная дверь не была заперта... А еще через сутки уже и дома была. Вот Риголет радовался! И, веришь, нет,— неделю спустя деньги, что в карты проиграла, по почте пришли! Теперь у той Анюты уже трое ребят, а артиста и не вспоминает. Вот. А ты говоришь — зелье не помогает! Разве ж такая настырная девка убежала бы от жениха, хоть тут десять звонков звени?! Нет, братец ты мой, тут узварчик, что ни говори, первую роль сыграл.

Дым от костра постепенно растворялся в светлеющем небе. Вот и новый день настал, думал я. Утром на работу, а я не выспался. Мохов суетился, снимая котелок. Потом поставил его на пень, поклонился на четыре стороны света и воскликнул, выбросив ручки в сторону восхода:

— Стану-пойду не из избы дверями, не с крыльца воротами, в чисто поле, в широкое раздолье. Пойду я не под синее облако, не под красное солнце, не под светел месяц, не под частые звезды, а пойду я в запад-западную сторону. В запад-западной сторонке есть-стоит крутая гора, на той крутой горе стоит проклятое дерево, горькая осина. Отпускаю я возле нее скорби и болезни, тоску-тоскушу, сухоту-сухотушу, по семидесяти семи ветрам, по семидесяти семи вихрям: буйные ветры, буйные вихри, внесите эту тоску-тоскушу, сухоту-сухотушу в молодницу Валентину — в ретивое сердце, в легкие, в печень, в сладкий мозг, в сладкую кость, в ясные очи, в черные брови, в русые кудри. Затосковала бы молодница Валентина, ни дня, ни ночи не знала бы, ни часу, ни минуты не миновала бы, в еде не заедала бы, в питье не запивала бы, в гульбе не загуливала бы, в уме не задумывала бы, венником

не спаривала бы, водой не смывала бы, лекарством не отлечивала бы, цветным платьем не одевала, золотом-серебром не отсыпала. Как маленький ребенок о соске плачет, так бы и обо мне, молодце Геннадии, молодца Валентина плакала и рыдала; как белый лебедь клыкчет, так бы и обо мне, молодце Геннадии, молодца Валентина клыкта-ла. Как рыба-белуга не может без воды жить, так бы и без меня, молодца Геннадия, молодца Валентина не могла ни жить, ни быть!

Голос его, такой хилый вначале, теперь рокотал и срывался. Страх и очарование проникли в мою душу. Слова ударялись в сердце и набатным звоном разносились по всему миру.

— ...Я — дышать, ты — по мне вздыхать. Я — поминать, ты — по мне тосковать. Ни днем ни ночью покоя не знать. Мой — вздох, твой — ох. Так бы и было, как сказано, крепко-накрепко завязано. Будьте, мои слова, крепки и лепки, крепче камня, лепче булата; как булат-камень в воде не тонет и в огне не горит, так и мои слова на огне бы не горели, в воде не тонули. Словам моим замок, замок-приговор, а ключ в море, на самой глубине...

Мохов замолчал, постоял немного, затем повернулся ко мне и, хлопнув по плечу, сказал:

— Ну вот! А ты говоришь — не полюбит. Разве можно?

Я кивнул, как замороженный: да, полюбит, конечно!

Вдруг неистовый петушиный вопль взвился над поляной. Хриплый, дикий и бесконечно печальный. Дементьич переглянулся с Моховым и неодобрительно покачал головой.

— Блажит... — сказал тот. — Это еще ничего. А то этта днем на насест забрался и орал до тех пор, пока без памяти не упал. Ладно, Голендуха прибежала, позвала меня, а то и окочурился бы. Кровь у него, видать, спекается от лесных пространств.

— На похлебку его определи,— предложил Дементьич.— А Машке твоей я другого мужика найду.

— Ладно, чего об этом толковать зазря...

Двоем они стали осторожно сливать варево в наш бидон. Хозяин сунул его мне: «На, неси!»

Мы попрощались с Моховым и, провожаемые дурным воплем Питирима, отправились домой. Уходя с полянки, я оглянулся на то место, где провел ночь: догорал костер, стоял маленький одинокий человек и тоскливо глядел нам вслед. Как умрет он? Похоронят ли его люди вместе со своими родными? Или лес спрячет у себя того, которого хранил и судил столько лет?..

Мы с Дементьичем шли молча, тихо. Тропочка была тяжелая: приходилось перескакивать с кочки на кочку, шагать через корни деревьев, через поваленные стволы; но бережно нес я бидончик с непонятной жидкостью. Только пролезая через забор, отделяющий городскую черту от поско-

тины, зацепился за верхнюю жердочку и вместе с бидоном покатился в траву. Подошел хозяин, с сожалением покачал головой:

— Пролил все ж таки. И зачем ты это сделал, глупая твоя голова? Ведь нарочно, признавайся, ну?!

Я ничего не ответил старику, отвел глаза. Дементьич покряхтел, погоревал, но — может быть, мне показалось? — в голосе его слышалось одобрение.

Что же напишу я Вам, Олег Платонович, по этому поводу? Я и сам до сих пор не могу понять: случайно ли скользнула моя нога с жердочки? Или тяжкий проступок старого человека, за который он сам не может простить себя, был тому виной? А может быть, душа моя пришла к выводу, что нельзя препоручать такое тонкое чувство, как любовь, неизвестным науке инородным силам?

Товарищ Тюричок, мой уважаемый начальник, по-прежнему очень добр и старается выказать свое расположение; так, например, позавчера он посетил наше совместное с Егором Дементьичем жилище. Тщательно осмотрел дом, заглянул в хозяйский флигелек и очень расстроился, увидев пустые бутылки. Побывал в огороде, в бане и даже зачем-то слазил на чердак, где его чуть не хватил удар, когда он увидел новенькую комнатную антенну с развешанной между ее рогов для просушки рыбой. Затем обследовал мою комнату, долго сидел там, интересовался, часто ли я пишу домой, просмотрел все книги, которые читаю, и сделал замечание, что мало видит книг по специальности, что вообще нужно уже всерьез подумать о том, как упорядочить свое личное время. Я согласился, но сказал, что, к сожалению, в моей жизни существуют факторы, препятствующие этому: то баня поет, то водяные к себе тащат... Товарищ Тюричок после этих слов очень разволновался и стал кричать, что не хочет даже и слышать подобной дикости, а мне за нее должно быть стыдно. И если я не прекращу своего нынешнего поведения, то он вынужден будет вынести его — то есть поведение — на общественность. Затем он начал выговаривать хозяину за то, что изба его находится в антисанитарном состоянии, везде на полу какое-то сено, и это еще вопрос, можно ли допустить пребывание подобных Дементьичу личностей под одной крышей с представителями молодого поколения. Дементьич слушал, озадаченно хмыкал и топтал по избе. Когда же начальник мой, устав от бестолковости нашей жизни, собрался уходить и уже вышел на кухню, я заметил, как пальцы правой руки старика дрогнули,— в то же время сорвавшаяся с корчаги массивная крышка сама по себе приподнялась и мягко шлепнула товарища Тюричка сзади пониже пояса. Он вскрикнул и метнулся в сени; я выскочил за ним, но лишь увидел, как Аким Павлович быстрым шагом заворачивает за угол.

Расстроенный, я вернулся в избу и стал пенять хозяину за его необдуманные действия. Но старик и сам перепугался: охал, ахал, сокрушался, что его теперь лишат пенсии, так что пришлось его успокоить, ибо лишит пенсии за такие дела не имеют права. На следующий день мне несколько раз по вопросам службы пришлось встречаться с товарищем Тюрриком, но он ничем не намекнул на описанный мною инцидент. Однако по тому, как таинственно мерцали и увлажнялись его глаза при взгляде на меня, я понял, что он что-то затаил.

И пора уже заканчивать это письмо, любезный мой друг. И так получилось оно слишком длинным. А писал я его подряд два вечера, потому что хозяин мой безудержно впал в рыбалку — и мне никто не мешал.

**За сим прощайте,
будьте здоровы и счастливы.
Ваш ТЮРИКОВ.**

Письмо четвертое

Любезный друг!

Ах, как хорошо в моем положении иметь столь сердечного и внимательного собеседника! Письма Ваши читаю с наслаждением, все советы принимаю к сведению или к неуклонному исполнению — кроме, пожалуй, одного. Вы пишете, чтобы я критически относился к окружающим меня явлениям — как естественным, так и неестественным. Я сначала так и делал, но ничего из этого ровным счетом не получилось: явления как происходили, так и продолжают происходить, своим чередом. Видно, критическим отношением здесь дела не поправишь, нужны какие-то иные меры, но какие — я не знаю.

Ваша мысль, что следует, может быть, обратиться к истории городка — с тем, чтобы в ней попытаться отыскать объяснение происходящим явлениям, — мне показалась интересной, и я приступил к расспросам жителей и поискам документов. Пока нельзя предполагать, что я добился выдающихся результатов, если не считать притащенных в ответ на мою просьбу Дементьевичем нескольких ветхих рукописных листочков, которые он изъясил у какой-то бабки. На мой вопрос, что это такое, он хмыкнул и ответил:

— Я больше знаю. Их раньше много было, да Мокеевны дочка ягоды в них на продажу заворачивала... Вот, что осталось — гляди...

Судя по содержанию, передо мной оказался обрывок городской летописи — даже не знаю, каким временем его датировать, надо бы посоветоваться со специалистом. Далее цитирую дословно, со всеми особенностями текста:

«...како облизяны.

И был за таковы слова и речи оный Лукашка

взят добрыми людьми на ярмонке и представлен пред светлые очи воеводы, смиренно-мудрого и кроткого Агафангела. И спросил оный муж: почто ты, змий Лукашка, смущаеши люд непотребно и недостойно? Каковы таковы чудеса мог узреть ты в пьяном и суетливом своем облике? Да лесоты ведь царев да богов, дурак! В нем нечисти, дьявольского отродья с сотворения веков не бывало. Ах ты, окаянной Лукашка, Куроедов сын!

На таковы кроткие слова Лукашка лаялся дерзко, что ты-де своей куделькой не треси, мы тебя и не такова знам. Что ему-де, Лукашке, в лесу николи не блазило, а коль было видение, так вот тебе, гаденку, крест святой! И снова, вор, стал кerkать, как третьеводни пошел в лес драть лыко на лапти и на Гадовой поляне, подле Варварки Голохвостихи покоса... (далее несколько слов размыто — невозможно ничего разобрать).

...како облизяны.

После таковых непотребных оного Лукашки речей о богопротивных его видениях смиренно-мудрой и кроткой Агафангел повелел присудить оного к нещадному правезу и кнутобойству, дабы он, Лукашка, отрекся от слов своих в пользу матери православной церкви. Но, бив заперт в старой чулан, ночью порушил стенку, яко тать, выбежал из города, и в темных лесах потерялся смрадной след ево...»

Однако сколько я ни вдумывался в написанное, никаких капитальных выводов, как выражается автор рукописи, не «узрел». Понял только, что случай, произошедший с угнетенным крестьянином Куроедовым, наглядно иллюстрирует суть тогдашних общественных отношений. Что же касается света, проливаемого данным историческим источником на современную действительность, то свет этот тускл и неясен. Что еще предпринять для познания тайны здешних мест — представления не имею. Пока же приходится мириться с окружающей обстановкой. И поверьте, Олег Платонович, — она не столь уже невыносима. Может быть, непривычна — так вернее будет сказано. Но, прожив здесь изрядное время, целых четыре недели, я все более и более убеждаюсь, что и к ней можно привыкнуть. Так, меня уж не бросает в холодный пот при скрипе бани (в город опять завезли портвейн), или когда хозяин, вдруг схватившись за поясницу, бежит на улицу отгонять поросенка, роющего угол. А на днях приходил знакомец, о котором писал как-то ранее (я встретил его на озере, помните?). Я спросил его, как здоровье тетеньки Вахрамеевны, — спросил для того, чтобы узнать, что же тогда произошло со мной. Он ответил, что тетенька поживает неплохо, чего и мне желает. На вопрос же насчет удочек он только хмыкнул, развел руками и ушел во флигель к хозяину, пить портвейн. Они долготам сидели, пели песни.

Вот такую, например:

Раздувашенька, дуда-дуда,
Ой ты, барыня, гуляй-гуляй!
Отдадим сына во грамоту учить,
Будет по-швецки, по-немецки говорить.
Балалаечку за поясом носить.
Довело меня гулянье до конца,
Отдадим сына в солдаты от себя...

И еще:

Ваньку Хренова забрели,
Всей деревней заревели.

Баня кряхтела. Угомонились где-то за полночь. Я заглянул во флигель — они лежали на старых звериных шкурах друг подле друга; лица их были строги и торжественны, как и тогда, когда они пели песни. Водяной чмокал и прижимал к груди круглое полешко. Утром он поднялся раньше хозяина. Выскочил из ограды, боязливо оглядываясь, нет ли поблизости Андрюхи, которого он почему-то панически боится, подбежал к колодцу, попрыгал, хлопая ладошками по бокам, — и вдруг, ухватившись за веревку, исчез в срубе. Дальнейшего я не видел — ушел на работу. Вот такие суровые будни.

Теперь поведаю о главном событии, которым живу вот уже на протяжении целой недели. Мог ли я предполагать, что когда-нибудь буду так счастлив; а впрочем, началось все с того, что в прошлый четверг, когда я зашел в буфет столовой купить конфет младшему сынишке Олимпиады Васильевны (ему в тот день исполнилось четыре годика), ко мне вдруг подошла Валя — помни-те, с раздачи? — и сказала шутливо:

— Здравствуйте, товарищ Гена.

— Здравствуйте, товарищ Валя, — ответил я ей так же шутливо, но в то же время и вежливо.

— Какие мужчины непостоянные, — вздохнула она, — чистая с ними беда...

— В чем дело? — спросил я, так как подумал, что ее кто-то обидел.

— Что вы сразу нахохлились? — она дотронулась рукой до моего плеча и улыбнулась. — Жду, жду, когда вы меня на танцы снова пригласите...

Я растерялся и что-то забормотал. Но она сразу ушла. После работы я побежал в столовую, долго стоял у дверей, чтобы успокоиться, а затем, подойдя к Вале, спросил, в какие дни недели в здешнем клубе бывают танцы.

Она ответила, что по пятницам, субботам и воскресеньям, но не в клубе, а на танцплощадке, возле реки, под радиолу и самодельный духовой оркестр.

— Завтра пятница, так надо бы сходить, — со значением произнес я.

— Ну, приходите. Только найдете ли площадку-то, ведь вы не местный.

— А я пойду на музыку — так и выйду.

— Дело ваше. Лучше подождите, пока работа закончу, тогда покажу.

Я кивнул и на дрожащих ногах направился к выходу. Подошел к бочке с квасом, выпил стакан и стал ждать. «В чем же дело? — думал я. —

Счастливая ли звезда взошла над моей головой, или прав я был в своем убеждении, что все-таки достоин настоящего чувства?» До сих пор не знаю... В обозначенный на вывеске час окончания работы столовой Валентина вышла из ее дверей и приблизилась ко мне. И мы пошли с ней, как мечтались, по тихим улицам, под пыльными липами — вниз, к реке. Из одноэтажных уютных приземистых домиков, из палисадников, их окружавших, пахло едой, зеленью, доносились голоса и музыка. Где-то над обрывом в кудрявых рябинах играла гармошка, грустно и сладостно, и два голоса, мужской и женский, старательно выводили:

Колосилась в поле рожь густая
Где-то за деревней далеко...

И дальше — про тракториста Колю, сожженного кулаками, когда он ехал в город за бензином. Под конец песни голоса заметно осели:

И не ждет его больше подруга,
Девушка из дальнего села,—
Полоса несжатая стояла,
Колю-тракториста все ждала...

Песня кончилась. Мы стояли над рекой. Берег у нее высокий, в одном месте под обрывом широкий галечный плес. На нем стоит громоздкое дощатое сооружение — огороженное, но без крыши: это и есть танцплощадка. Мы спустились вниз по широкой лестнице с перилами, зашли на пустую танцплощадку и, подойдя к ее краю, стали смотреть на реку.

— Красиво у вас, — сказал я.

— Ага. Ты не говори. Смотри...

Мы так и не вели никаких серьезных разговоров в тот вечер, но когда я, проведив Валу, возвращался домой, сердце мое пело и ликовало.

Дементыч стал было ругать меня за то, что опоздал к ужину, потом всмотрелся и произнес:

— Однако ты ушел, погляжу я...

— Ну да, ушел! — весело откликнулся я.

— Значит, преодолел? — взвизгнул старик. — Нравность ее преодолел? Ну, обрадовал! Это хорошо, а то зачем же свою юность занапрасно терзать? — и погрозил: — Смотри, и думать не смей, чтобы поматросил и бросил, и так дальше. Восчувствия не только в себе, но и в других уважать надо. Ай не расскажешь старику?

— Почему не рассказать? — и я поведал ему, что зовут ее Валентина, девушка она самостоятельная, работает в столовой на раздаче, тоже с людьми, как и я, дело имеет. Закончила девять классов, но собирается продолжать образование. Больше ничего про нее пока сказать не могу, так как мы только-только перешли на «ты», я проводил ее до дому, где она живет, кажется, с матерью и бабушкой.

— Где живет? — спросил дед.

Я, как мог, объяснил расположение дома.

— Не Максимихи ли Пахомовны внука? — оживился дед.

Я ответил, что может быть, но точно не знаю. Дементыч помолчал, вздохнул:

— Ладно, если так... Ты, парень, в этом случае наискраснейшим человеком можешь стать, если ей бабкино наследство в самом аккурате досталось.

Пришлось возразить, что это все глупости и никаких наследств не признаю.

— Это верно, Генушко. Главное, чтобы человек был хороший.

Я согласился, но сказал, что об этом говорить еще рано: вдруг я ей разонравлюсь?

Назавтра была пятница. После работы я зашел домой, погладил брюки, почистил туфли и сразу же отправился на танцы. Пришел я туда рано, не было еще восьми. Не звучали оркестр и радиола, было пусто вокруг. Только несколько парней группами прохаживались около танцплощадки. Ко мне подошли двое и спросили: «Третьим будешь?» Я ответил, что третьим я не буду, так как спиртных напитков принципиально не употребляю и им не советую, ибо они разрушающе действуют на организм.

Они обиделись, сказали: «Ну и отвали»,— и ушли. Через некоторое время, когда уже начал собираться народ, эта пара подошла ко мне со словами: «Пойдем, поговорим». Я ответил, что поговорил бы с ними с удовольствием, но в данный момент не располагаю временем, потому что жду девушку. Тогда они снова сказали: «Пойдем, поговорим», и я двинулся было за ними, но в это время показалась Валя. Она оттащила одного из парней от меня за рубашку, другого оттолкнула так, что он чуть не упал, и сказала ему: «Опять напился, Витька,— фу, противный...» Взяла меня под руку, и мы двинулись к «пяточку». Витька, тот самый, которого она обругала, крикнул вслед: «Эй ты, летающая тарелка!»

— Грамотный народ,— сказал я Вале.— Наукой интересуется. Тарелки еще летающие какие-то знают...

— Да, они такие,— усмехнулась она,— много знают, да мало понимают.

В это время заиграли вальс, я пригласил Валентину, и мы закружились в танце. Вообще танцевать я, Олег Платонович, люблю, но современную танцевальную музыку не очень уважаю. Особое пристрастие питаю я к таким танцам, как вальс, танго, фокстрот, бостон и кекуок, которым учила меня мамаша. Но, к сожалению, музыка для этих танцев звучала на «пяточке» очень редко, поэтому большую часть времени мы с Валей стояли в стороне от прыгающей под дикие ритмы толпы и беседовали. Я ей высказал, в частности, ту же мысль, что высказывал некогда Вам, Олег Платонович, а именно — что так же, как в литературе, в музыке уважаю классику, ибо только в ней могу обнаружить мелодии, способные

вдохновить человека на красивый рисунок танца. В особенности же мне близки такие композиторы, как великий Петр Ильич Чайковский и Модест (забыл отчество) Мусоргский, написавший одно из любимых моих произведений «Ночь на Лысой горе». Валя ответила, что Петра Ильича Чайковского она тоже уважает, а «Ночь на Лысой горе» ей слышать не приходилось, но она завтра же напишет письмо в область, на радио, чтобы это произведение исполнили в концерте по заявкам.

Так мы целый вечер наслаждались обществом друг друга, танцевали и беседовали, и я пришел к выводу, что Валя является девушкой не только симпатичной, но и высококравственной, и, что самое главное, ее взгляды на жизнь полностью совпадают с моими.

После танцев я пошел ее провожать, было очень темно, но я не думал о том, как буду добираться домой,— до того мне было хорошо. Одна только мысль мучила меня: уместно ли будет поцеловать Валю на прощание? Не будет ли это неучтиво по отношению к Вале? Так я переживал до самого ее дома, хотя и не переставал поддерживать задушевный разговор. Когда она сказала: «Ну, до свиданья, Гена»,— я все-таки решился, обхватил ладонями ее голову, притянул к себе и поцеловал в щеку. Она не обиделась, но сказала укоризненно, что делать этого совсем не следовало, так как мы слишком мало знакомы, чтобы позволить себе такие близкие отношения. На первый случай она меня прощает, потому что я человек приезжий и могу не знать здешних порядков.

К сему с приветом
Г. Ф.

Письмо пятое

Любезнейший, преданнейший мой друг!

Огромный привет Вам от меня и моего хозяина. Он узнал о нашей переписке, долго расспрашивал о Вас, и, видимо, по моим рассказам Вы ему очень понравились. Особенно то, что Вы большую часть жизни провели в лесу, возле природы. Он вообще к таким людям относится очень уважительно.

Но и я понемногу, кажется, приобретаю его уважение, хотя бы тем, с какими достойными людьми вожу дружбу. Он тут засушил для Вас окуньков и хочет выслать — говорит, что очень хорошо к пиву. Но я его отговариваю, ибо считаю, что это пища слишком острая, а от пива полнеют. Я в последнее время вижусь с ним, к сожалению, не очень много, поэтому активного воздействия на его образ жизни оказать не могу. Посудите сами, рабочий день — до шести часов, потом гуляю с Валентиной: ходим в кино, на танцы, посещаем иные культурные мероприятия.

Прихожу вечером поздно и сразу ложусь спать. Поэтому не исключена возможность, что Вы как-нибудь все-таки получите от него упомянутый подарок в плетеном коробе,— их тут еще называют «пестерями».

Внешне вроде бы все идет благополучно,— и одноко, Олег Платонович, непонятную тревогу чувствую я в последнее время. Часто почему-то вспоминаю Мохова. Однажды утром, за завтраком, я спросил Егора Дементьича:

— Как вы думаете, зачем было Мохову такое наказание себе выбирать?

Он pokrивился, ответил нехотя:

— Да не тронь его, говорил уже тебе! Откуда ты знаешь, что он это себе в наказание придумал? А может, в удовольствие? Гришка-то — человек! Поди-ко узнай, что у него на душе лежит. Это твой начальник все знает, ты лучше у него спроси. Как он, этта, пришел к нам и все по полочкам разложил: это туда — это сюда. Ты-то, вроде, еще сгодиться можешь, если в добрые руки — в евонные, значит! — попадешь, а меня, старого хрыча, давно пора куда-нибудь подальше, чтобы кому голову не морочил, белый свет не мутил... Ну, да сам смотри, у кого жизни учиться: у Гришки или у начальника своего. Как от того, так и от другого — навсегда наука! Тебе жить-то...

Тревога моя от этих слов не только не исчезла, но еще более усугубилась,— хотя и нет, кажется, для того никаких причин. Может быть, осуждающие слова Дементьича в адрес Акима Павловича тому виной? При всем своем уважении к Дементьичу не могу полностью с ним согласиться: ведь в поступках товарища Тюричка тоже есть свои резоны.

Сам он относится ко мне хорошо и внимательно, как и раньше: входит в мои нужды. Так, однажды, встретив меня в коридоре, спросил, не перейду ли я все-таки на жительство в общежитие леспромхоза — если да, то он сейчас же договорится насчет койкоместа. Но я категорически отказался, чем вызвал у него заметное неудовольствие. В работу я вникаю и все, что мне поручат, делаю старательно. И вот результат: недавно поручили составлять одну из глав квартального отчета. Это очень ответственная работа, сравнимая разве что с подведением баланса, и я думаю, что справился с нею весьма удовлетворительно.

Да, чуть не забыл. Недавно поднял пенсионные бумаги Лыкова Егора Дементьича, моего хозяина, и, сопоставив их с представленными гражданином Лыковым документами, а также произведя некоторые вычисления на арифмометре, обнаружил, что ему действительно следует осуществить перерасчет пенсии с надбавкой 1 руб. 09 коп. в месяц, о чем и уведомил упомянутого Лыкова Е. Д., вызвав его для этого в райсовет специальным письмом. Войдя в кабинет, он по-

смотрел на меня с нескрываемым уважением, а когда я, сообщив ему результаты вычисления, встал из-за стола, поздравил и крепко пожал руку, он почему-то рывкнул громогласно: «Служу трудовому народу!»

Вечером, когда я вернулся с работы, Дементьич сидел на лавочке и тихо что-то пел, глядя на вечерний туман, павший в луга. Увидав меня, он прослезился: «Ох, Генко, Генко!.. Да ведь ты золотой! Ведь ты и знать не знаешь, что я тебе за твою золотую душу открою! Уж так, так уважил...»

Ночью он разбудил меня. Я глянул на часы — было без четверти два. Хозяин держал керосиновую лампу,— огонек в ней трепетал, и избу наполняло невыносимое керосиновое зловоние. «Чего, чего?» — спросонья бормотал я. Он помянул меня за собой.

Мы вышли на крыльцо. Дед спустился вниз и пошел по траве туда, где виднелась фигура Андрюхи, а я, дрожа от холода, присел на ступеньку. Старик вернулся, взял меня за руку и сказал: «Пойдем».

Я ответил отрицательно и попытался объяснить, что, во-первых, мне кажется странным его поведение, а во-вторых, завтра на работу, и надо выспаться. Но хозяин схватил меня за плечо и зашептал:

— Не глупи, Гено! На всю жизнь красоты узнаешь. Главное — суть, суть надо понять. Рази ж я тебя туда допустил бы, ежели бы ты мне на сердце не пал? Ехай, ехай... — он начал подталкивать меня к Андрюхе.

— Удобно ли так? — спросил я, намекая на то, что находился в одних трусах.

— Да Хухре-то, матушке, какая разница! — махнул рукой Дементьич. — Ты садись на меринка-то, давай подсажу...

Услыхав, какое путешествие мне предстоит, я все-таки прежде сбегал в дом, где снял с гвоздика висевший в моей каморке небольшой магнитофон, подаренный мне мамашей в день выпуска из техникума. Разве мог я оставить не запечатленным средствами современной техники этот долгожданный момент! Должна же моя любимая оценить вместе со мной необыкновенное пение.

Но на душе все-таки было беспокойно, и, выйдя из дома, я сказал Дементьичу, что не знаю, куда ехать, к тому же и управлять лошадью не умею, да и потом — какой из Андрея конь, ему в обед сто лет будет, вот-вот сам свалится.

— А ты погляди, погляди... — проговорил старик. — Только сторожись на болоте-то, смотри, а то шляется там некоторый народец...

Мерин, слышав нас, ударил в землю копытом, фыркнул и заржал. С трудом вскарабкался я на острый его круп и обхватил шею.

— Теперь езжай! — весело взвизгнул Дементьич. — Андрюха, пошел, ну!

И мы с Андреем мирно затряхали по пыльной тропке. После нескольких шагов я лег на шею коня, чтобы не свалиться, и задремал, а когда сознание вернулось — то ли во сне, то ли наяву, — мы были уже в лугах.

Они начинались сразу за делянками — это была как бы граница. За картофельными кустиками и низенькой чахлой травкой вдруг взметывались высокие густые валы, в которых неминуемо должны были мы завязнуть. Но Андрей лишь слегка касался лугового покрова: распротершись, он несся над ним все быстрее и быстрее. Куда девалась дряхлость мерина, острые его лопатки, седая, полувывлезшая грива? Круп его налился; профиль морды, когда он оборачивался, был тверд и резок. Нетерпение охватило меня. Конь давно перешел на галоп, и я сидел на нем, не опасаясь свалиться, — лишь слегка держался за гриву. Воздух рвался и полыхал сзади. Мы миновали первую гряду лугов, вторую, — скакали уже долго, и давно должны были бы кончиться эти луга, потому что дальше начинался лес, но они все не кончались, и мы скакали, скакали, скакали...

Рядом и впереди нас стали мелькать какие-то тени; они пронеслись вперед или отставали, но было еще темно, и я не мог угадать их очертаний. Наконец Андрей перешел на шаг — возможным стало оглядеться. В огромной, распластанной между далеких, чуть угадывающихся

лесов долине, в густой траве ее происходила неведомая жизнь: подымались над травой спины животных и их морды; раздавались крики, шипение и писк. Стаи птиц кружили над нашими головами, пересекали дрожащий лунный диск и исчезали в зыбком пространстве. Я глянул в сторону и увидел трусящего чуть впереди медведя — он бежал, смешно вскидывая зад. Он тоже подрывался, и рывканье это, вплетаясь в остальные звуки, разносилось вместе с ними в сереющем воздухе. Что за страх, Олег Платонович, родился во мне тогда? — совсем, совсем не ужас: было в нем и нечто сладкое! Помню, такой же страх возник, когда я впервые летел на самолете... Нет, не подумайте, лететь было совсем не страшно; страшно было вот что: самолет вез меня небольшой, я сидел напротив дверцы, стоило встать и приоткрыть ее — и не было бы на земле человека счастливее меня; я ринулся бы один в пустое пространство, испытывая полет. Но чем бы я за это заплатился!.. Так же и тут. Рядом находилась жизнь, одно упоминание о которой холодит душу своей непознанностью и скрытыми слепыми силами. Конечно, ученые много работают в области познания биологической сущности, но существует ли черта, отделяющая явления познаваемые от тех, которые никогда не будут познаны? Да тем даже прекрасней они, что — тайна! Я думаю, что подчинение стихийного сознания зверя человеческим потребностям дело не только неосуше-

ствимое, но и опасное. Я это ощутил, потому что стоило мне спрыгнуть с коня, и я был бы разорван, уничтожен. Но такая деталь: звери двигались по своим, как бы четко определенным для каждого путям, и пути эти были очерчены той сферой жизни, которую нес в себе каждый из них, поэтому только изредка рев становился свирепым, и кровь падала на траву. Андрей, видимо, хорошо знал свою дорогу, он умело избегал опасности, которою наполнено было пространство, — и я без особого беспокойства за наши жизни мог вбираться в себя фантастические картины бушевавшего вокруг мира. Бежавший по поляне медведь вдруг остановился и потерял задом о выступающий из земли сухой пенек; тотчас с него соскользнуло длинное узорное тело и, обвившись вокруг задней лапы зверя, прильнуло одним концом к серой пятке. Зверь охнул, бросился бежать, но через несколько шагов ткнулся мордой в траву, будто уснул. Я ударил пятками в бок коня — он тревожно фыркнул, ускорил шаг и, настигнув отползшую от медведя змею, с силой ударил по ней передним копытом. Хрустнула раздробленная голова, взвилось тело — и исчезло позади нас.

Тем временем быстро светало. Я снова задремал, ухватившись за шею коня, а очнулся от мягкого толчка — что-то ударило меня в бок. Открыл глаза и увидел, что лежу на вытопанной животными тропочке, чуть поодаль стоит Андрей и, хрустя, жует траву. Встав на ноги, я огляделся. Сзади, за лугами, виден был городок, крыши его домов и огороды. Луга блестели, лоснились от росы, и не такими уж нескончаемыми казались они теперь. И зверей не было видно в траве. «Приснилось, что ли? — подумал я. — Но лес-то, который я видел в полете, вот же он — рядом с нами!» Я подошел к Андрею, погладил шелковистую шею и побрел по тропочке впереди него. Ну и видок у меня был, я представляю: в дедовых сапогах, в плавках, с магнитофоном, висющим на шее. Не поздоровилось бы мне, если бы увидела меня в этот момент мамаша! Ведь она требовала в одежде скромности и элегантности. Скромность явно была, а вот насчет элегантности — сильно сомневаюсь...

Мы вошли в лес и долго брели то чащей, то кустарником, то тихими лесными полянами, покуда не вышли к краю большого болота. Осока и камыш окружали его, они росли на островках, высывались из зеленой, покрытой ряской воды. Тропочка исчезла. Андрей обогнал меня и пошел впереди. Скрипели деревья, булькала и пучилась вода, кричала кукушка в глубине леса. Сонно и глухо было в этом мире. Я присел на полусгнившее бревнышко и опустил голову на колени, прислушиваясь к вновь забродившей во мне тревоге. Андрей, чавкая водой под копытами, скрылся в кустарнике. «Зачем я здесь? — пришло вдруг мне в голову. — Что я здесь оставил? Чу-

жой, один... Спал бы спокойно дома, а то завтра на работу, а я опять не высплюсь. И какое мне дело до жабы? Добро бы, действительно, что-нибудь, а то — жаба». Но хоть и думал так, все равно сознавал, что не уйти мне с этого места, — удержит сила, которая привела сюда. Я съежился на бревнышке и затах в ожидании. Сидел долго и уже весь продрог, как вдруг...

Все началось с немыслимого, грохотом обрушившегося на меня гвалта — ни одного голоса нельзя было разобрать в нем. Птицы, снова появившиеся вверху, лягушки, насекомые — вся окрестная живность исходила криком. Внезапно возникнув, он внезапно и оборвался. А на месте его возник тоненький, нежнейшей чистоты звук. «Хухря!» — замер я.

Если рассудить здраво, ничего особенного в этом голосе, наверное, не было. Колокольчики можно и в городе послушать, а потом — бывают в природе и более сладкоголосые существа. Канарейки, например, или соловьи. Но мне тогда было не до этих рассуждений. Запело и заплакало мое сердце от этого нехитрого звука. И если бы пела Хухря здесь всю мою жизнь, — всю жизнь так и просидел бы на этом бревнышке. И не надо было бы ни пить, ни есть.

Я настроил магнитофон и включил его. Колокольчик то возносился все выше и выше, то замедлялся, и тогда я думал: вот-вот зашевелиятся камыш и осока, и выползет из них безобразная Хухря с обломком стрелы во рту. Только я-то не Иван-царевич...

Кто-то прошлепал к бревнышку и, шумно дыша, уселся рядом. Я поглядел: это был старый знакомец водяной. В лад с переливами колокольчика у него дрожали плечи, раздувался толстый, похожий на сливу нос. Да и в нем самом вдруг отчетливо проявилось что-то жабье — старая такая, сморщенная жаба. Он заметил, что я обратил на него внимание, и воскликнул, будто опомнясь:

— О! Тебя и сюды занесло! Привет, привет!

— Не занесло, а сам пришел, — обиделся я. — Выдумаете тоже — занесло!

— Сам, значит, пришел, — голосок у него стал елеинный. — И за какими же делами, интересно?

Чтобы завоевать расположение старого водяного, я стал объяснять ему, что хочу познать тайны природы, так как очень ее люблю.

— Это правильно, — важно сказал он. — Люби, люби. — Он вскочил с бревешка и, приставив ладонь к глазам, долго смотрел в сторону кустарника, где скрылся Андрюха. «Некоторый народец», — вспомнил я слова Дементьича. Смысл этих слов надо было понимать так, что «некоторого народца» следует опасаться, да и, насколько Вы помните, у меня были на это основания.

Однако водяной никакой враждебности ко мне не проявил. Наоборот, он, раскинув руки и сладко улыбаясь, пошел ко мне, что-то мурлыча

и нападая. Но стоило чуть утратить бдительность, как он моментально оказался сзади и вскочил мне на спину, крепко обхватив руками мою шею и сжав ногами бока.

— Ух ты! Ух ты! — завопил он. — А чего это мы крутимся-то, а! Верещим-то чего? Ан я сам природа и есть! Люби давай! Пошел, но! Да не туда-а!

И снова, как тогда на озере, какая-то сила потянула меня к болоту. Я даже крикнуть не мог, только захрипел что-то и упал на четвереньки вместе с водяным. Но он оседлал меня сверху и закричал:

— Давай, давай. Уж там наслушаешься! Машину притащил, шпион! Ты погоди-и! Но! Но!

Я снова упал, на этот раз набок, лицо мое провалилось в тину, и только край глаза на мгновение выхватил вдруг заполнившую все небо губастую морду коня с огромным карим зрачком.

Почувствовав свободу, я поднялся, шатаюсь. Вдали по осоке улепетывал от Андрюхи водяной. Бежал он ходко, рубаха пузырилась на спине, ругался на бегу, но как-то неуверенно, словно боялся, что Андрюха его все-таки догонит. Дождавшись мерина, я вскарабкался на него, и мы поплелись домой. С одной стороны, я находился под сильнейшим впечатлением от испытанных мною потрясений, с другой — переживал, что могу опоздать на работу. Еще думал о том, что не зря тревожно было у меня на душе, когда я двинулся в это путешествие. Теперь вроде бы все позади, а тревога осталась, не исчезла. Почему бы это? И что я сделал этому «некоторому народцу», почему он так невзлюбил меня? Ведь сам-то я не испытываю к нему неприязни и хочу всем только добра!

Так мы двигались и двигались, не ощущая ни пройденного пути, ни времени, пока знакомый голос не окликнул: «Э! Робяты! Ступайте давайте сюды!..» Я поднял голову и обнаружил, что подъезжаю к мостику через речку, а на мостике сидит мой хозяин и удит рыбу. Он участливо закутал меня в свою фуфайку и пешком отправил домой.

Когда я уже отошел немного по тропочке, он крикнул вдогонку: «Ну, как тебе? Поглянулось, нет?» Я остановился и кивнул. Ответить не хотелось из-за навалившейся вдруг страшной усталости, но потом собрался с силами и сказал, что эту поездку я, наверно, запомню навсегда. Он радостно покивал. К разговору про Хухрю я не был готов — слишком сильно еще было впечатление, произведенное ею, а говорить о водяном почему-то не мог.

Вечером я, отправляясь на свидание с Валею, захватил с собой магнитофон. Мы сели на скамейку перед ее домом, и я включил его, затаенно улыбаясь в ожидании впечатления. Но там только что-то шипело и щелкало. Или намочка пленка в росной траве, или механизм повредился во вре-

мя моей схватки с проклятым водяным, — я чуть не заплакал от отчаянья, что сорвалась моя попытка приобщить Валу к сделанному мной открытию. Я даже не решился ей сказать, что там было записано, так как по выражению моего лица и голоса она бы поняла, как много потеряла и как мне невыразимо жаль ее.

Настоящим уведомляю также, что леску за номером третьим, о которой Вы просили, удалось достать в здешнем культмаге через Олимпиаду Васильевну, и надеюсь, что Вы ее получите в самом ближайшем времени.

**В чем остаюсь с искренним своим уважением
ТЮТИКОВ Геннадий Филиппович.**

Письмо шестое

Здравствуйте, уважаемый и преданный мой друг, Олег Платонович!

Тысячу раз извиняюсь и прошу прощения за столь долгое молчание. Еще тысячу, еще миллион раз; только сегодня, получив Ваше письмо с вопросом, почему не отвечаю, понял, сколь дорого мне Ваше расположение и как нехорошо я поступил, испытывая его. Были, были причины — Вам одному поведаю их. Сажу над бумагой и вспоминаю, а сердце то взмывает высоко, то покачивается вниз под горку, как камень. Кстати, и моя болезнь явилась одной из причин молчания. Болел я долго, неистово, кричал в бреду; старик сидел у моей постели сутками — теперь сам слег. Врач дала мне бюллетень, записав: «фолликулярная ангина», но я-то знаю, что дело тут не в простуде, совсем не в ней... Приведу удивительно подходящий к этому случаю отрывок из письма горячо любимого мною классика русской литературы Николая Васильевича Гоголя: «Теперь я пишу к Вам, потому что здоров, благодаря чудной силе бога, воскресившего меня от болезни, от которой, признаюсь, я не думал уже встать. Много чудного совершилось в моих мыслях и жизни!» Бог тут, конечно, ни при чем. А насчет чудного — судите сами. Да судите вместе с тем, заодно уж, легко ли дается оно человеку!

Валя познакомила меня со своей бабушкой, крепкой старушкой с ясными глазами, на которую она удивительно похожа, и с матерью, мастером маслосамодела; иногда вечерами я пил у них чай с молоком или вареньем. И тревога, потихоньку начавшая было овладевать мною, совсем исчезла из сердца, — ведь все шло так прекрасно! Только бабушка иногда, слушая меня, щурилась и грустно качала головой.

Однажды солнечным днем в конце августа я пришел к Валиному дому. Скучно было сидеть в выходной в своей камерке, а от рыбалки, как Дементьич ни уговаривал, я отказался.

Постучал в дверь — никто не ответил, не открыл. Спустился с крыльца, постоял в раздумье и даже вздрогнул, когда услышал ее голос:

— Иди сюда, Гена!

Голос доносился из огорода. Я поглядел туда и увидел ее. Она стояла, опершись на плетень; круглое лицо ее улыбалось, ветер распушил длинные волосы; ягоды рябины, нанизанные на нитку, словно бусы, раздавились там, где она касалась изгороди, и белое ситцевое платице с васильками запачкалось соком.

— Горох убираем, — сказала она. — Помогай, если хочешь.

— Не слушай ее, Гена, — слышался бабкин голос, — отдыхай, успеешь наробиться-то.

— Если хотите, я могу помочь...

— Ладно, не надо, — Валя махнула рукой. — Сами управимся.

— Пойдем, Валюша, в кино, — предложил я. — Французский фильм «Парад» с участием популярного комика Жака Тати. У меня Дементыч вчера на него ходил. Я спросил: понравилось ли? Он думал, думал, потом так разволновался — даже суп не доел!.. Пойдем, Валюша!

— Интере-есный он у тебя... — протянула она. Оттолкнувшись от изгороди, крикнула: — Мама, я пошла!

— Ну, Валентина, ну, хулиганка, — заворчала мать, — все бы ты бегала, прыгала! И не побудешь с нами. Гляди, как хорошо сегодня — работал бы и работал...

— Не шуми, — сказала бабка. — Ты, Геничка, не обращай внимания — это она ревнует. Идите, ребята, гуляйте... — она подмигнула мне.

Валя выбежала из огорода и, повязав мне шею кудрявым стеблем гороха, коснулась моих щек испачканными руками.

— Не надо, не надо... — слабо сказал я.

Она заглянула мне в глаза, рассмеялась и убежала в дом.

Солнечные зайчики скакали по траве, лежала у моих ног порвавшаяся нитка рябиновых бус, пахло старой тучной травой и сухим, выгорающим на последнем солнце деревом; синеглазая бабка, размахивая ворохом гороха, что-то кричала мне из огорода. «Неужели, — думал я, — неужели еще каких-нибудь два месяца назад я мог всерьез предполагать, что существует какая-то другая жизнь? Не знаю, как для кого, а мне никакой больше не надо...»

По дороге из кино мы заглянули в городской сад. Сели там на лавочку, и я сказал то, что уже давно собирался сказать:

— Я люблю тебя, Валя.

— Что ты, Гена, ей-богу... Так, сразу... — она тихо засмеялась, отсела на конец скамейки и, посмотрев в небо, спросила:

— Видишь облако?

— Что мне до облака? Я тебя люблю, говорю! Впрочем, облако вижу.

— Хочешь, я по нему босиком пройду?

— Как... босиком? По облаку-то? Это почему еще? — растерялся я.

— А я люблю по ним утрами бегать. Солнышко взойдет, сверху их осветит — они прямо полянки золотые. И ноги после них как в просе.

— Люблю тебя, Валя, — снова сказал я. — А человеку не дано по облакам бегать. Это против физических законов тяготения.

— Мне-то что до них? — Валя закинула голову, обхватив ее сзади сплетенными руками. — Я вот летаю, например. Сладко-то как! Я тебя тоже люблю, Гена.

— Правда, что ли? Ах, Валя, любимая, и мне бы сейчас полететь куда-нибудь!

— Хочешь, научу? — она повернулась, прижалась ко мне. — Хочешь?

— Ты специально меня разыгрываешь? — тихо спросил я. — Обманываешь, да?

Она поджала губы и ответила:

— Ну, вот что, Гена. Отношения теперь между нами серьезные, может быть, и жизнь вместе жить, так знай: я никогда не вру. Я, правда, Гена, летать умею.

И знаете, Олег Платонович, — я не удивился. Даже обрадовался, скорей. В самом деле, что же это такое: живу где-то на отшибе, и куда ни посмотрю — всюду какая-нибудь выдающаяся особенность, но сам я к этому делу никоим образом не причастен. А тут, подумать только, — любимая девушка, можно сказать, невеста, обладающая столь удивительным качеством! И как прекрасна должна быть жизнь с подобным чудесным существом!

— Полети! Ну, полети! — попросил я.

— Нет, не надо сейчас. Потом как-нибудь, — она вдруг погрузилась, опустила голову.

— Что с тобой?

— Забоялась. Вдруг ты меня разлюбишь?

— Вот уж чепуха! — страстно сказал я. — Ведь что такое полет? Это сердце летит в небо, это танец его, воздушное легкое кружение. Душой исполненный полет, как выразился великий поэт.

— Это у меня от бабушки, — промолвила Валя. — Она в молодости тоже любила летать. В крови, видно, у нас. И мама умела, пока меня не родила. Ты, правда, меня после этого не разлюбишь?

— Какой может быть разговор? — возмущение захлестнуло меня. — Да я после этого каждым прикосновением к тебе гордиться буду! А меня научишь?

— Посмотрим! — она засмеялась, встала. — Пошли!

И мы поцеловались.

— Скажи, пожалуйста, — попросил я ее, — почему у вас городок такой интересный? За каждой травкой можно какое-нибудь чудо встретить. Очевидное — невероятное, так сказать.

Валя стала серьезной, лицо ее обрело значи-

тельность, и, так же, как Дементьич, вскинув вверх палец, она вдумчиво произнесла:

— Природа!

И теперь я, кажется, начал понимать мудрость Ваших слов о том, что не следует искать какой-то магнитной жилы, специальных объяснений происходящему необъяснимому; оно всегда рядом, стоит взглянуться. Да только в том-то и дело, что не выглядываемся. Меня вот, можно сказать, случай с этим столкнул. А жил бы дома, даже и в голову не пришло бы предположить что-либо необычное,— и только потому, что дома был определенный круг забот, в котором я вращался, и выглянуть из него было бы трудно чрезвычайно. Да и не только трудно, но и нелепо — как для себя, так и для других. Наверное, и у нас там есть что-нибудь подобное, но ведь мы люди светлые, а скрытое в глубине не терпит таких. Все же теперь твердо знаю: оно вечно, как вечна природа, как вечно в человеке любопытство к познанию ее. И никаких тут не надо искать магнитных жил, ибо это — везде...

В тот день я еле доплелся до дому от избытка переполнявших меня чувств и прямо с порога объявил хозяйину, что мы с Валей, наконец, объяснились. Он обрадовался, засуетился и сразу побежал куда-то собирать корчаги с чугунами под брагу и наливку. Также он заявил мне, что завтра же надо отправиться к Максимихе Пахомовне свататься и договариваться, и спросил, не буду ли я против, если он прихватит с собой для компании водяного? Я ответил, что это мероприятие очень серьезное, а водяного как человека я знаю мало, да и, сказать по совести, не очень-то ему доверяю: вдруг ему там еще раз вздумается на мне покататься? В каком я виде тогда предстану перед невестой и будущими родственниками? Нет, здесь нужен человек солидный, внушающий безусловное доверие, и я рекомендовал Дементьичу кандидатуру Олимпиады Васильевны. В тот же вечер написал мамаше обстоятельное письмо о том, что встретил хорошую девушку и мы намерены соединить наши судьбы.

Пока я писал письмо, Дементьич затопил баню. Напрасно я отговаривал его, уверяя, что мыться на ночь глядя — безумие, потому что утром будешь чувствовать слабость. Он не понимал меня, удивлялся: «Как это, перед таким делом — да не помыться? Ой, Генко, Генко, неладно ты толкуешь. Ужо помою, помою...»

Надо сказать, что за все время нашего жития дед баню не топил, а ходил вместе со мной в городскую. Мне было даже интересно, на что способна эта развалюха, кроме своих музыкальных упражнений. Это сомнение я высказал Дементьичу. Старик пососал ус и показал мне корявый большой палец: «Во так! В лучшем виде!» — и опять убежал, зазвенел цепью у колодца.

Уже в сумерках мы с Дементьичем, вооружен-

ные новыми вениками и мочалками, вступили в баню.

Горячий, знобящий пар ее проникал даже в предбанник; здесь же, в предбаннике, на полу лежало специально разложенное дедом свежее сено. В углу сложены были пустые пчелиные соты, и мягкий, какой-то чайный запах воска и меда окутал голову. Этот запах, только смешанный с пробирающим до костей зноем, исходил и из недр самой бани,— она как бы млела в ожидании, когда зайдут в нее, наконец, люди и обретет изначальный смысл само ее существование. И ничтожным показалось мне в этот момент чудесное ее баловство. Дементьич редко пользовался услугами своей бани, и дерево скучало по ласковой душе хозяина, как раньше скучало оно по убитому на войне брату его. Может быть, одиночество и побуждало баню искать других путей общения с ними?

Старик счастливо заготовил и полез на полоч. В густых клубах белело его изуродованное, ломанное медведем тело. Мы долго мылись, охали и вопили, когда терли друг друга жесткими мочалками, задыхались и скатывались, потеряв силу после битья березовыми вениками, на лавку возле двери, там совали головы в кадку с холодной водой и благостно затихали.

В один из таких светлых промежутков Дементьич сказал мне:

— Давай, давай, вникай потихоньку. Мне-то уж недолго... Все тебе отпишу — владей тогда.

— Ну что уж вы? — обиделся я. — Недолго, недолго... Вроде не болеете ничем... чего недолго-то? И ничего мне не надо. Человек должен все заработать своим трудом.

— Да разве в них, в доме да в бане и в ином барахле дело? Все твое будет. Все! Мне много успеть тебе показать надо. Да слово кой-какое сказать. Я тебя, голуба-душа, сердцем чую. Значит, не ошибся, не-ет...

— Спасибо вам, Егор Дементьич. Я тоже так вас люблю, верите ли...

Сладкий медовый, березовый пар туго бился в стены замкнутого пространства, выходил между бревнами наружу, и с улицы казалось, наверное, что баня дышала. Я прижался спиной к старому закопченному дереву, раскинул руки. Кровь билась в виски густо и устало. Огонь в каменке тоже густел, опадал.

— Отойди от стенки-то,— послышался голос Дементьича.— Вон, весь в саже испачкался, дай-ко смую.

— Голова чего-то тяжелая,— сказал я, опускаюсь на лавку.

— А ступай в предбанник! Я там тебе и знакомство устрою, чтобы не скучно было.

Он отворил дверь, и я вышел в предбанник. Старик просунулся вслед:

— Эй, насекомый! Да я не тебе, Гено. Есть тут... Яшка, эй!

Дверь захлопнулась, и тотчас я увидел летящего с потолка на тонкой паутинке большого мохнатого паука. Он остановился на уровне моих глаз и замер.

— Это ты, что ли, Яшка-то? — моя ладонь вознеслась к нему, и он медленно опустился на нее. Смело взбежал на кончик пальца и уселся, поворачиваясь из стороны в сторону.

— Ма-аленький ты... — другой рукой я хотел погладить паука, но он сразу съезжился и убежал с ладони вниз, к локтю.

— Не бойся ты, дурачок, — голос мой обрел вдруг стариковы интонации, и я почувствовал, как в пятке у меня легонько закололо. Я поднес Яшку к тускло горевшей в предбаннике лампочке и увидел, что одна из ножек на конце своем побелела и усохла. И стала мне понятной и боль в пятке, и смутные разговоры Дементьича насчет наследства, которое он собирается мне «отказать».

Я присел на корточки и замер тихо, словно боясь кого-то спугнуть.

Задул ветер возле бани, выметая медовый запах, скрылся паук в свое гнездо, и думалось мне: вот придет день...

И он пришел. Вернее, вечер, когда мы втроем отправились свататься. Дементьич по этому поводу приоделся: надел нарядную «визитку». «Визитками» в этих местностях называют пиджаки, кителя, даже кофты; в данном случае это был выдавший виды темно-синий двубортный пиджак в полоску. Хотя о нашем приходе я заранее предупредил Валу, в доме, когда мы появились, поднялась суматоха. Наконец, все три женщины, бабка, мать Валентины и она сама, принаряженные и раскрасневшиеся, сели перед нами. Дементьич потоптался и заурчал:

— У вас, значитца так, товар, а у нас, значитца так, купец. Вот что хошь теперь, значитца так, то и делай! — и толкнул Олимпиаду Васильевну. Она постояла, постояла и вдруг тоненько заголосила:

Не было ветру, не было ветру,
Да вдруг наваяло, вдруг наваяло,
Не было гостей, не было гостей,
Да вдруг наехали, вдруг наехали...
Полна ограда, полна ограда, —

грянули вслед мать с бабкой, —

Золотых карет, золотых карет...

Дементьич притопывал и мычал под нос: видно было, что слов он не знал.

Я взял табуретку, подошел к Вале и сел перед ней. Она положила мне руки на плечи и поцеловала в губы.

— Эх, не по обряду! — крикнул старик, вытащил из бездонных галифе бутылку портвейна и поставил на стол.

После этого на нас с Валей уже не обращали внимания. Сели за стол, стали пить чай и вино, говорить про жизнь. Бабушка принесла из чулана

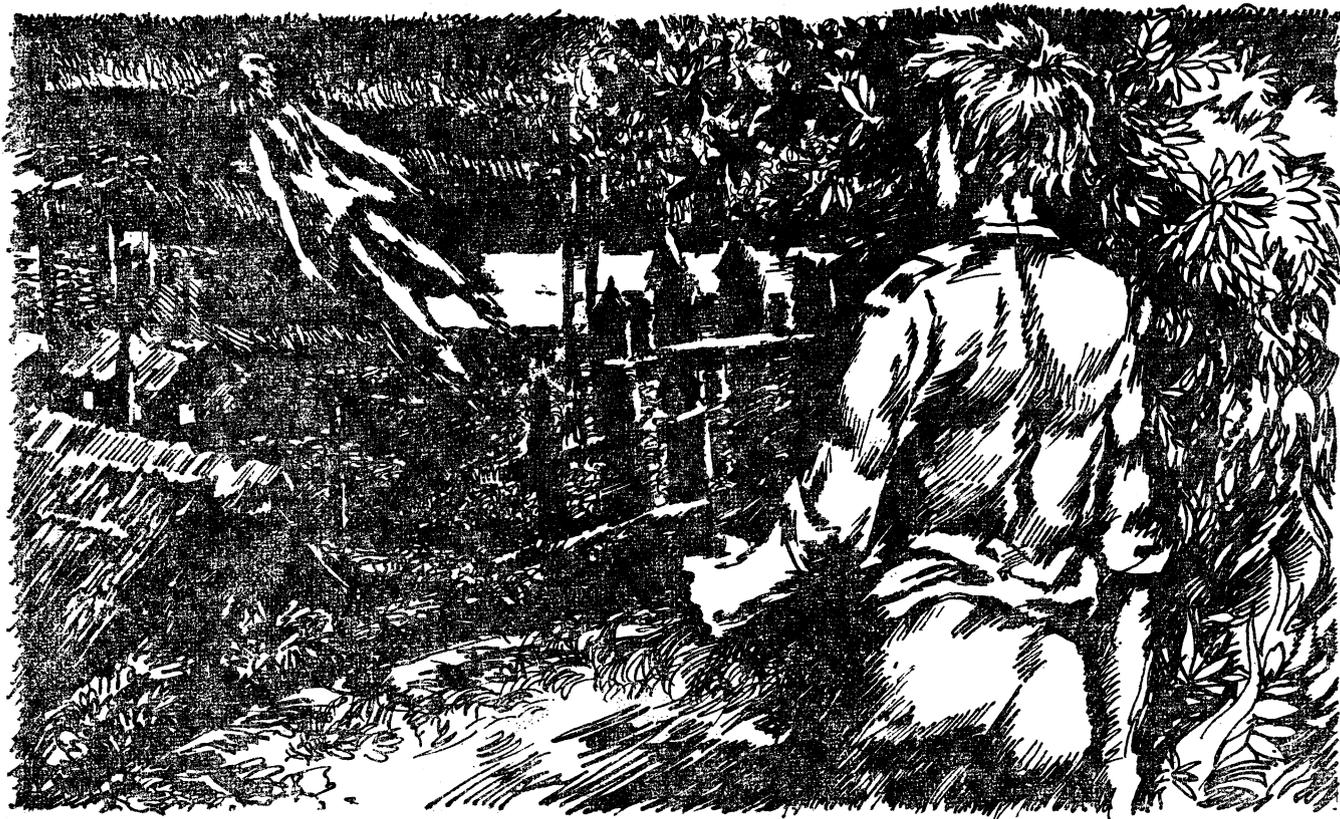
балалайку и, сев посреди горницы и положив ногу на ногу, поигрывала, а Дементьич, ухая и стуча начищенными по случаю сватовства сапогами, скакал вокруг нее. Иногда он что-то молодецки выкрикивал и начинал кружиться еще быстрее, оперев руки в бока или размахивая ими.

Мы вышли в сад. Луна светила уже, и звезды показались на небе. Слабый ветерок доносился от них. «Ну, лети!» — крикнул я.

Надо Вам сказать, Олег Платонович, что я целые сутки так и не сомкнул глаз в ожидании этого момента. Все представлял свою невесту летящей, плывущей к легкому месяцу. Иногда и себя я видел рядом — руки наши переплетались, взмываясь вверх, воздух свистел в волосах, и холодные его струи падали мимо нас на залитую светом землю. И вот теперь состояние мое было нетерпеливо-восторженным, — но тревога, тревога пряталась вокруг нас: поздним ли кузнечиком поскрипывала в траве, дальним ли криком долетала из леса?

— Лети! — сказал я. — Лети!

Она умоляюще поглядела на меня, выпустила мою руку — и поднялась в воздух. Платье ее взвилось колоколом и ударило меня по лицу. Я поднял голову — и волосы мои встали дыбом. Как объяснить охвативший вдруг меня ужас перед явлением, которое только что готов был с восторгом принять? В сущности, ничего страшного не происходило — просто она летела. Но в эту сизую ночь полнолуния, под хриплое пение и грохот сапог старика Дементьича, доносящиеся из избы, я не увидел ни легкого танца эльфа, ни свободного полета птицы, ни даже парения космонавта, освобожденного от законов тяготения; нелепо вздрагивающее человеческое тело тяжелыми изгибами и толчками поднималось вверх, руки беспомощно плескались по бокам... Мучительное усилие судорогой изломало губы, взгляд был туп и мерцающ. «Некоторый народец», — снова припомнилось мне. Дикая грая птичьей стаи обрушился с невидимых облаков. И пронизала, и пригнула меня к земле догадка, что глупостью и бредом были мысли о возможности тихой совместной жизни с существом, непохожим на других. Нет, лучше не встречаться человеку поздним вечером или глубокой ночью с тем, что не в силах объяснить он себе, и самое непереносимое — это когда таинственное, непонятное обнажается воочию в том, кто стал тебе уже родным. Пока это непосредственно не касалось меня, — водяной, Хухрино пение, чудачества хозяина, — я готов был принять даже и то, чего не понимал. Теперь же... Может быть, остановись я тогда, пережди какое-то мгновение — и я действительно, как сказал Дементьич, стал бы счастливейшим из смертных. Но, видимо, взгляд мой на протекающую рядом жизнь не был достаточно широк для того, чтобы приблизиться к окружающей нас великой тайне природы; и ведь знаю,

что есть, есть люди, способные к этому подвигу,— может быть, и Вы из их числа, Олег Платонович, а я... я бежал — бежал глупо, спотыкаясь, оставив любимую свою в темноте, одну...

Я был уже дома и переживал происшедшее, лежа в кровати, когда вернулся хозяин. Он зажег на кухне лампу и подошел ко мне. Я прикрыл глаза, притворяясь спящим, но видел, как он горестно покачивал головой, вглядываясь в мое лицо; затем, горбясь, ушел к себе. Вскоре я уснул.

Утром пришел на работу, и первыми словами, которые услышал от Олимпиады Васильевны, были:

— Ты куда вчера девался? Заболел, что ли?

— Да... приболел немножко,— солгал я.

— А-а! А я думала, поссорились. Валюшка-то сама не своя домой пришла, лица на ней не было. Мимо нас прошмыгнула к себе в комнатушку; тут бабка с матерью забежали, смотрим — что-то неладно. Ну и сами стали собираться. Говори давай правду: поссорились?

Я не ответил и сам спросил:

— Скажите, Олимпиада Васильевна, ее мать с бабкой были замужем?

— Не знаю, не скажу,— солидно ответила она.— Это надо по анкетной части где-нибудь узнать. Как, поди, не были: откуда-то ведь появилась? Да, бабкино-то пенсионное дело я помню.

Был, был у нее муж, здешний печник, Степаныч Максимов. Я его и сама знала. Зачем это тебе?

— Так... интересно.

— Ну и правильно. Про родственников невесты знать полагается. Так, поссорились, что ли? Я пожал плечами:

— Нет, так просто. Пойду, пожалуй, дойду до них.

— Верно, верно! — зачастила Олимпиада Васильевна.— Ступай, помирись, да и бабку с матерью утешь, а то они, поди, сами не свои.

Я вышел из собеса и пошел к Валиному дому. Постучал. Вышла бабка. Глаза у нее были красные, запухшие, губы сурово сжаты.

— Чего тебе, молодец? — сухо спросила она.

— Валю, пожалуйста, позовите.

— Нету нашей Вали. Уехала. Побежала утром к завстоловой, взяла отпуск без содержания и уехала.

— Куда?

— А не велела говорить. Никогда, мол, больше сюда не вернусь. Она и заявление на расчет у заведующей подписала, просила мать документы выслать...

Бабка прислонилась к столбику крыльца, заплакала. Потом обернулась ко мне и сказала:

— А ты, молодец, не ходи сюда боле. Нечего тебе здесь делать. Ступай, ступай...

И ноги понесли меня обратно в центр. Придя

на работу, я сел за свой стол, как провалился куда-то, и очнулся лежащим на полу, а Олимпиада Васильевна брызгала водой мне в лицо. Суетились сотрудники, товарищ Тюричок названивал из нашего кабинета по телефону в больницу.

Болел я дома, целых две недели. Вчера первый день вышел на работу. Все по-старому, будто ничего не произошло. Но, когда шел я обратно домой, по дороге завернул на плес, на танцплощадку, где встречался с милой Валентиной. Так же играла над обрывом гармошка, облетали листья с рябин, и я думал, облокотясь на перила «пяточка»: «Где ты, любимая моя? Где ты — облако, золотая полянка?»

С приветом ТЮТИКОВ.

Письмо седьмое

Здравствуйте, уважаемый Олег Платонович!

Пишу глубоким октябрьским вечером. Долгими стали наши разлуки: все реже и реже пишем друг другу. То ли житейские суеты закрутили нас, то ли охладели отношения, как неизбежно это бывает, когда люди давно не видят друг друга.

За письма Ваши спасибо. Настоящим уведомляю тоже, что в жизни моей произошли значительные перемены. Но начну по порядку. Порядок тут условный, конечно, так как любое из случившегося можно поставить и на первое, и на второе, и на третье место.

Во-первых, заболел мой хозяин, Егор Дементьич. Лежит в больнице: что-то с сердцем. Я к нему хожу примерно раз в неделю — не оставлять же старика! — ношу ему передачи, то, другое. Но он неразговорчив, угрюм, смотрит все в окно и отвечает невпопад. Такие-то дела с хозяином. Впрочем, с бывшим хозяином, так как —

— во-вторых, я получил жилплощадь. Стараниями товарища Тюричка райисполком выделил мне как молодому специалисту комнату площадью 16 м² в двухэтажном доме. Дом с удобствами, есть холодная вода и канализация, отопление пока печное, и нет горячей воды, но обещают со временем построить котельную. Товарищ завсобесом, Аким Павлович, договорился в леспромхозе, и мне каждый год будут выделять машину дров. На новоселье были все сослуживцы во главе с заведующим. Я постоянно открываю все новые и новые грани незаурядной природы этого человека: ведь он не только все время выводит наше учреждение в число передовых по району, но и обладает массой других талантов. Как он, например, исполнял на новоселье русские народные песни, какие произносил шуточные тосты! А забота о подчиненных — взять хотя бы меня... И такого мнения о нем буквально все ок-

ружающие. В особенный же восторг от знакомства с ним пришла моя мамаша, потому что —

— в-третьих, она приехала. Поводом для ее приезда явились, в основном, две причины: письмо товарища Тюричка, в котором он выражал беспокойство по поводу моей личной неустроенности и некоторых иных обстоятельств, мешающих мне, по мнению Акима Павловича, наладить здоровый быт; второй же причиной было мое собственное письмо, в котором я выражал намерение жениться. Мероприятие это, как Вам известно, успехом не увенчалось, и мамаша убеждена, что это к лучшему, ибо дома у нее есть на примете очень хорошая девушка, с которой она хочет меня познакомиться. Эта девушка тоже, как и я, имеет среднее специальное образование и работает инженером по кадрам. Первым шагом, который мамаша предприняла по приезде, была сдача ею в закуп всех приобретенных мною здесь томов с письмами классиков. На вырученные деньги она купила мне голубую, в полоску, рубашку по цене 9 руб. 24 коп., — по общему мнению, этот предмет туалета очень подходит к моему синему костюму.

На работе дела обстоят отлично. Я постепенно завоевываю авторитет среди сотрудников, и со мной даже советуется по некоторым спорным финансовым вопросам.

Однако... скучно, дорогой мой друг. Недавно я, сказав мамаше, что пошел в клуб играть в шахматы, посетил старый дом, где жили мы вдвоем с Егором Дементьичем. Никто не встретил меня. Двери заперты на замок, тихо в огороде, не виднеется в лугах старый мерин Андрюха: то ли туман скрыл его, то ли сам он ушел куда-то подальше от этих покинутых хозяином мест... Я постоял немного, но было холодно, притом мамаша просила не опаздывать к ужину...

Какая осень на дворе! Грязь, слякоть, листья уже гниют, по утрам заморозки, и я надеваю демисезонные пальто. Сегодня по дороге на работу вспомнились читанные когда-то строчки поэта, посвященные этому времени года, — не помните ли и Вы их? —

Суровой осени печален поздний вид,
Но посреди ночного небосвода
Она горит, твоя звезда, природа,
И вместе с ней душа моя горит...

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР, СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

уральский
следопыт

АНКЕТА

620210, г. СВЕРДЛОВСК, ГСП-353
ул. 8 МАРТА, 6, тел. 51-55-26
25 октября 1978 г.

1. Когда и почему Вы обратились к фантастике? Было ли опубликовано Ваше самое-самое первое НФ произведение?
2. Ставите ли Вы целью своей работы в фантастике изображение будущего и его проблем? Или всецело озабочены при этом насущными проблемами настоящего?
3. Высказывалось мнение о "кризисе" фантастики. Разделяете ли Вы эту точку зрения?
4. Каковы напе, на Ваш взгляд, взаимоотношения фантастики и науки? Не исчерпала ли своих возможностей фантастика сугубо техническая?
5. Существуют ли, на Ваш взгляд, какие-либо ограничения, пределы фантазии, переступить которые не принято?
6. Фантастика - любимое чтение школьников - формирует из них неопитов в лагерь "физиков". А будущие "лирики"? Что дает фантастика им?
7. Фантастика наших дней все более сближается с "большой" литературой. Как Вы расцениваете это? Не растворится ли фантастика - в нефантастике?
8. Назовите наиболее интересные, на Ваш взгляд, произведения советской фантастики последних двух-трех лет.
9. Как Вы полагаете, на какую тему будет написан НФ бестселлер 2079 года?
10. Какая проблема (научная, социальная, нравственная) волнует Вас более всего? Над чем Вы сейчас работаете?
11. Что пожелали бы Вы журналу и его читателям?

Не скупись на мысли и улыбку, отвечая нам!
Тем более, что не обязательно останавливаться
на каждом вопросе.

1. Мне было тогда лет тринадцать. Шел 1957 год — был запущен первый спутник и опубликована «Туманность Андромеды» И. Ефремова. Какой еще нужен толчок для школьника, который любит фантазировать? Но любить и уметь — разные вещи. Прошло два года, прежде чем я все же рискнул и послал очередную опус в журнал «Техника — молодежи». Самое удивительное, что опус этот был опубликован! Публикация рассказа, в общем, хорошей службы не сослужила — создала впечатление, что писать фантастику легко...

2. Своей целью я ставлю изображение проблем, которые могут возникнуть перед наукой будущего. Это прогностическая ветвь научно-технической фантастики. Конечно, эта ветвь далеко не исчерпывает фантастику. Фантастика чрезвычайно многообразна и многослойна. По идее, фантастика даже многообразнее обычной «большой» литературы. Вот пример. Даже в популярной сейчас «большой» литературе ветви так называемого производственного романа производство — не более чем фон, на котором изображаются конфликты между людьми. И часто эти конфликты никак с фоном не связаны. Конечно, чем более талантлив писатель, тем более тщательно и жизненно фон выписан. Но никаких собственных идей, собственных предложений автор производственного романа не выдвигает. Фантастика в этом смысле шире. В хорошем фантастическом произведении автор не просто описывает какой-то элемент науки или техники будущего, но выдвигает свою идею нового научного или технического достижения. Свою, а не вычитанную из популярных брошюр. И такие идеи фантастов часто сбываются! Новая научно-фантастическая идея — это свойство фантастики, выделяющее ее из «большой» литературы.

3. Конечно. Достаточно исследовать фантастические идеи и сюжеты последнего десятилетия, и вы увидите, что фантастические произведения лишились прелести новизны, которая была у них прежде. И это при значительном росте общего литературного уровня фантастики! Исчезли новые сюжеты. В космической фантастике многократно обыгрываются одни и те же ситуации с пришельцами и межзвездными полетами. Из-за этого создается мнение, что космическая фантастика себя изжила. Или психологическая фантастика. Что нового сказала она за последние годы о человеке будущего?.. Беда в том, что нет новых фантасти-

За «КРУГЛЫМ СТОЛОМ» —

фантасты

ПУБЛИКУЕМ
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНУЮ
ПОДБОРКУ ОТВЕТОВ
ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ
НА ВОПРОСЫ НАШЕЙ АНКЕТЫ.
ПРЕДЫДУЩИЕ
ПОДБОРКИ ОТВЕТОВ
БЫЛИ НАПЕЧАТАНЫ
В №№ 4, 6 и 7.

ческих идей, новых фантастических тем. В пору расцвета советской фантастики, лет десять назад, были отработаны первые слои идей, лежащие на поверхности явлений. Сейчас нужно снимать второй слой — смотреть глубже. К примеру, существует фантастика предупреждений. Это попытка показать губительные последствия ряда отрицательных тенденций в развитии человечества. Первый слой. Дальше, по идее, нужно попытаться ответить на вопрос: как эти последствия предотвратить? Хотя бы в модельном мире фантастики. А таких произведений нет... Или в космической фантастике: давно стало привычным летать в подпространстве, хотя такой способ — не попытка предвидеть будущее реальных межзвездных полетов, а попытка вообще обойти этот вопрос. А как же реально будут летать звездолеты? На этот вопрос ответить трудно, потому что такая фантастическая идея должна обладать определенной научно-технической, а не только литературной ценностью. В идеале фантаст должен уметь предвидеть будущее науки, предвидеть грядущие научные революции. Умели же это делать Жюль Верн, Уэллс, Беляев! Кризис в фантастике (не только в нашей, но и в западной) будет существовать до тех пор, пока фантасты не перейдут к новому качеству...

4. К сожалению, в последнее время фантастика занимает по отношению к науке положение подчиненное. Наука сейчас так развита, что кажется невозможным, чтобы фантасты могли предложить что-то новое, до чего сами ученые еще не додумались. А между тем, одна из многих задач фантастики — будить мысль ученого, лишать ее инерции. Перелеты в подпространстве, стрельба из сигма-бластеров такой задачи не решают, потому что фантазии в этом нет. Но вот вспомните рассказ Б. Шоу «Медленное стекло» или повесть Р. Шекли «Обмен Разумов». Убежден, что ученый, прочитав эти произведения, обретет определенную степень свободы и в своих научных размышлениях, даже если эти произведения прямого отношения к его науке не имеют. В науке сейчас как никогда нужны «безумные» идеи. Способности генерировать «безумные» идеи и должна учить фантастика. Это одна сторона дела. Вторая сторона — фантастика использует чисто научные методы исследования будущего, например, метод моделей. Каждое фантастическое произведение — модель будущего, и чем больше разнообразных моделей, тем более вероятно, что фантастам удастся правдиво описать будущее раньше, чем оно наступит.

5. По-моему, пределов для фантазии нет. Или, во всяком случае, не

должно быть. Ведь фантастика как раз и должна действовать там, где пасует наука. Прогностика может предвидеть будущее на десяток-другой лет, фантастика забегает на тысячелетия. И даже миллиарды лет — вспомним «Машину Времени» Г. Уэллса. Наиболее интересные фантастические идеи и сюжеты лежат, по-моему, как раз за тем пределом, переступить который «не принято».

7. Я не согласен с тем, что фантастика все больше сближается с «большой» литературой. Для некоторых поджанров фантастики это, впрочем, верно — для психологической, например, или для фантастики предупреждений. Но есть поджанры, которые в принципе не могут слиться с «большой» литературой. Как может, например, слиться с нею научно-техническая фантастика, если у них разные методы изображения?

8. «За миллиард лет до конца света» А. и Б. Стругацких.

9. Здесь почти все неправильно в самой постановке вопроса.

Во-первых, что значит «как Вы полагаете»? Я не полагаю, а точно знаю. Каждый автор, пишущий о прошлом или будущем, твердо убежден, что все было (или будет) именно так, как он описывает. Для автора то, что происходит с его героями, реальнее самой реальности. Так что автор-фантаст точно знает, что произойдет в 2079 году. Правда, два разных автора могут знать это совершенно по-разному, — но ведь и в реалистической прозе случаются диаметрально противоположные изображения одного и того же явления. Великая вещь — интерпретация!

Во-вторых, что значит «на какую тему»? Я точно знаю, что в 2079 году не будет произведений «на тему». Литературное произведение будет продуктом совместного творчества автора и читателя. Будут читатели талантливые и бездарные, будут и читатели-графоманы. У талантливого читателя герои будут действовать вовсе не так, как у читателя бездарного, и, возможно, даже не так, как полагал автор (впрочем, в задуманных писателем рамках!).

В-третьих, что значит «будет написан»? Никто не будет в 2079 году писать книги, бумаги и сейчас не хватает. Автор будет книгу вымысливать, воображать в виде реальных картин, в которых останется много места и для фантазии читателя. Разумеется, не исчезнет и прелесть художественного слова — слова автора будут звучать в подсознании читателя, как бы измысленные им самим, что придает особую прелесть процессу «сотворчества».

Так как же ответить на такой вопрос, если в нем почти все неправильно?..

10. Проблема, которая встанет перед наукой будущего — вероятно, довольно отдаленного, — изменение законов природы. Во всякой науке есть три стадии «освоения» явления: сначала идет наблюдение, затем явление используется и, наконец, явление изменяется, создается в том виде, который нужнее. То же будет и с законами природы. Сейчас мы еще на стадии познания их, и нам кажется кощунственной мысль об их изменении. Но придет время, наступит третий этап, и мы начнем менять законы природы: ускорять свет, менять мировые постоянные, создавать новые Вселенные. Из этой научной проблемы вытекает и социальная — изменение законов природы возможно в довольно отдаленном будущем, еще нужно, чтобы человечество до него дожило. Проблема социальная: как избавиться от угрозы войны, как перейти к лучшему строю — коммунизму? Вот, по-моему, самые интересные проблемы. Об этом я писал в повести «Крутизна», пишу и сейчас, ведь это очень большая и сложная проблема...

Андрей БАЛАБУХА

1. Разбирая однажды свои еще детские писания (сколько себя помню, я всегда что-нибудь сочинял), я обнаружил эмбрионы реалистического, детективного и фантастического рассказов. Так что пробовал я вначале чуть ли не все. Стихи я тоже писал. А почему в конце концов выбрал фантастику и почему она стала для меня единственным светом в окошке? Да просто по любви. А кто может сказать — почему мы любим и за что?

2. Опыт мировой фантастической литературы убедительно показал, что ни одно произведение, рассматривающее проблемы будущего и этого будущего социальные модели, в отрыве от современной автору действительности просто-напросто невозможно. Сегодня утопии Мора или Кампанеллы кажутся архаичными, наивными, местами даже откровенно нелепыми. Конечно, при этом мы все не забываем, что Томас Мор, например, — человек, живший в те времена, когда Иван Грозный был еще безусым мальчишкой, человек, бывший католиком по вероисповеданию и английским канцлером, то есть одним из высших должностных лиц в структуре феодального общества, — писал о государстве, в котором стерты грани между физическим и умственным трудом, об обществе, где нет государственной религии, о стране, в гербе которой — серп, молот и колосья... И все же наши сегодняшние чаяния выражает

«Туманность Андромеды» Ивана Ефремова. Потому что она соотносится с нашей действительностью — так же, как соотносилась с современной им действительностью писания утопистов.

Можно писать о прошлом, о будущем, можно уносить действие на удивительные планеты, странных солнц далеких галактик, но всегда и во всех случаях делать это можно только для того, чтобы — пусть в каком-то неожиданном ракурсе, с непривычной, нестандартной точки зрения — разобраться в проблемах сегоднешнего дня.

4. Взаимоотношения фантастики и науки сложны и многообразны, и поэтому исчерпывающе описать их невозможно. Но зато с уверенностью можно сказать, что по крайней мере сегодня фантастика «сугубо техническая» жизнеспособности отнюдь не утратила. Просто она видоизменилась и значительно отличается от пресловутой фантастики «ближнего прицела» в духе Немцова или Охотникова, получившей уже исчерпывающую и справедливую оценку критики. Достижения человеческой мысли уже сегодня, с одной стороны, столь фантастичны, а с другой, зачастую столь мало известны неспециалистам в той или иной области, что техническая фантастика в данном случае исполняет роль той самой пчелки, которая переносит пыльцу с цветка на цветок. К тому же... В конце концов, и Жюль Верн ведь не открыл подводной лодки, описывая «Наутилус», или идею вертолета, описывая «Альбатрос». Идеи уже были. Но — только идеи. И сила писателя проявилась именно в том, что полуабстрактные еще технические мысли он превратил в зримые художественные образы, доступные восприятию каждого. Конечно, сегодня проблемы другие. Кто, например, может зримо представить себе «странный мир» элементарных частиц или коллапсар — «черную дыру»? Сейчас я не знаю, как фантаст может воплотить это в зримый образ. Но сделать это было бы чрезвычайно привлекательно. Ведь именно в мире элементарных частиц, в частности, может быть сделано самое удивительное открытие современности — открытие обратимости времени.

Однако даже «сугубо техническая» НФ сегодня не может ограничиться одной техникой. Техническая идея может развиваться сама по себе, она может влиять на судьбы и характеры героев, но герои эти должны быть прежде всего людьми, с их духовными кризисами и противоречиями, с их человеческой любовью и ненавистью, страстностью и нерешительностью, людьми, живущими среди людей, а не в абсолютном вакууме, окружавшем героев чисто технической фантастики предшествовавших формаций.

8. К наиболее интересным произведениям советской фантастики последних лет я несомненно должен отнести повесть братьев Стругацких «За миллиард лет до конца света», роман Владимира Михайлова «Сторож брату моему», сборник повестей и рассказов Геннадия Прашкевича «Разворованное чудо», серию детских повестей Кир Булычева «Об Алисе», повесть Ольги Ларионовой «Сказка королей», роман Карэна Симоняна «Аптекарь Нерсес Мажан», последнюю книгу новелл Дмитрия Биленкина «Проверка на разумность». Наверное, этот список можно было бы продолжить и еще, но основное названо.

10. Из комплекса сегодняшних проблем, пожалуй, трудно выделить одну, которая волновала бы больше всего. Скорее, можно говорить о целом комплексе проблем, внешне, казалось бы, разнородных, но в то же время и одинаково значимых для человека, и как-то внутренне между собой связанных. Сюда входят и социальная проблема разоружения и разрядки международной напряженности, и проблема охраны окружающей среды, и проблема дальнейшего развития биологии, в первую очередь — биологии и генетики человека, а в частности — геной инженерии и опытов по проникновению в тайны мозга и управлению его работой. Можно поставить в этот же ряд проблему освоения океана, о котором, как это ни парадоксально, мы знаем меньше, чем о других звездах и планетах. Наконец, проблемы «чистой» энергетики. Эти, казалось бы, разнородные, выхваченные из самых разных сфер человеческих деятельности и бытия проблемы на самом деле — во всяком случае, на мой взгляд — завязываются в некий тугой узел.

Вот об этом я сейчас и пишу...

Владислав КРАПИВИН

1. К фантастике я обратился из-за неистребимой любви к приключениям. Сначала меня влекли неведомые моря и острова, потом планета показалась тесной, и Космос представился мне продолжением мирового океана. Позднее я понял, что автор, пишущий фантастику, получает возможность строить гораздо более разнообразные ситуации, чем литератор, придерживающийся сугубо реалистических тенденций. А чем разнообразнее ситуации, тем многограннее проявления человеческого характера.

Первый мой фантастический рассказ назывался «Имени погибших», я напечатал его в стенной университетской газете, за что был обруган университетской стенной критикой.

Этот рассказ послужил основой для маленькой повести «Я иду встречать брата», которая в 1962 году была напечатана в «Уральском следопыте» и теперь переведена на многие европейские языки. Писал я ее в те дни, когда следовало готовиться к выпускным экзаменам в университете. Может быть, это не совсем педагогичное признание, но я считаю, что это тоже был экзамен, и думаю, что все-таки его сдал. Хотя бы на «тройку».

2. Наверное, я озабочен насущными проблемами настоящего, ибо есть такая фраза: будущее начинается сегодня.

3. Думаю, что претерпевает кризис та фантастика, которая слишком обособилась от литературы в целом, считает себя чем-то особым в литературе. Мне кажется, что настоящая фантастика — это неотрывная часть мировой литературы в целом, и потому ей, как и литературе вообще, в обозримом будущем никакой кризис не грозит.

4. Мне трудно отвечать на этот вопрос, потому что я никогда не увлекался фантастикой сугубо технической. Лично мне она кажется скорее отраслью научно-популярной литературы. В центре же настоящей фантастики, как и литературы вообще, стоят чисто человеческие проблемы.

5. Никаких ограничений у фантастики нет. Если кому-то и кажется, что они существуют, то это чисто временные ограничения.

7. Настоящая фантастика никогда не отрывалась от «большой» литературы. И Сирано де Бержерак, и Уэллс, и Александр Грин всегда были «большой» литературой, им не надо было к ней приближаться. Что касается околολитературных вещей, авторы которых тужатся приблизиться к литературе, то этого достаточно и в нефантастике.

8. Из прочитанного понравился «Сторож брату моему» Владимира Михайлова. Но, возможно, я многого не читал, поскольку не всегда успеваю следить за новинками.

9. Из какого-нибудь космического далека люди возвращаются на родную планету и вдруг выясняют, что на ней чистые реки, зеленые леса, богатый животный мир, что человечество избавилось от вредного влияния промышленной цивилизации на окружающий мир. А учителя не заставляют детей насильно петь в школьном хоре...

10. Все то же: люди среди людей.

1. В самом раннем детстве. Причиной увлечения фантастикой была тяга ко всему тайному, неразгаданному, романтичному. Другой стороной этой тяги была и остается любовь к науке и авиации, которой я отдал 33 года своей жизни. Огромную роль в конкретизации и, если можно так выразиться, материализации моего увлечения фантастикой сыграли произведения Ж. Верна, А. Беляева, А. Казанцева и Г. Уэллса. Мое первое фантастическое литературное произведение, рассказ «Синий мир», было опубликовано в 1969 году.

2. Изображение будущего и его проблем? Безусловно. И в первую очередь. Насущные проблемы современности широко обсуждаются и в других литературных жанрах, между тем, будущее — прерогатива фантастики. Конечно, возможны исключения, фантастика современности — тоже фантастика, но они и остаются исключениями.

3. Временные кризисы возможны в любых литературных жанрах. Вообще же НФ в своем классическом выражении — как своеобразный синтез мечты, науки и искусства — является литературой будущего. Социальная нагрузка НФ в условиях современности колоссальна: она призвана заменить собою мифы, сказки, легенды и былины, все то, что было извечным воплощением раскованной народной мечты о личном счастье, всеобщей справедливости, порочности зла и неодолимости добра. Пропаганда коммунистических идеалов — неотъемлемое качество передовой советской научной фантастики.

У советской НФ есть один безусловный кризис — кризис ограниченности числа фантастических книг и периодических изданий. Это кризис не столько литературы, сколько издательства, книгопечатания, кризис временный и преходящий.

4. Я отношусь к фантастике как к литературе. Это не исключает, а предполагает возможность ряда утилитарных, в частности, научных приложений НФ произведений.

Техническая НФ правомерна в той же мере, что и производственный роман или пьеса на колхозную тему; все дело в значимости и талантливости произведения. Другое дело, что исчерпать себя могут авторы, пишущие на технико-фантастические темы.

5. Пределы и рубежи литературной НФ определяются характером творчества и мерой талантливости авторов. Древнеримское речение «Все в меру!» — как нельзя лучше

отражает особенность лучших фантастических произведений.

6. Я не согласен с самой постановкой вопроса. Конечно, Ж. Верн и А. Казанцев формировали меня прежде всего как «физика». Но произведения А. Беляева воспитывали во мне «лирика». Их роль в этом плане была очень велика, я могу сравнить ее лишь с ролью произведений М. Лермонтова и И. Тургенева.

7. Нет больших и малых литературных жанров, есть большие и малые литературные произведения. К. Э. Циолковский писал: «Сначала неизбежно идут: мысль, фантазия, сказка. За ними шествует научный расчет. И уже в конце концов исполнение венчает мысль». В чем и как можно растворить эту вечную цепочку поступательного движения человеческого разума? Растворить фантастику в литературе вообще так же невозможно, как растворить поэзию в прозе.

8. Мне лично нравятся емкие, серьезные, нешаблонные рассказы Пухова.

9. О человеческом счастье. О любви, дружбе и соперничестве. Эти вечные категории по мере своего развития и прогресса человечество наполняет все новым и новым содержанием. Наука и техника — лишь средства, орудия для решения социальных проблем. Бестселлер 2079 года будет посвящен жизни людей по меньшей мере 3079 года.

10. Война и мир.

Работая над продолжением романа «Перед дальней дорогой» и повестью «Последний шанс», которую посвящаю своим товарищам по профессии — летчикам.

Кирилл БУЛЫЧЕВ

1. Самые первые фантастические произведения были опубликованы в 1966 году — это были сказки про Алису («Девочка, с которой ничего не случится») и рассказ «Когда вымерли динозавры» в «Искателе», написанный по той простой причине, что мы с ребятами (я тогда был близок с журналом «Вокруг света») никак не могли придумать, как спасти номер, в котором уже была отпечатана в тираже обложка — на ней была нарисована банка с динозавром на стуле, а рассказ (не помню уже чей) вылетел в самый последний момент. Я поспорил, что напишу за ночь рассказ по обложке. Написал... и с тех пор не смог остановиться.

2. Меня куда больше интересуют проблемы настоящего, чем буду-

щее, а будущее — только как отражение настоящего и его тенденций. И вообще я считаю, что фантастика — это в первую очередь литература и должна писать о людях, как и любая литература, а не о науке. О науке пишет научная и научно-популярная литература (в последнем случае «литература» — термин условный; скажем лучше — «научно-популярное изложение»). Отличие для меня в том, что «художественная (реалистическая) литература» пишет обычно о людях в ординарных, реальных обстоятельствах, а литература «фантастическая» — о тех же людях, поставленных волей автора в невероятные условия.

5—7. Вопрос о пределах фантазии мне совершенно непонятен. Что такое пределы? Давайте договоримся сначала о терминах...

Так же мне непонятен вопрос о лагерях «физиков» и «лириков», непонятен и вопрос о растворении фантастики в нефантастике.

Все это непонимание мое исходит, разумеется, от того, что я не делю принципиально фантастические и нефантастические жанры, потому что не знаю, был ли фантастом Гоголь, Грин или Булгаков. А то знаете, что получается: если хороший писатель пишет фантастику — это мы называем художественной литературой. А если плохой — то навешиваем ему фиговый листочек с надписью «фантастика». Иногда мне бывает стыдно, если меня называют фантастом. В этом у нас почти всегда звучит снисхождение (ах, она так хороша, у нее такие красивые глаза — это говорит о некрасивой женщине, чтобы ее не обижать слишком открыто). Это для меня все равно, как если бы говорили: «Он танцор, правда, танцует не в балете, а чечеточник на выходах»...

8. Что касается последних лет советской фантастики, то я боюсь, что назвать почти нечего. По двум причинам. Первая — почти ничего не издается и оттого общий уровень падает. Для того, чтобы появились жемчужины, надо удобрить поле. Статистика здесь непобедима. Хорошая книга выходит одна на сто — сколько бы их ни выходило в целом. В Америке в год печатается примерно 1 000 новых фантастических книг, поэтому там есть 10 хороших ежегодно. У нас десять — попробуй найди. От этого талантливые ребята не идут в фантастику — это работа трудная и неблагоприятная. Притока нет. Всем пишущим — за сорок, все мы перевалили за вершину и лучше уже не напишем. Больше того, нет школы, традиции. Сейчас я играю в «Пионерке» в повесть «совместно с читателями». Совместность эта условна, потому что от читателей берутся только некоторые фразы. Но дело в том, что писем приходит

тысячи и все они в массе стандартны — дети отталкиваются в своем творчестве от образцов, которые им доступны. Образцов мало, и они невысоки по уровню. Я пессимистичен в отношении завтрашнего дня нашей фантастики, и не только потому, что она вызывает априори недоверие у редактора, и он предпочтет что-нибудь более для него понятное. Удручающе смотреть на рассказы, которые сейчас печатаются, у меня такое впечатление, что в массе все тщательно переписывают какой-то неудачный рассказ, отлично обходясь без мыслей. Отсюда и качество почвы, на которой растут ребята.

И второе. Даже живя в Москве, я не имею возможности купить новую книгу и давно уже не покупал: марка «фантастика» (при полном отсутствии здоровой конкуренции и возможности для читателя сверить, сравнить, подумать) — залог тому, что книга уходит на черный рынок.

Так что последняя вещь, которая мне по-настоящему понравилась,

была повесть Стругацких «За миллиард лет...».

9. Не знаю, на какую тему будет написан НФ бестселлер XXI века, и даже боюсь об этом думать. Хорошо бы — не о том, как герой купается в реке и не умирает немедленно от отравления.

10. Какие проблемы меня волнуют? Такие же, как всех. С Викторовым мы написали сценарий о планете, которую ее жители довели до ручки. А вообще мне хочется, чтобы читатель улыбнулся, а потом задумался, но почему-то все чаще редакторы задумываются прежде, чем читатель все это увидит... Так что предпочитаю сейчас работать по специальности и пишу монографию по второй мировой войне в Юго-Восточной Азии и статьи по буддизму.

11. Журнал ваш хороший. Поэтому пожелание мое — чтобы журнал жил и дальше. И традиции у него славные, «следопытские»...

ОТ РЕДАКЦИИ.

Собрались за редакционным столом 19 писателей-фантастов. Непохожих, разно думающих и пишущих, во многом друг с другом не согласных...

Мы не подытоживаем их ответы на анкету «Уральского следопыта»: предоставляем сделать это одной из заинтересованных сторон — вам, наши читатели.

Напишите нам: что в ответах писателей показалось вам наиболее интересным? А наиболее спорным? Быть может, вы подметили какие-то любопытные тенденции; быть может, кто-то из фантастов был, на ваш взгляд, излишне субъективен (или, напротив, чересчур беспристрастен) в ответе на тот или иной вопрос? И сами эти вопросы: какие из них показались вам удачными, существенными, а какие — не очень? Кстати, доведись вам готовить подобную анкету, о чем спросили бы писателей-фантастов вы сами!

Ждем ваших писем!

Проверьте вашу память

Предпоследняя «глава» рассказа [см. «Калейдоскоп» в № 6, 7, 8] включает в себя 54 названия НФ произведений.

Как и в предыдущих случаях, попробуйте эти названия выделить и к каждому из них подобрать автора.

Ответы четвертого тура должны быть отправлены не позднее 31 декабря 1979 года.

Напоминаем: победители будут выявлены по результатам всех пяти туров.

ТУДА И ОБРАТНО

Сюжет для романа

IV. В дебрях времени.

Лучшее время года: золотые яблоки солнца! Все по правилам...

Проблема туземцев: быстроногий Джар — сторож брату моему. Человек, который не спит...

Взаимопонимание — возможно? Охотники на мамонтов — братья по разуму! Надо помочь...

— Потолкуем малость? Огонь-хранитель — ближе, чем думают люди!

— Поделись со мной, бледный карлик, шпион в юрском периоде!

Работа — по способностям: 137 секунд — и возгорится солнце! И вспыхнет огонь!..

Полное взаимопонимание: Человек, Который Подарил Людям Солнце!.. Лучший из миров — времена трехдюймовых бифштексов, небывалый расцвет интеллекта...

— Пропажжа: Человек с пятью «не»...

— Как его узнать, пришельцы ниоткуда?

— То, чего не было: костном цвета сливочного мороженого, черный чемоданчик, спортивные ботинки... запонки с кохлеоидой... талисман: кольцо Тота...

— Исчезнувший — человек, который пришел слишком рано!

Бесконечная ночь. Еще одна...

На двенадцатый день — сенсация: профессор Корнелиус возвращается! Откуда он?

— Маэстро! Вас никто не убивал?!

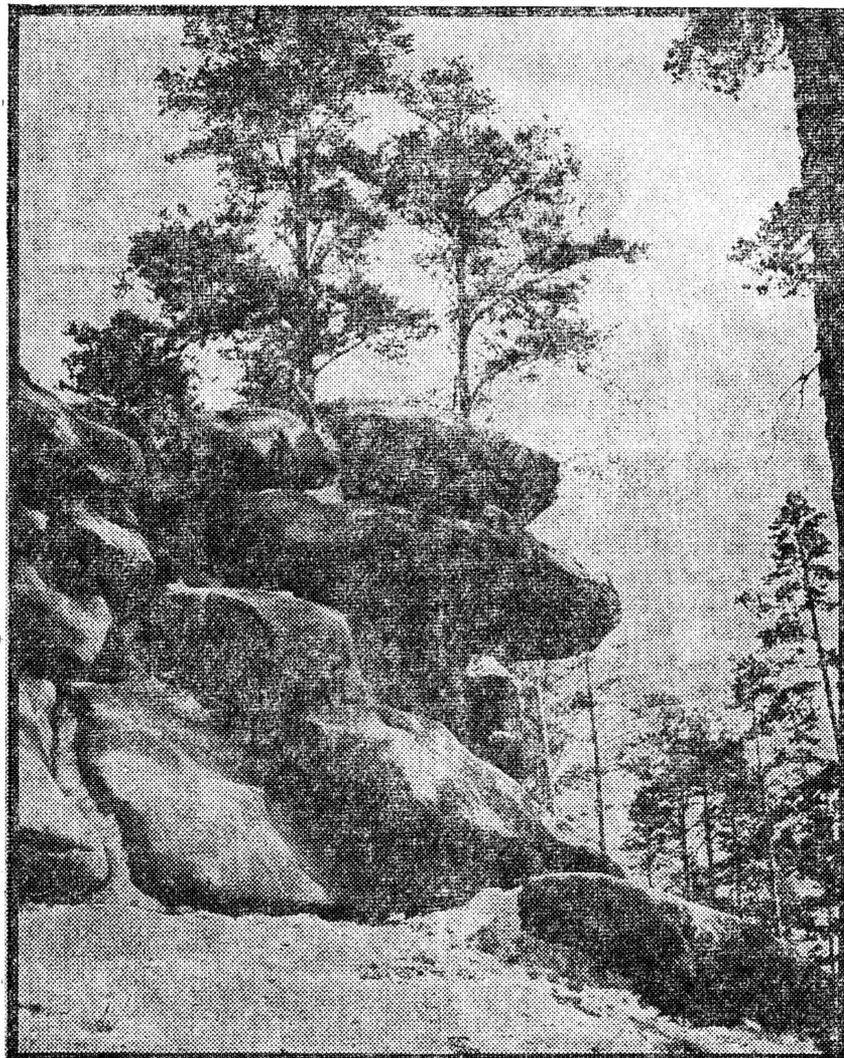
— Должен вам рассказать: другая поляна... неедяки... и все такое прочее... Если бы не Михаил... Коллега — я назвал его так!

Идолища шарташские?

**Анатолий
МАЛАХОВ**

доктор
геолого-минералогических наук

Фото
М. Корякина, Ю. Воротникова.

Шарташские каменные палатки в Свердловске.

На одной из своих лекций я получил странную записку: «Правда ли, что в горе Шарташ, в Свердловске, похоронен библейский пророк Арам? Не его ли именем названа речка Арамилка в этой же местности? Правда ли, что там, где похоронен пророк, стоит священный знак — тамга?»

«В Библии сказано, — говорил мне

другой «знаток древности», когда мы с ним направлялись на месторождение минерала волконскоита, в окрестностях Перми, — в Библии сказано про царство Нимврода, Хамова внука. А знаешь ли ты, что царство это здесь, где мы с тобой вот сейчас едем? «И поселение их, — процитировал он библейский текст, — было от

Меши до Сефар-горы восточной». Недаром и река наша называется по-особенному. Читать ее надо не «Кама», а «Хама», Хамова река, значит. А подтверждают все это,—назидательно сказал мне мой спутник,—кости допотопных зверей. Стало быть, потоп и сюда достиг. Наукой все это доказано.

Не помню, что я возражал, слишком нелепыми казались доказательства моего спутника.

А он, распаленный моим «еретическим» равнодушием, яростно уверял, что Меша — река, впадающая в реку Хама недалеко от ее устья, что на Урале есть и река Сим (действительно, есть.—А. М.), названная по имени другого сына Ноя. И впадает Сим в реку Белую, а та — в Хамову реку.

Много других подобных несуразностей наговорил мне мой спутник. Запомнилось еще одно: в Шарташ-горе, кроме тамги — знака, который всем виден, запрятано Идолище поганое. Только люди с особым зрением видят это Идолище.

От других собеседников я услышал, что гора Аваяк на Среднем Урале должна читаться, как «Авельяг» — гора Авеля — сына нашего пра-родителя Адама. А река Нейва — это «Нойва», Ноева река. Гора Аракуль и есть та гора Арарат, где остановился Ноев ковчег после потопа. И там тоже есть тамга — знак, понятный только знающим людям. Сам Ной его поставил в назидание людям...

— Откуда у вас все это? Что побудило вас говорить о явно неверных вещах?

Возведя очи, собеседник ответил:

— Рука господня во всем этом, она указывает. Правды божией не скроете.—И, заторопившись, ушел от дальнейших вопросов.

Было совершенно ясно, что легенда о связи Урала с «событиями», описанными в Библии, зиждется на неверном переводе местных топонимов и вольной трактовке многих из них (реки Кама и Хама, Нейва и Ной-ва и пр.). Я обратился к знатоку татарских, башкирских, мансийских наречий Сабиру Хакимовичу Имайкину.

— Есть ли связь, например, между названиями уральской горы Аракуль и библейским Араратом?

— Нет,— ответил Имайкин.— Аракуль слово башкирское, состоящее из ара, что значит «между» и куль—«озеро». То есть межозерье. Действительно, эта гора располагается между озерами.

Точно так же оказались не содержащими ничего библейского и другие названия. Например, хребет Аваяк — это вовсе не хребет Авеля (сына Адама). По-башкирски Авлак, или Ауляк, означает «глушь». Вот и получается Глухой хребет. Шарташ надо производить от двух слов: шар — искаженного слова «сар» — желтый и таш — «камень». Желтый камень — гранит, из которого сложены Шарташские каменные палатки.

Многие другие слова также находят свои значения в башкирском, татарском, мансийском, но никак не в европейском языке (языке Библии).

Точно так же отпали представления о наличии на Урале «допотопных» существ. Скопления окаменелостей расшифровали палеонтологи. Они установили, что костям крупных животных в окрестностях Перми — свыше четверти миллиарда лет, и никакого отношения к библейским событиям они не имеют.

Специалисты тоже создают легенды... Например, геологи и археологи. Об одной из них мой рассказ.

Объясняя однажды происхождение каменных палаток Шарташа, находящегося в Свердловске, я говорил, что такие вещи формируются десятки миллионов лет. Их скульптор: вода, тепло и холод. Особенно часто возникают каменные столбы и каменные изгороди там, где легко разрушающиеся горные породы пересекаются более твердым жильным телом. И Шарташские каменные палатки представляют именно такую мощную жилу, залегающую среди относительно рыхлых образований.

Все это было бы верно, но...

Рассматривая в который раз горные породы Шарташских каменных палаток, я с удивлением отметил, что они не похожи на жильные тела. Кинулся к специалистам. Те подтвердили: действительно все это так!

Как же тогда возникли каменные палатки?

— Не знаем, не знаем...

Так рухнула «беспорная» геологическая легенда.

Надежнее оказалась версия археологов.

Самая древняя стоянка времен палеолита открыта в низовьях реки Чусовой. Каменные орудия здесь лежат вместе с костями мамонта.

Другие стоянки относятся к эпохам, отстоящим от нас на несколько тысячелетий, а помоложе — на несколько столетий. Люди этих эпох селились около рек и озер. На одной из таких стоянок, около Верхнего Тагила, на Шигирском озере, было найдено много орудий труда: гарпунов, рыболовных снастей, наконечников копий и стрел.

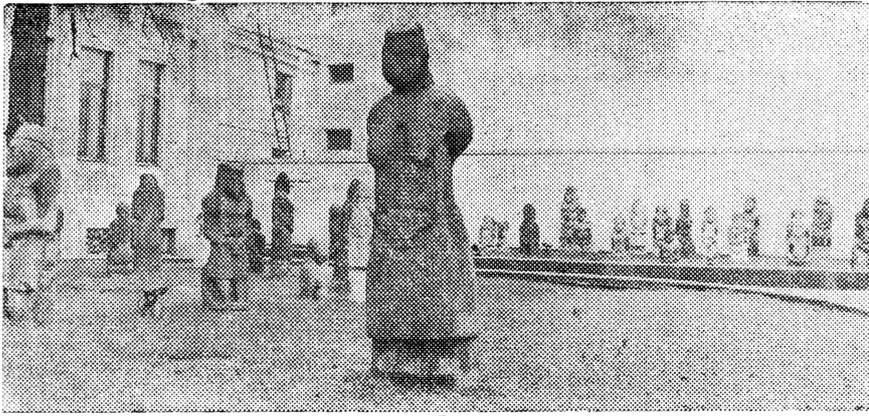
А предметов, встреченных на стоянках так называемой Ананьевской культуры железного века, практически не счесть. Жителей этой эпохи считают предками современных удмуртов и коми-зырян, другие выделяют мифическую чудскую эпоху...

О чуди белоглазой археологи поведали такую легенду. Однажды Татищеву, основателю Екатеринбурга, приснился странный сон. Явилась к нему женщина необычайного вида и дивной красоты. Одеята она была в звериные шкуры, на ее груди сверкали золотые украшения. «Слушай,— сказала женщина Татищеву,— ты отдал приказ копать курганы в своем новом городе. Не тронь их! Там лежат мои храбрые воины. Не будет тебе покоя ни на том, ни на этом свете, если потревожишь их прах или возьмешь дорожку доспехи. Я, княгиня чудская Анна, клянусь тебе, что разорю и город, и все, что ты строишь, если тронешь эти могилы».

И Татищев приказал не раскапывать захоронения. Срыты были только вершины курганов.

Прошло почти триста лет. На месте курганов поставили памятник П. П. Бажову — хранителю старины Уральских гор, замечательному знатоку уральских сказов. Говорят, что взор Бажова устремлен на то место, где были похоронены храбрые воины чудской княгини.

Археологи предположили, что здесь, в верховьях реки Исети, в страшной глухомани, находились культурные зоны чудских племен. Одним из доказательств этой версии они считают наличие тамги — культовой каменной чаши, куда во время церемо-

Коллекция каменных изваяний Днепрпетровского исторического музея.

ний сливалась кровь убитых животных.

Добавляют, что предметы культа в периоды между празднествами хранились в каменных подземельях, расположенных под Шарташскими палатками. Один из археологов рисовал даже мне сеть подземных переходов, соединяющих на глубине в десять метров залы треугольных очертаний. Но ведь в гранитах пещерам быть не положено! Пещеры возникают в легко растворимых породах — известняках или гипсах. С геологических позиций версия о том, что под Шарташскими каменными палатками таится подземелье, кажется мало обоснованной.

Но вот, осматривая камни Шарташских палаток, я увидел на одной из глыб... каменное лицо! Не доверяя глазам, я его сфотографировал. Таких гранитных плит, с типичной матрасевидной отдельностью, можно встретить тысячи в каждом из каменных развалов. Но, если всмотреться... Чтобы лучше увидеть и показать все это увиденное, я удалил со снимка все лишнее. Вот он — шарташский идол, восставший из легенд! У него есть лицо и торс. Первое впечатление таково, что лицо это не человеческое. Но нет. У него есть и глаза, и нос, и рот. Один из моих друзей, всматриваясь в это идолище, заметил, что он чем-то напоминает ему управляющего их трестом. Тот же мясистый нос и бесстрастное выражение лица.

Голова идолища покрыта то ли колпаком, то ли тибетейкой необыч-

ной удлиненной формы. Овал лица похож на огурец. От всей фигуры веет вечным покоем. Руки даже не намечены. Но зато хорошо прочерчены контуры одежды, похожей на татарский аязм (длинный кафтан). Рост фигуры более метра. Торс не обработан. Не пригрезилось ли все это мне? Но что же, не верить фотографии? Как же попал на окраину Свердловска каменный идол, наряженный в татарское одеяние? Когда и кем было выбито это изображение? Для чего оно сделано?

О том, что каменное идолище не мираж и не грезы, свидетельствует одна из деталей скульптуры. Тонкая трещинка тянется от угла губ по щеке идолища. Это — брак! Изделие не было закончено. Если бы продолжили обработку камня, тогда бы вся скульптура развалилась.

Идолище раскрывает нам первые шаги освоения шарташской глухомани. Здесь были не культовые собрания, а мастерская. Сюда приезжали за каменными бабами. Так назывались каменные изваяния на могильных курганах, на перекрестках дорог. Исследователи находили их на огромных пространствах южной Руси, Сибири, Средней Азии, Монголии. Стояли они на дорогах Пруссии, австрийской Галиции. В «Книге Большому чертежу», составленной в XVII веке, перечислены некоторые из таких знаков, с указаниями: «Каменный болван», «Каменная девка», «Каменный человек». Многие из географов прошлого отмечали эти камен-

ные знаки. Они хранятся в музеях Москвы, Харькова, Одессы. В середине прошлого века один из исследователей насчитал свыше шестисот таких изваяний.

Сделаны эти каменные бабы из песчаников, известняков и гранитов. Они имели разнообразные размеры — от одного до четырех метров высоты. Изготавливались каменные бабы уже в скифскую эпоху — в 5—4 вв. до н. э.

По-видимому, было несколько центров изготовления таких каменных изваяний. Одним из них, по моему мнению, и был Среднеуральский, в зоне верховий реки Исети, у Шарташских каменных палаток. Отсюда поставлялись гранитные бабы. Вот бы раскопать каменные палатки. Не исключено, что среди глыб можно найти и другие бракованные изделия.

Неожиданно вспоминаются впечатления об экскурсии по городу Брюсселю, где нам показали небольшую лавчонку москательных товаров. Примечательна она тем, что здесь, именно в этой лавчонке, и именно этими товарами торгуют свыше трехсот лет!

Этот эпизод вспомнился потому, что не исключено такое же постоянство и в районе Шарташских палаток. Не исключено, что центр торговли каменными бабами, изготовленными из гранита, существовал здесь несколько столетий. Тогда в обломочно-песчаных наслоениях можно было бы проследить и смены культур, и найти какие-либо другие археологические материалы. Кто знает — может быть, мы нашли бы здесь и пещеры. Ну, а в них, как в тайниках, можно ожидать больших сюрпризов...

СВАРЩИК

Владимир
СУРОВ

● С Алексеем Полежаевым мы приятели. Жили в соседях, здоровались. Потом он раз сварил мне треснувшую раму мотоцикла. За разговором выяснилось, что действительную он отслужил на флоте, теперь работает в автохозяйстве. Алексей — газосварщик. Закончил ПТУ в Перми при судостроительном заводе «Кама». На флоте тоже варил. В водолазной школе освоил подводную сварку. По его словам, от сварки в наше время жизнь человеческая зависит больше, чем от докторов. Недоварил, переварил, глядишь, корабль утонул или колесо на самом разбеге отскочило. Нынче что только не варят, и какой только сварки нет. И в вакууме, и в среде углекислого газа, и в аргонной среде, и под водой, под слоем флюса, сварка взрывом, давлением. Целый институт имени академика Патона только тем и занимается, что выдумывает, что бы еще такое сварить!

— А дерево? — не удержался я от подковырки.

— А что? — Алексей не сразу заметил подвоха, но, уловив смысл, сразу перестроился. — Ну, дерево не дерево, а полимеры сваривают. Может, и до дерева дойдут. Его, правда, можно и приклеить...

— Лешка, а почему ты ушел с судозавода? Денег мало, работы много?

— Я не уходил. Меня в армию призвали, а родичи сюда переехали. Здесь же, сам знаешь, кораблей не строят. Зарботок, конечно, тоже свой смысл имеет. Но сварщиков никогда не обижают. Посмотри на доску объявлений — хором зовут: «требуется дипломированные сварщики, зарботок — 180—220 рублей», да еще гарантированный. Это здесь, а на Севере, в Сибири? Там и пять-

сот и шестьсот. На заводе мне что нравилось? Корабли! Там же морские корабли строят — буксиры, нефтерудовозы. Ведешь шов и знаешь, что его когда-нибудь будет полировать средиземноморская или тихоокеанская волна. Корабль, понимаешь, сам по себе красив. Он на стапеле стоит, я шов варю и словно письмо запечатываю. Сейчас этот шов вот тут, под рукой, его пощупать можно, а завтра, или когда там, он будет тереться о причальную стенку Генуи или Барселоны. И от его прочности зависит жизнь команды. Волна, она только с виду ласковая да мягкая...

— Это романтика, Леша, — письма, конверты, а сама-то работа?

— Разница, конечно, есть. Здесь я на ставке, получаю за часы. Тариф по разряду, премия от общего плана и уральские — на булку с маслом хватает. Работай — не работай, а деньги идут. Только у нас, сам видел, не наотдыхаешься. Работы много, а сварщиков трое. Случается, и сверхурочно посидишь, тоже не задаром, понятно, а бывает, что и всю смену перекуриваем — работы нет. Но это пореже. Здесь я вроде свободного художника, а на судозаводе был рабочим массовой профессии. Как станочник, но высшего класса. Иначе нельзя. Там сварщиков сотни три. Сварщики да судосборщики. Народ собран в бригады, работали на две смены. Фронт работ открыт на десять лет вперед, только поворачивайся. Мастер дает задание бригадир, а бригадир и сам все знает. Работа там на метры считалась, и контроль. Здесь у меня механик или шофер работу принимают, а там ОТК. Ходит, понимаешь, с приборчиком и каждый сантиметр рентгеном просвечивает — гамма-спектральный метод называется. Глаз, конечно, алмаз, но и техника — это тоже... Все на фотографии, по белому полю черные точки, чуть где трещинка, сразу видно. Брачок если, вырубай, вари заново, а время идет. В бригаде у нас строго было — перекуривать, так все разом, и правильно это — работа на всех одна... Смену закончил, робу в шкафчик, сам в душ; при галстучке — хоть в клуб, хоть на танцы. Дисциплинка-то — она сначала с непривычки жмет, а втянешься — ничего. Сам понимаешь, что так лучше.

Мы ПТУ закончили — все честь честью. Теорию знаем, варить уме-

ем, разряд нам присвоили — второй. Пришли на завод, распределили нас по бригадам. Я, знаешь, тогда думал, что о сварке все знаю. Ну, что тут особенного? Подключил трансформатор, проверил, что положено, и вари. Варим. Брак есть, нормы нет, а все на счет бригады записывается. Бригаде не выгодно, так завод первый год по пятьдесят процентов нам за неумение доплачивал и еще полгода — по сорок. Так и маялись с нами.

— Тяжелая работа, — посочувствовал я.

— Тяжелая, — согласился Лешка, — и на высоте, и под водой, и в мороз, иногда в такой позе, что только в цирке показывать, но, главное, голова нужна. Это не на трубе играть, хотя и там тоже... Я что хочу сказать, — Лешка вдруг загорелся, — практика нужна, опыт, умение, одним словом, но тоже — иной десять лет варит, и сварщик из него никакой, а другой сразу — как песни поет. Я вот варю и о работе не думаю. Я ее чувствую. Ты меня спроси — как, я не отвечу. Чутье, что ли? Конечно, в учебнике все есть, там — и про режим, и про электроды, про зазор, про цвет, длина дуги там... Что, где, когда. Без теории сварщиком не станешь. — Он улыбнулся. — Я через месяц одиннадцатый класс кончаю. На заочный пойду, в институт.

— На очном лучше...

— Может быть. Только я себя связывать не хочу. Вот махну на Север... Хорошие деньги еще никому не помешали. Приеду, буду тебя на «Жигулях» возить за ягодами. А то что толку от твоей тархателки. Какой на мотоцикле комфорт?

— А я слышал, тебе квартиру дают.

— Комнату в общежитии.

— А вообще у вас как с квартирами?

— В колонне-то? С квартирами, как везде, живая очередь. А в Перми бы я уже получил, там бы у меня стаж вместе с армией считался, и завод богатый. А не уйдет она от меня — квартира-то.

Я согласно кивнул. Конечно, подумалось, такому везде место. Специальность у Алексея ходовая, руки золотые, голова на плечах. Крепко на ногах стоит.

Бей в цель!

Валерий
ПАНАЧЕВ

мастер спорта

Рисунки
М. Паукера

Совсем немного времени остается до открытия Олимпиады-80 в Москве. Закончились соревнования VII Спартакиады народов СССР, где выступили 2000 зарубежных гостей — посланцы пяти континентов. Соревнования эти — своего рода репетиция XXII Олимпийских игр. А на предыдущих советские стрелки завоевали 14 золотых, 18 серебряных, 17 бронзовых.

Сам я участвовал в четырех Спартакиадах. Мне хочется рассказать читателям журнала о зарождении стрелкового оружия и оружейного дела, о своем любимом виде спорта — пулевой стрельбе и о выдающихся снайперах Урала.

Когда на Урале прозвенела первая стрела? Луки, как явствуют раскопки, появились уже в каменном веке, хотя находки их чрезвычайно редки — мастерились-то они из дерева, а оно не очень сохранно. Самые древние луки найдены в Шигирских и Горбуновских торфяниках Свердловской области.

Как же пользовались этим грозным оружием?

Техника стрельбы из лука в различные времена и у разных народов существенно отличалась. Египтяне, персы, индусы, русские, французы, германцы и англичане били из луков, натягивая тетиву к правому уху, а римляне и греки тянули ее к груди.

Изобретение огнестрельного оружия не поколебало авторитет лука. Пока солдат «забивал заряд», лучник успевал выпустить несколько стрел, да и дым застилал ружьеносцу все вокруг, оглушал грохотом. Тихий же лук не пугал даже зверя. Кстати, соревнования между лучниками и ружьеносцами проводились издавна. Последние из них прошли в Англии, в 1792 году. Били на дистанцию 91 метр, по 20 выстрелов. В мишени оказалось 16 стрел и только 12 пуль — и это в конце XVIII века! Неудивительно, что столетием раньше лук в руках искусного стрелка был гораздо опаснее ружья.

Первыми отказались от лука французы. В 1527 году специальным

указом были распущены отряды лучников, а стрелу объявили непригодной для военных действий.

Но во многих армиях лук существовал еще два столетия. В регулярных войсках России его официально отменил Петр I. И скоро лук взяли на вооружение спортсмены. В 1900 году состоялись первые соревнования.

А как же ружье? Первое упоминание об огнестрельном оружии относится к XIV веку. В 1382 году, спустя два года после Куликовской битвы, москвичи защищались от татар самострелами и пушками. После падения Казанского ханства (1552) русские ратники все чаще заходят на Урал. В 1558 году Григорий Строганов, сын крупного солевычегодского солепромышленника Аникия Строганова, получил первую жалованную грамоту от Ивана IV на земли по берегам реки Камы от устья Лысьвы, в районе Соликамска и вниз до реки Чусовой. В обязанность Строгановых вменялось строить укрепленные городки, содержать ратных людей.

В 1579 году Строгановы приглашают на службу волжских казаков во главе с Ермаком. Вот его-то по праву можно считать первым уральским снайпером.

В сентябре 1581 года небольшой, в 500 человек, отряд Ермака двинулся из Нижнего Чусового городка в Сибирь. Дружина с боями прошла по рекам Туре, Тавде, Тоу

болу и наконец 26 октября 1582 года взяла город Кашлык, разгромив войска хана Кучума.

Ратные успехи метких ермаковских стрелков дали возможность начать освоение подземных богатств Урала.

В 1697 году начальник Сибирского приказа А. А. Вinius доносил Петру I, находившемуся тогда за границей: «Я сыскал зело добрую руду из магнита, железную, какой лучше быть невозможно и во всей вселенной не бывало, чтоб из магнита железо плавить, при том же богатая и так мягка, что можно пушки и мозжары (мортиры) плавить».

Уральское железо привезли на пробу оружейникам. В 1700 году Никита Демидов, один из знатных мастеров, указал, во что обойдется фузея (ружье) с ложем, замком и прибором (в 23 алтыни 2 деньги), и добавил, что «шпаги и багинеты ценно по чему станоятца, он не ведает, потому что у него не делают».

Демидов дал также свое заключение о качестве уральского железа.

«Оружейный мастер туленин Микита Демидов, смотря того железа в Сибирском приказе, сказал, что то железо самое оно доброе и с сталью будет лутче свийского. А то-де железо дело ручное, а есть ли бы делано было железными большими заводами, и то б железо было лутче и того, и в оружейное и во всякое дело годитца. А буде то железо пойдет на пушечное литье, и то железо будет в пушках крепко против меденных, только были (бы) у чугунного дела добрые мастера, от того пушечного литья прибыль великая живет».

11 сентября 1698 года Петр I издал указ, в котором предлагал строить на Урале заводы. На Каменский завод были посланы станочного дела мастера с семьями, с поручением делать там ружейные станки и обучать других рабочих.

Домну Каменского завода задумали в октябре 1701 года. А в декабре 1701 года на Каменском заводе отлили 3 пушки и 2 мортиры.

Первая уральская артиллерия, показанная в Москве в марте 1702 года, состояла из 5 пушек, 56 ядер к ним и 2 мортир с 19 бомбами;

вместе с ними прислали 6 ружей и 6 мушкетов. Пробную стрельбу производили торжественно. Из двух пушек стреляли без ядер пыжами, и результаты оказались отличными.

«И те пушки от той стрельбы устояли и повреждению никакова не учинились». В тот же день «по указу была стрельба на поле ядрами в мишень». Дали пять выстрелов из двух пушек: в трех случаях из двух пушек ядра попали в мишень, два раза пролетели мимо, а одним выстрелом «кубило в правую сторону немчина в руку». Можно считать точные попадания первыми снайперскими выстрелами уральского оружия. Оно понадобилось, когда рабочий люд стал выступать за свои права. Так, в июле 1703 года около 700 вооруженных крестьян подошли к Кунгуру. Воевода приказал открыть огонь по восставшим из пушек и ружей. Крестьяне не разошлись и продолжали осаду города до 23 июля. В этот день воевода А. Калитин с верхотурскими служилыми людьми и стрельцами бежал из Кунгура в Сергу.

В 1773 году Урал стал основным районом Крестьянской войны под предводительством Пугачева. По свидетельству билимбаевского горного пищика Верхоланцева, в бою 20 января 1774 года И. Н. Белобородов удивил всех своим искусством стрельбы из пушки.

Войска атамана заняли Иргинский, Билимбаевский, Шайтанский, Уткинский и другие заводы. Екатеринбург оказался в кольце. На некоторых заводах — Воскресенском, Авзяно-Петровском, Ижевском — начали производство оружия и боеприпасов для восставших.

Повстанческие войска получили с заводов в декабре-январе до 108 пушек, свыше 340 ружей, много ядер, гранат, картечных снарядов, патронов.

За артиллерией пристально следил сам Пугачев. Он лучше всех «знал правило, как в порядке артиллерию содержать, и пушки, и прочия оружия большей частью наводил сам». Не случайно артиллерия пугачевской армии по количеству и качеству боевого огня часто не уступала артиллерии карательных войск, а нередко даже превосходила ее.

Без этого повстанцы не смогли бы в течение длительного времени осаждать крупные гарнизоны Оренбурга, Уфы, Яицкой и Верхне-Яицкой линий и многие другие укрепленные пункты, разбить войска генерала Кара, полковника Чернышева, успешно противостоять наступлению генерала де Колонга, прерывать коммуникации, вести многочисленные сражения с генералами Голицыным, Мансуровым, Фрейманом, подполковником Михельсоном.

В 1607 году в грамоте Шуйского в Пермь Великую велено было собирать 70 человек ратных людей. Указ воеводе гласил: «А собрал бы ты еси тех людей ратных, которые б были собою добры и молоды и резвы и из луков и из пищалей стрелять были горазды».

Почему такие особые требования к ратникам? Оружие в Древней Руси называли пищалами. Так назывались даже артиллерийские орудия.

Ручные пищали имели железный ствол, укрепленный с помощью железных колец и шурупов в деревянном ложе с прикладом. Были пищали ручные, или ручницы, служившие оружием нашей рати; пищали завестные, носимые на ремне за спиной и служившие оружием конной рати; пищали затинные, применявшиеся в крепостях. Носить такое оружие и выдерживать сильную отдачу при выстреле могли только самые сильные люди, хотя для смягчения удара при стрельбе на правое плечо надевалась кожаная подушка.

В те времена один меткий залп мог решить исход битвы. В первой половине XVI столетия появились мушкеты — фитильные ружья весом 6—8 кг (столько же весит современная спортивная произвольная винтовка!). Стрельба из мушкета могла вестись только с упора, со специальной подставки — подсошки. Русский же стрелец для подпорки под пищаль использовал бердыш, с которым он в случае надобности мог идти в атаку. В стрельцах служили всю жизнь. Затем это искусство переходило к детям и внукам. И это неудивительно, так как сам процесс производства выстрела был весьма сложен. Мастерство оружейников

совершенствовалось и руками уральцев. Были, например, изготовлены новые фузеи. Вот как оценила качество уральских фузей строгая комиссия.

«Фузеи отлично выдержали испытания и даже превосходили по качеству иностранное оружие. Они были «свидетельством и простреливаны» мастерами оружейного дела, которые сказали, что «те стволы мастерством с лица против немецкого доброго ружья, а внутри чищены и правлены на струну и немецкого направленного оружия лучше, потому что немецкого нутря направлены...»

В 1857 году Комитетом по улучшению штуцеров и ружей проводилось испытание ружейных стволов из литой уральской стали.

В Екатеринбургском временном ружейном отделении и были изготовлены 12 стволов, которые подвергли сравнительным испытаниям вместе со стволами Круппа. При усиленной пороховой пробе стволы Круппа давали разрывы с зарядами в 38 граммов с 5 пулями и 5 пыжами, а уральские стволы разрывались лишь с зарядами в 47 граммов с 7 пулями и 7 пыжами. Сталь Пермского и Обуховского заводов и Князе-Михайловской (Златоустовской) фабрики по всем показателям превосходила иностранную. Много новшеств в производство ружейных стволов внес талантливый уральский механик Собакин, работавший в начале XIX века на Ижевском заводе. Он создал целую серию специальных станков для обработки ствола, в том

числе высокопроизводительный шустовальный станок, обрабатывающий 16 стволов одновременно. Ижевский завод сразу стал выпускать до 30 тысяч ружей в год. Уже в 1866 году на Ижевском заводе установили станки для глубокого сверления стволов из сплошных стальных болванок, что говорит о высоком уровне оружейного мастерства уральцев. В 1856 году утвердили образец 6-линейной винтовки (капсульной, заряжаемой с дула). На Всемирной выставке в Париже в 1867 году по качеству выделки она превзошла все представленные образцы.

В 1870 году на вооружение русской армии была принята скорострельная винтовка системы Бердана 2, которая служила русской армии два десятка лет, до 1891 года, когда появилась скорострельная магазинная винтовка С. И. Мосина. Началось массовое производство этого прекрасного оружия. При двадцатичасовой работе в сутки оружейные заводы России должны были изготовить до 500 тысяч винтовок, в том числе Ижевский — 200 тысяч. На парижской выставке 1900 года винтовку Мосина, сделанную уральскими мастерами, отметили высшей наградой.

Пригодилась винтовка рабочим в 1905—1907 годах!

Большевистская организация Екатеринбургa, выполняя решения III съезда партии о подготовке вооруженного восстания, создала осенью 1905 года боевые дружины рабочих.

В подвале маленького домика на нынешней улице Радищева, 27, в чемоданах хранились разобранные винтовки, присланные из Вятки. Другой склад расположили в квартире большевика К. Суханова по улице Куйбышева, 65. Екатеринбургская дружина насчитывала в 1905 году до 300 человек. Владеть оружием учились в лесу, у Генеральских дач.

Была, по рассказу старейшего коммуниста П. З. Ермакова, подпольная школа боевиков. Она помещалась в доме по улице Тихвинской, 14 (ныне улица Хохрякова, дом этот в 30-х годах былстроен в здании фабрики «Спортбувь»). Собирались по ночам человек 20—25. Главный штаб дружины находил-

ся в помещении «Общества Уральских горных техников» на Тарасовской набережной (ныне улица М. Горького, 13). Здесь были сосредоточены основные силы дружины и оружие.

После революции 1905 года полиция начала отбирать оружие у населения Пермской губернии, объявленной на положении чрезвычайной охраны от 12 декабря 1905 года. Только в одном городе Кунгуре, например, изъяли 1781 револьвер и 5736 патронов.

Начались крупные провалы... Рано утром 9 июня 1906 года полиция арестовала Владимира Касьянова. На его квартире по Соликамской улице Перми находилась химическая лаборатория и склад метательных бомб. Полиции удалось захватить там восемь снаряженных бомб, бертолетову соль, различное оружие, девять снарядов для пушки Гочкиса.

В тот же день в Мотовилихе на квартире молодого боевика Гавриила Мясникова полиция обнаружила ударники для бомб, печать Мотовилихинского комитета РСДРП, несколько сотен листовок. Стрелки-дружинники уходили в леса...

22 апреля 1918 года ВЦИК принял декрет об обязательном обучении всех трудящихся военному делу. Уральцы горячо откликнулись на декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!», написанный В. И. Лениным.

...Один из первых стрелковых кружков на Урале организовался в 1926 году при клубе строителей

Свердловска. Руководил им Иоган Елистратов. На первом занятии собралось пятнадцать человек, среди которых была только одна женщина — Зоя Нестерова, которая и сейчас живет в Свердловске. «Стреляли» из специального станка, отмечая карандашом точки попадания. Сами придумали эмблему кружка — на левом рукаве нашли желтые треугольники, в центре которых изобразили мишень и две перекрещенные винтовки. Может, кто из старожилы Свердловска и помнит молодых ребят и девчат, ходивших с такими знаками. До 1929 года везде на тренировки и репетиции ходили пешком. Появились в городе автобусы и трамваи. Зоя стала вагоновожатой, учила уже других стрелять в кружке Дворца пионеров и школьников. Лучше ее никто в те годы в Свердловске не стрелял. Стрелковый сектор Уралосоавиахима направил Зою зимой 1930 года в Москву за высшим стрелковым образованием в только что открывшуюся школу снайперов.

Занятия были насыщенными: упражнения в стрельбе из пулеметов «Максим», «Дегтярев», револьвера «Наган» и различных винтовок. Зоя довольно легко овладела всеми видами оружия и первой в школе сдала норматив боевого стандарта, получив звание «снайпера, инструктора-организатора и руководителя по снайпингу».

Ей, как лучшему стрелку школы, предлагали остаться инструктором, но она хотела побыстрее вер-

нуться в Свердловск. Скоро она участвует в отборочных соревнованиях на Берлинскую спартакиаду. Готовились к этим первым снайперским дуэлям напряженно. Советский Союз должен был выставить команду стрелков: четырех мужчин и женщину. На стрельбище в Вешняках собралось около ста лучших стрелков страны. Уральский снайпер завоевала первое место, с честью выдержала жесткий конкурс.

Начали готовиться к поездке в столицу Германии. Членам команды сшили и подогнали новое обмундирование: шерстяные гимнастерки, брюки и фуражки. Но поездка не состоялась, так как правительство Германии не разрешило въезд нашим спортсменам.

Второй и последний выпуск Свердловской школы мастеров состоялся 2 марта 1934 года.

Может, кто-то из читателей встречал женщин с удивительным значком на груди. На гвардейской ленте прикреплен квадратик блестящего металла, на котором изображены две девушки в солдатских касках, а под ними — две перекрещенные снайперские винтовки. По краям значка идет надпись: «Центральная женская снайперская школа. 1942—1945».

В мае 1942 года была создана эта необычная школа. В первом наборе в числе 490 девушек было много уральских девчат. По неполным данным, выпускницы школы уничтожили около 11 300 фашистских солдат и офицеров. Среди истребителей-снайперов добрая молва шла о метких стрелках Урала. Достаточно сказать, что три уральских снайпера стали Героями Советского Союза: Т. Барамзина, В. Зайцев, В. Медведев, а остальные вернулись домой с боевыми наградами. А сколько нужно было знать настоящему снайперу, чтобы бить без промаха!

Многие думают так: прицелился, надавил на спусковой крючок — и фашист готов. Какой прицел брать, поправку на ветер учесть, вынос на сколько сделать, да расстояние точно до цели определить... Для этого отточенный нужен глазомер, отличное знание геометрии, физики...

Пуля в полете вращается сле-

ва направо и дает отклонение вправо: на расстоянии шестьсот метров — двенадцать сантиметров, на восемьсот — уже двадцать девять. А если сильный боковой ветер, да враг бежит, петляя в разные стороны, тут как? А время на выстрел дается ничтожное, какой-то миг, который множится на высокое мастерство и опыт снайпера.

Особенно высоки эти качества при боевых снайперских дуэлях. Тут победа будет на стороне более грамотного и тренированного бойца.

В таких поединках высоко проявлялось снайперское искусство уральцев. Так, Василий Григорьевич Зайцев провел одиннадцать дуэлей с фашистскими снайперами.

В Центральном музее Вооруженных Сил СССР за стеклянной витриной в секторе десятого зала, посвященном Сталинградской битве, экскурсанты внимательно осматривали снайперский прицел. Я тоже невольно заинтересовался такой стрелковой принадлежностью. На прицеле выделялось клеймо фирмы: Карл Цейс, Иена. Прицел был явно трофейный. За этим прицелом — один из самых захватывающих эпизодов истории снайперского движения в годы войны. Этот прицел стоял на снайперской винтовке фашистского снайпера, прибывшего в Сталинград со специальным заданием, чтобы лично выследить и убить Зайцева. Но посланец Гитлера начальник берлинской школы снайперов, «супер-снайпер» майор Конинте проиграл дуэль с уральцем. А прицел стал экспонатом музея.

Еще о двух встречах в музеях нашей страны мне хочется рассказать. Первая произошла в Минском государственном музее Великой Отечественной войны. Есть там прекрасно выполненная диорама «Минский котел», на переднем плане которой искусно сделан блиндаж. В блиндаже находятся раненые бойцы, среди которых находится Татьяна Барамзина. Художники отобразили самый кульминационный момент, когда разъяренные фашисты пытаются уничтожить безоружных раненых. Но путь им преграждает снайпер Таня, в упор расстреливая ненавистных врагов...

Вторая встреча — в Кировском областном краеведческом музее. Там тоже около снайперского экспоната собралось много экскурсантов. Они с большим интересом осматривали «доспехи» легендарного уральского снайпера Николая Ивановича Галушкина: снайперскую винтовку № 3947, маскировочный халат, фронтовые дневники. На пластинке, привинченной к ложе винтовки, высечена цифра: «418». Столько было положено фашистов...

Отремела война. Сборная команда Свердловской области в составе мастеров спорта Б. Шалавина, В. Матвеева, А. Грязнова, Н. Мамаева, Н. Харитоновна, Л. Филиных, Р. Милыева завоевала звание чемпиона РСФСР 1946 года. Все последующие годы уральцы всегда оставались грозными соперниками в соревнованиях любого ранга. Яркие победы в летопись снайперской славы уральцев вписали заслуженные

мастера спорта И. Никитин, Н. Столярова, Р. Сулейманов, В. Торшин, мастера спорта СССР международного класса А. Поддубный, В. Расковалов, Е. Рошупкин, В. Маргасов, А. Кропотин, Е. Князев, М. Зюбко, В. Гер, Н. Губина, И. Бакалов, мастера спорта СССР Л. Молодцова, Л. Шамаков и многие другие. Каждый из них прошел своим путем к достижению вершин в спорте. Но пока еще никому из уральцев не покорился Олимп. Нет среди наших знаменитейших на весь мир чемпионов и рекордсменов ни одного обладателя золотой олимпийской медали по пулевой стрельбе. Правда, можно только косвенно рассматривать олимпийского чемпиона Г. Косых, родившегося в Уральске, как залог будущих побед.

Кандидатами в олимпийскую сборную 1980 года являются В. Торшин, М. Зюбко, В. Маргасов, Н. Соколов. Конечно, старты Спартакиад народов СССР выявят еще много новых талантливых снайперов Урала. Ведь именно в таких соревнованиях раскрылся спортивный талант неоднократных чемпионов мира и уральских олимпийцев В. Чуяна, И. Бакалова, Р. Сулейманова и В. Торшина. Только двум из них удалось завоевать в труднейшей борьбе нервов медали олимпийской пробы. Бронзовыми призерами Олимпиады стали Р. Сулейманов в Мехико и В. Торшин в Мюнхене. В. Торшин стрелял и в Монреале, а сейчас претендует на участие уже в третьей Олимпиаде. Он является рекордсменом в этом отношении среди

уральских снайперов. Дважды выступал на Олимпиадах в скоростной стрельбе из малокалиберного пистолета по пяти фигурным мишеням свердловчанин И. Бакалов, но, к сожалению, возвращался на Родину без наград.

За всю историю современного олимпизма небывалый рекорд принадлежит Оскару Свану и его сыну Альфреду. На их семейном счету 15 олимпийских наград (в том числе 6 золотых!), завоеванных на четырех Олимпиадах с 1908 по 1924 год.

Оба они специализировались в стрельбе по «бегущему оленю» (сейчас это упражнение пулевой стрельбы исключено из программ Олимпиад), однако одну медаль — бронзовую — Альфред Сван получил за стрельбу на траншейном стенде. Как видите, снайперы могут прекрасно стрелять и из ружья. Сама коллекция Сванов является уникальной. К этому мне еще хочется добавить то, что швед Оскар Сван был самым пожилым олимпийским чемпионом. На играх 1912 года он выиграл золотую медаль в стрельбе по «бегущему оленю». Ему было в то время шестьдесят пять лет! Любопытно, что спустя... восемь лет он же стал серебряным призером Олимпиады. Поистине удивительное спортивное долголетие!

Олимпийский чемпион А. Богданов в интервью с журналистами подчеркнул, что практически чемпионом в стрельбе может стать любой человек — были бы любовь к делу да настойчивость. Интервью прочитал американский священник Гарн Андерсен. В тот день он опоздал к своим прихожанам, потому что отправился в местный стрелковый клуб. Андерсен, как известно, стал двукратным олимпийским чемпионом — выиграл в Токио и Мехико!

Может быть, кто-нибудь, прочтя этот материал, тоже начнет свой путь на олимпийский огневой рубеж. Ну что ж, ни пуха, ни пера, как обычно напутствуют друг друга стрелки.

Мастер ружейных узоров

Евгений ШУМИЛОВ

В ноябре 1945 года в поверженном Берлине оказался рабочий паренек с Урала. Звал он себя Лёсей. Очевидно, скромному граверу, делавшему первые шаги по тернистому пути искусства, казалось слишком уж величественным его полное имя, напоминавшее о великом итальянском мастере. Впрочем, как сказать...

Через два десятилетия ижевские граверы-оружейники полшутливо, но со значением называли народного художника Удмуртской АССР Леонарда Михайловича Васева нашим Леонардо. Действительно, он стал основоположником и крупнейшим представителем ижевской граверной школы. Мастер удивительно многогранный, талантливый и, по сути дела, никем не превзойденный как среди ижевчан, так и туляков.

Но вернемся в послевоенную Германию. Группа тульских и ижевских слесарей-сборщиков, граверов прибыла туда на стажировку. Пришло время вместо боевых винтовок наладить производство охотничьих ружей. Требовалось освоить много нового, особенно в области декора.

Л. М. Васева специальным приказом отправили в Зуль. Этот город на юге Германии, в Тюрингии, издавна славится как одна из мировых столиц охотничьего оружия. В XIX веке здесь были основаны оружейные фирмы, впоследствии ставшие широко известными. Наибольшее признание получила фирма «Братья Неркель», основанная в 1898 году.

Лёся Васев был послан в Германию далеко не случайно. Незадолго до того он закончил оформление двустольного охотничьего ружья «ИЖБ-36». Все изобразительное решение его подчинено теме великой Победы, только что одержанной советским народом в битве с фашизмом. Ружье скромно, строго, но до-

статочно торжественно. Здесь и символ социалистической Родины — Московский Кремль, и мчащиеся на врага танки, самолеты, корабли... Работу Васева сразу заметили и по достоинству оценили.

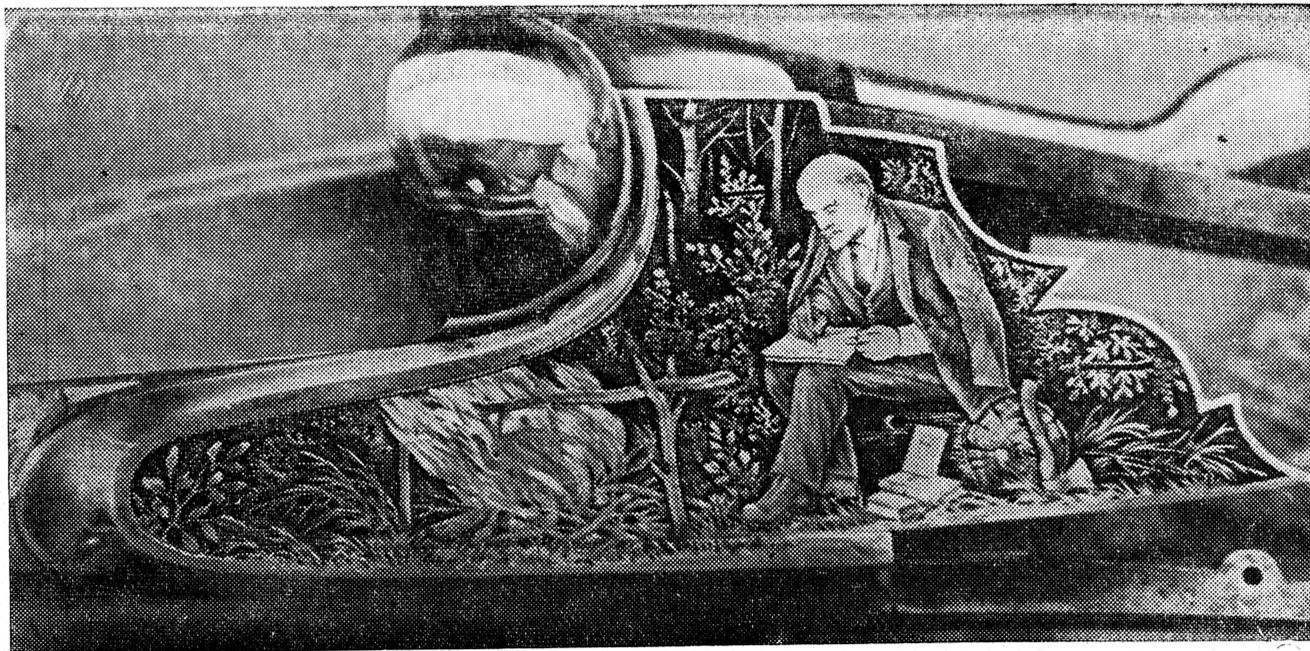
Пытливо, дотошно познавал юноша под руководством мастера Пауля Грейфцу секреты граверного искусства немецких мастеров, изделия которых удивляли Европу еще в средние века. Многого дало ему и знакомство с инструментарием.

По окончании стажировки Лёся получил от фирмы пышно оформленное свидетельство, в котором особо отмечались способности ученика: секреты мастерства, которым полагалось обучать три года, он освоил всего за 5 месяцев.

Для стиля ружей «Меркель» характерен пышный, часто спиралевидный узор, покрывающий сплошь всю коробку. Охотничьи сцены экспрессивны, динамичны. Однако высокое профессиональное мастерство немецких граверов оказывалось зачастую холодным. Работы же Л. М. Васева и лучших его учеников — А. А. Лекомцева и В. М. Белобородова всегда жизненны, реалистичны.

Картины ижевских златокузнецов-оружейников размером всего-то с почтовую марку, а требуют недель и месяцев кропотливого труда. Под неумолчный перестук молоточков гравер тут же, в мастерской, делает первые наброски и графические эскизы, затем иглой переносит основные линии своей композиции на сталь ружейной коробки. Особыми резцами и сечками по этим линиям пробивают канавки, в которые всекают золото, серебро или их сплавы. Под конец осторожно срезают заусенцы, полируют и термически обрабатывают все изделие, что значительно украшает фактуру. Ижевчане научились

«В. И. Ленин в Разливе».
Фрагмент «монреальского» ружья

закреплять на ружейной стали разноцветные эмали и делать своеобразную имитацию филигранный.

Открытие Васева — техника многоцветного гравирования. Суть его в особо прочном, красном и экономичном способе закрепления драгоценных металлов в канавках сложного профиля, а также в использовании скрытых колористических эффектов сплавов. Золото и серебро, будучи соединены в разных пропорциях и с определенными добавками других металлов, дают желтые, белые, красные, оранжевые, зеленые тона. Ижевчане научились достигать металлическими красками акварельной плавности перехода нежных оттенков, так что всецелые нити и кусочки сплавов после полировки сливаются в одно колористическое целое.

В украшении охотничьего оружия, да и вообще в искусстве художественной обработки металла, васевский способ живописи металлом по металлу совершил настоящий переворот. Краски вечернего неба, шкур зверей, поблескивающей воды, зеленой листвы — все это оказалось возможным передать умело расположенными и хитроумно закрепленными нитями и кусочками сплавов.

Будучи страстным охотником, художник в совершенстве изучил повадки лесных обитателей. Незамысловатые сценки из жизни животных сделали ружья Л. М. Васева особенно дорогими сердцу каждого охотника. Глухарь на сосне, бегущий заяц, куропатка в траве, взлетающие утки, ревушие в чаще лоси, выслеживающая добычу лиса, вспугнувшая дичь собака... — все эти эпизоды, подобно камешкам мозаики, складываются в эпическое повествование о богатстве и красоте русской земли.

Художник воплощает емкий образ родной природы, вводя в рисунок стремительные росчерки стилизованной травки или штрихи колосьев пшеницы, дубовых, виноградных, кленовых листьев. Легко, с необыкновенной щедростью создавал он свои декоративные фантазии, такие, например, как знаменитый «мороз», так поразивший в 1957 году тульских умельцев.

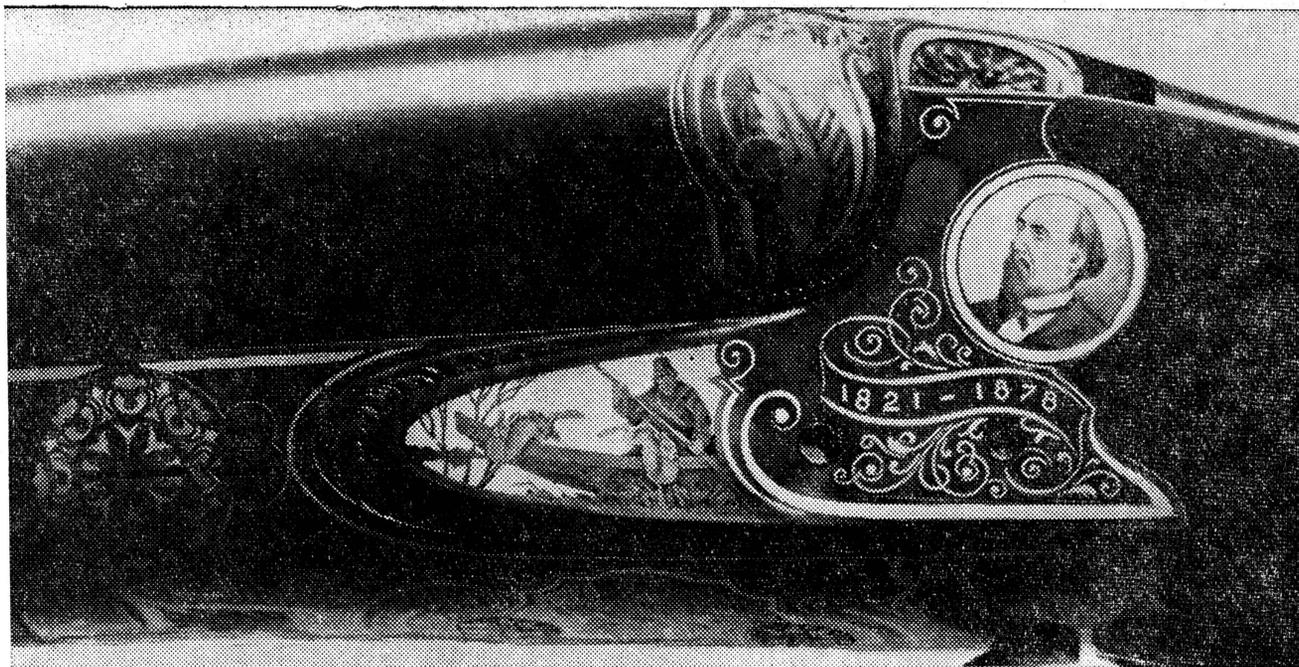
Пушистые узоры, отливающие на свету голубовато-серым серебром, охватили ружейную коробку, поползли по спусковой скобе, закинули свои ветвистые отростки и на вороненые стволы. По этому фону прочеканены тронутые золотом фигурки бегущего

зайца и вспорхнувшей куропатки.

Л. М. Васев разработал специальные миниатюрные чеканы с полосками. Нанесенные ими тончайшие риски, отражая свет своими полированными гранями, и создают поэтический, неуловимый, искрящийся «мороз». Металл заиграл перламутровыми переливами, всеми красками бодрящего русского мороза.

В короткой биографии Л. М. Васева (1927—1972) нужно выделить работу над юбилейными ружьями. Это такие шедевры, как ружье «Иж-54», посвященное В. И. Ленину и 50-летию Октября, ружье «Иж-26Е», рассказывающее о 50-летнем пути Удмуртской АССР, и два ружья «Иж-54», посвященных 150-летним юбилеям И. С. Тургенева и Н. А. Некрасова.

Оригинально художественное решение ружья, посвященного юбилею Удмуртской АССР. На нижней плоскости изображение молодой женщины в национальном костюме, олицетворяющей Удмуртию, а на спусковой скобе отражены достижения в области науки, искусства, литературы. Главные, боковые плоскости ружейной коробки гравированы не символическими атрибутами, а

Оформление ружья «ИЖ-54»

конкретными изображениями многочисленных представителей флоры и фауны республики. Дело в том, что для Л. М. Васева, глубоко и нежно любившего неяркую уральскую природу, мысль об исторических свершениях советского человека была неотделима от стремления сохранить все богатства родной природы.

Одно из ружей Васева хранится в Оружейной палате Московского Кремля. Среди представленного там советского оружия это один из наиболее высокохудожественных экспонатов. Оценить по достоинству работу опытного слесаря-сборщика Л. Я. Пахомова — необыкновенно тщательную отделку механизма и отточенность форм — могут, пожалуй, только конструкторы и охотники, зато удивительная поэтичность и праздничность оформления ружья, классическая завершенность композиции и точность рисунка очевидны самому широкому зрителю.

Получив юбилейный заказ, Л. М. Васев решил главное внимание уделить образу основателя советского государства.

Художник решил отразить те эпизоды из биографии вождя, которые позволяют ввести пейзаж. На

левой плоскости ружейной коробки В. И. Ленин изображен у шалаша в Разливе за работой. Вся сцена по площади очень мала, но так насыщена выразительными деталями, жизненна по цвету, что производит впечатление настоящей картины. Художнику удалось создать запоминающийся, романтический образ, передать особое настроение перед грядущим рассветом Октября. Трепетные языки пламени костра освещают мрачную чашу вдали, бросают блики на лицо задумавшегося Ильича.

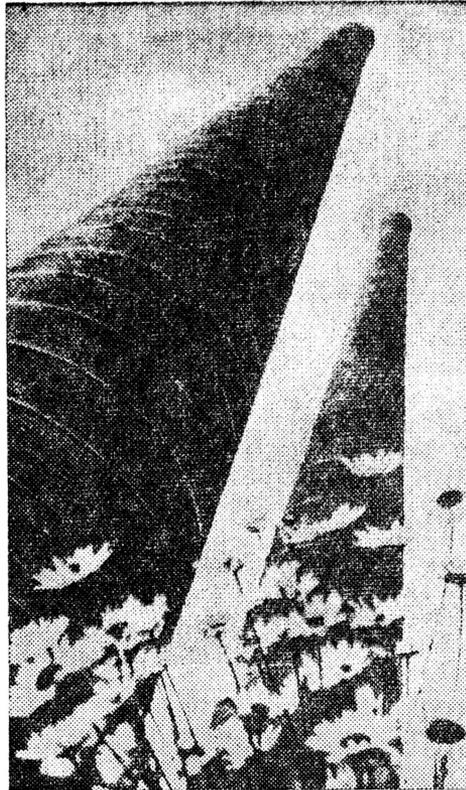
Просветленным лирическим настроением отличается композиция, где В. И. Ленин изображен в редкие часы отдыха, уже в последние годы жизни. Он стоит в свободной, естественной позе на краю рошницы, тронутый красками осени, и, забыв о двустволке, словно впитывает в себя краски, звуки и запахи родной природы.

Ижевский мастер оформил все ружье как сложное организованное целое, в котором каждая часть играет особую роль. На металле художник разместил атрибуты современной жизни нашего государства — приметы космической эры, строительные краны, мачты ЛЭП, жилые дома.

А венчает все советский герб, выполненный с замечательной тонкостью из сплавов золота и серебра. Связывают все плоскости гирлянда листьев дуба и лавра и динамичные росчерки пшеничных колосьев.

Поворачивая ружье под разными углами к свету, испытываешь удивительное ощущение: оттенки цвета вспыхивают, гаснут, перетекают один в другой. Металл словно живет своей загадочной и неуловимой жизнью.

Потребовалось почти два года напряженных творческих поисков, десятки эскизов, сотни зарисовок и контрольных проверок на увеличенные, прежде чем уникальное ружье предстало перед посетителями Всемирной выставки в Монреале. Через пять лет ижевское ружье было подарено Оружейной палате к 425-летию этой «матери русских оружейников». Только на всевозможных выставках, организованных Кремлевским музеем в разных городах страны, васевским ружьем любовалось более полумиллиона зрителей. Хранитель Оружейной палаты, большой знаток оружия М. Э. Портнов назвал васевское ружье жемчужиной коллекции музея.

Урал на стройке

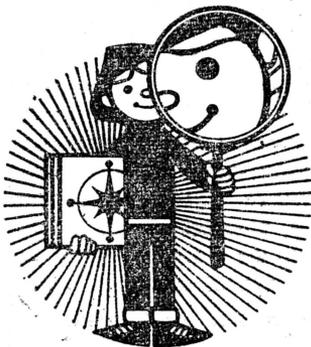
«СССР на стройке» — так назывался большой иллюстрированный журнал 30-х годов.

Фоторепортер Дмитрий Дебабов в 1930 году опубликовал здесь свой снимок «Озеленение Уральского машиностроительного завода». Трубы, снятые снизу, и под ними растут ромашки... Снимок этот актуален и сейчас: проблема оздоровления среды в ней выражена образно и публицистично.

В журнале были отражены все крупнейшие стройки Урала тех лет: Уралнефть, Уралмашстрой, Магнитострой, Урало-Кузбасс, Березники — Соликамск, Челябинский тракторный завод, Уралвагонстрой.

Удачным получился специальный номер о Магнитострое, названный «Гигант и строитель» (1932 год, № 1). Фоторепортер Макс Альперт нашел интересный прием: он проследил за жизнью молодого строителя Виктора Калмыкова от его первого появления на стройке — в лаптях, безграмотного, до той поры, когда тот становится одним из руководителей производства.

На снимках: Д. Дебабов. Озеленение Уралмашстроя; М. Альперт. Гигант и строитель.

М И Р

НА ЛАДОНИ

«Красная книга СССР»

Эта книга имеет подзаголовок, который все объясняет: «Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных и растений».

Млекопитающим, птицам, амфибиям и рептилиям, растениям посвящены четыре раздела. Млекопитающие и птицы разделены еще на две группы — находящиеся под угрозой исчезновения и редкие. В кни-

ге представлены и описаны 62 вида и подвида млекопитающих, 63 — птиц, 8 — амфибий, 21 — рептилий и 444 вида растений.

К сожалению, не успев выйти в свет, «Красная книга СССР» стала библиографической редкостью. Однако первое издание не будет последним: ведь все, что описано в книге, меняется прямо на глазах. Скажем, на территории СССР восстановлена численность лося, сайгака, соболя, лотоса, тиса. Стали уже многочисленными стада гренландского и серого китов, атлантического моржа...

Гумбольдт в Тобольске

«Не можете ли вы дать мне точные сведения о том, под какой широтой лежит самое северное и обитаемое зимой селение в Сибири? Было бы очень интересно узнать также силу магнетизма во время северного сияния среди полярной ночи». Такие вопросы задавал в 1812 году в письме к высокопоставленному соотечественнику на русской службе Ранненкампу великий немец Александр Фридрих Гумбольдт. Он намеревался совершить путешествие через всю Азию — от Екатеринбурга до Камчатки, но война в Европе помешала этому.

В весьма преклонном возрасте, разменяв седьмой десяток, маститый ученый предпринял все же трудное путешествие в Сибирь и на Алтай. В 1829 году Гумбольдт прибыл в губернский Тобольск — самый северный пункт своего путешествия. Ему очень хотелось побывать севернее, попасть на Полярный круг, но осторожные спутники отговорили старого академика от столь рискованного предприятия. Все же он нашел способ удовлетворить свое любопытство. В Тобольске Гумбольдт познакомился с инспектором местной врачебной управы доктором Альбертом, который по служебным делам совершал регулярные поездки в Березов и Обдорск.

Позже Гумбольдт часто писал своему тобольскому знакомцу, задавал ему массу разных вопросов...

Еще одну сторону биографии доктора Альберта небезынтересно отметить. Тобольский врачебный инспектор был родным племянником Шарлотты Буфф, той самой, которую в 23 года безнадежно любил великий Гете и которая в историю мировой литературы вошла под именем Лотты из «Страданий молодого Вертера».

Анатолий ОМЕЛЬЧУК.

Остров деда Мазая

И дед Мазай, и деревня Спас-Вежи, и весенние разливы Волги под Костромой, так живо описанные Н. А. Некрасовым, — все это было в действительности. Сейчас таких половодий нет: рукотворное Костромское море смирило стихию. Но память о широких разливах реки сохранилась не только в истории и литературе. В Костромском музее-заповеднике можно увидеть допотопные строения «на курьих ножках»: избы, баньки, церковь на сваях. Они привезены в Кострому в период строительства Горьковской ГЭС из зоны затопления и положили начало местному музею деревянного зодчества.

Ныне на месте деревни Спас-Вежи сохранился небольшой кусочек суши с двумя вековыми деревьями, получивший у костромских рыбаков имя острова Мазая.

Самый северный

Самым северным населенным пунктом планеты является небольшой поселок Сиопаралук в Гренландии, который находится на расстоянии 1300 километров от Северного полюса. Поселок состоит из 18 домов. Проживающие там эскимсы занимаются охотой и рыболовством. Раз в год сюда прибывает судно с необходимыми товарами. Почта же доставляется раз в месяц вертолетом.

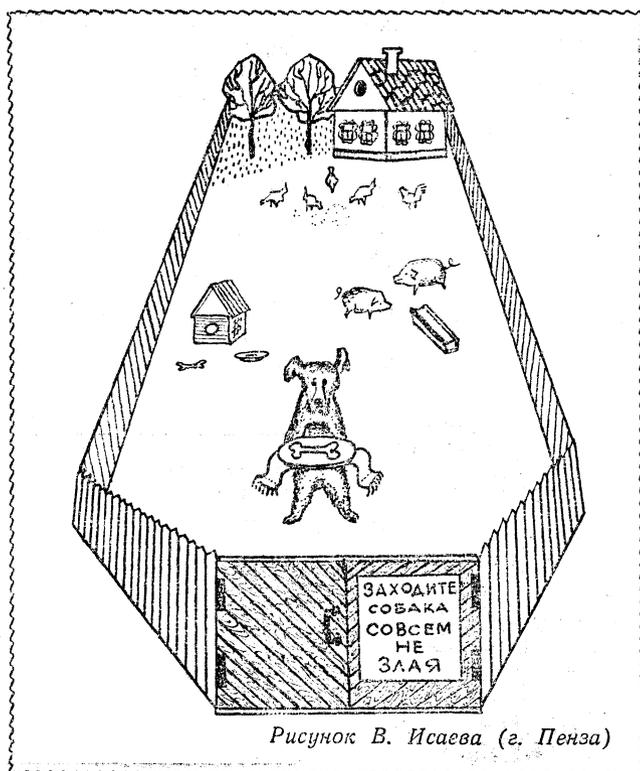
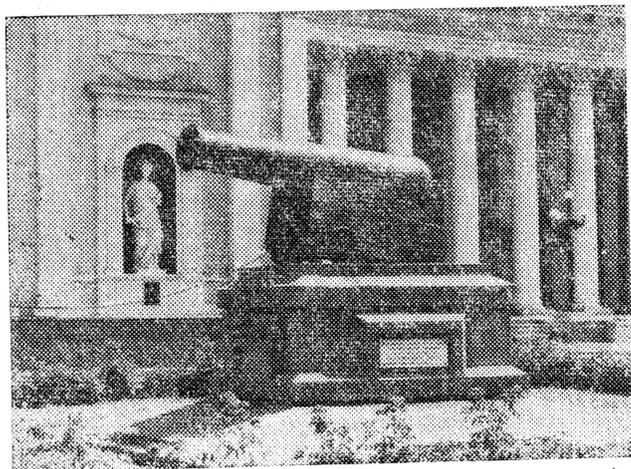

Рисунок В. Исаева (г. Пенза)

Память давних дней

Приморский бульвар любят и одесситы, и приезжие. Именно отсюда простирается гранитная Потемкинская лестница. Но не будем спускаться по ее 192 ступенькам к морю. Останемся на верхней площадке, замыкающей Приморский бульвар. Здесь, у ног древнегреческой богини Цереры, помещенной в боковой нише классического здания Старой Биржи, на деревянном, потрескавшемся от времени лафете стоит старинная пушка — трофей Крымской войны.

10 апреля 1854 года восемь вражеских фрегатов обрушили на береговую батарею № 6 на Практическом валу огонь своих пушек. И солдаты батареи с прапорщиком А. Щеголевым четырьмя орудиями в течение шести часов отбивали атаку кораблей, стрелявших из 350 пушек. Три вражеских фрегата были потоплены.

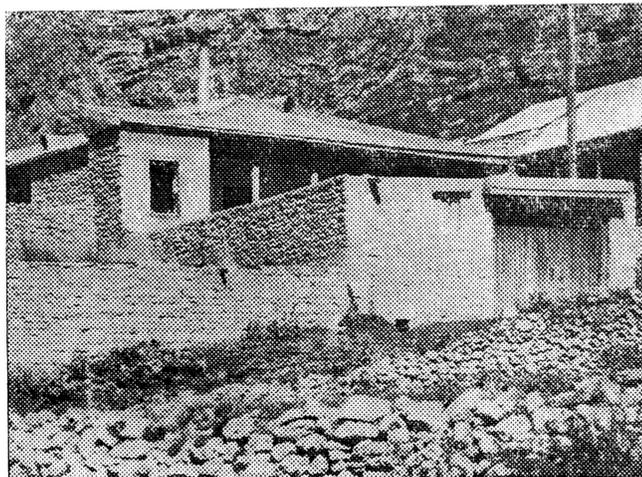
Пушка, украшающая сегодня Приморский бульвар Одессы, снята с затонувшего английского парового фрегата «Тигр».

Сакля Расула

Чтоб у плиты могильной близ аула
Аварцы вспоминали иногда
Аварским словом земляка Расула —
Преемника Гамзата из Цада...

У Расула Гамзатова много стихов, где он вспоминает свой родной аул Цада. Документальный фильм «Мой Дагестан» по сценарию Расула Гамзатова снимали свердловские кинематографисты. В ауле Цада и был сделан этот снимок — сакля, в которой родился знаменитый советский поэт.

На снимке: сакля, в которой родился Расул Гамзатов.

Голубь в океане

Любопытную историю рассказал в газете «Моряк Балтики» помощник капитана теплохода «Михаил Ломоносов» М. Будилов.

Лайнер готовился в ленинградском порту к отплытию в Нью-Йорк. На палубу села стая голубей. Когда теплоход отплыл, стая улетела, но один из голубей остался на палубе.

Вскоре покинуть судно птица уже не смогла — кругом было открытое море. Так и совершил голубь дальнейшее путешествие, став совсем ручным. Он не покинул судно в Бремерхафене, Гавре, Лондоне и в других портах, куда по расписанию заходил теплоход. Но в Нью-Йорке птица улетела.

Настал день выхода в обратный рейс. И вдруг голубь вновь появился на палубе. Больше он не покидал лайнер, хотя теплоход заходил в несколько европейских портов. Лишь в Ленинграде, в том самом месте, откуда начался рейс, птица вспорхнула, сделала круг над теплоходом, словно прощаясь с экипажем...

Компас викингов

Еще четыре тысячи лет назад древние китайцы в качестве указателя частей света использовали фигурку маленького человечка. Его вытянутая рука постоянно указывала на юг. Фигурка стояла на маленькой магнитной каретке, которая, возможно, и была прототипом первого в мире компаса.

В III веке была изобретена компасная игла. Китайцы вешали ее на шелковую нить и могли так определять направление север — юг.

Великие мореплаватели средневековья — викинги имели свой компас, который они называли направляющим камнем. Это был магнитный камень, подвешенный к нитке или прикрепленный к деревянной дощечке, плавающей в сосуде с водой.

Подземное море

Площадь Средиземного моря — более 2,5 миллиона квадратных километров. На территории Западной Сибири раскинулось еще большее море — площадью свыше трех миллионов квадратных километров. Только оно под-

земное, расположенное на глубине 600—800 метров от поверхности земли. Температура его воды достигает плюс 123 градусов.

В недалеком будущем это горячее подземное море найдет применение в народном хозяйстве.

На... консервных банках

В воды сингапурской гавани вошло 7-метровое суденышко под названием «Кэн-тики» (по-английски «кэн» — консервная банка). Три искателя приключений, которым не давала покоя слава знаменитого плота «Кон-Тики» норвежского путешественника Тура Хейердала, отправились из Дарвина (Австралия) в Сингапур.

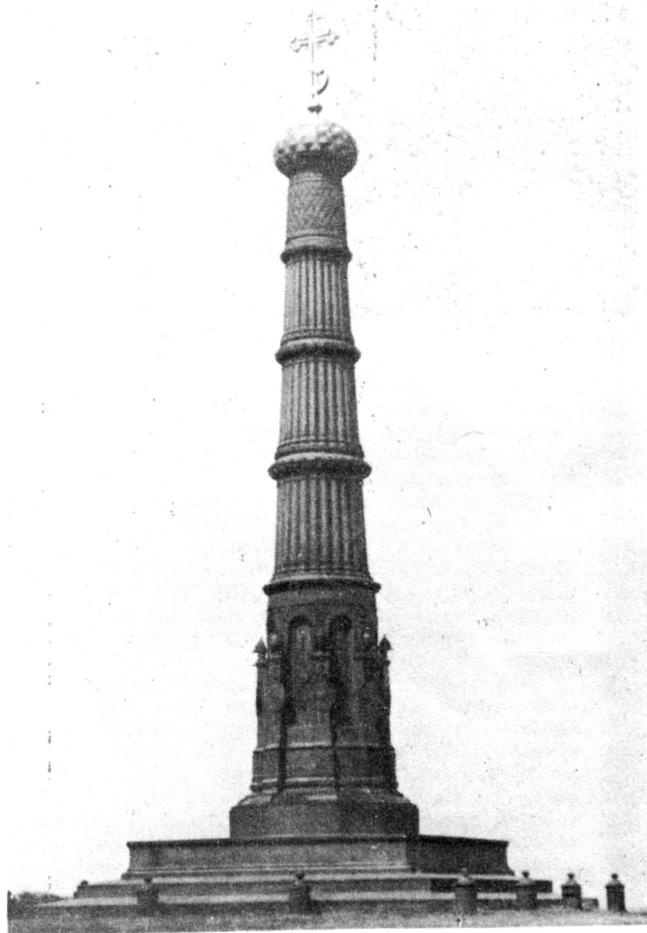
В целях рекламы пива и привлечения туристов в Дарвин мореходы соорудили судно из... 15 тысяч пивных банок, склеив их смолой и снабдив это сооружение четырьмя подвесными моторами. За 12 дней они преодолели около трех тысяч километров. Кстати, количество пустых банок в корпусе судна за время путешествия несколько увеличилось: экипаж питался исключительно консервами и пил только баночное пиво.

Стыдливая обезьяна

Обычно она не показывается на глаза людям, прячется в листве высоких деревьев. На своей родине, на острове Борнео, как говорится, не высовывает носа где попало — стыдится. Однако одному из охотников с фотоаппаратом все же удалось сфотографировать редкую обезьяну-носача, проснувшуюся на дереве от внезапного щелчка камеры.

На снимке: обезьяна-носач.

Колонна на Красном холме

Поле Куликово... В 1848 году здесь, на Красном холме, на месте, где стоял шатер Мамаев, была установлена тридцатиметровая колонна, увенчанная ажурным золоченым крестом, — памятник князю Дмитрию Донскому и его рати.

Колонна отлита из чугуна, и только это, если говорить откровенно, и спасло ее, неохраняемую, одиноко стоящую посреди отдаленного поля. Надпись из накладных букв — «Победителю татар московскому князю Дмитрию...» — увы, сбита. Памятник, если отойдешь от него на десяток шагов, выглядит совершенно в первозданном виде — величественный и вечный.

Мамаево побоище, если взглянуть на него относительно тогдашнего общего народонаселения, было грандиозным по своим масштабам. Со стороны татар было 200 тысяч воинов, со стороны русских — 150 тысяч. летописцы говорят, что Дон три дня тек багряный от крови...

На снимке: памятник на Куликовом поле.

Анатолий ТОКМАКОВ

Фото автора

читайте в 1980 году

Сафьяновская заимка стояла на одном из бесчисленных притоков Енисея. Она служила приютом для путешественников, сюда нередко заезжали ссыльные революционеры — дом был скрыт от ока полицейских, от их всеслышащих ушей. На Сафьяновскую заимку летом 1899 года приезжали жившие в Шушенском В. И. Ленин и Н. К. Крупская. ПУБЛИКАЦИЯ О ПОИСКЕ КРАСНОЯРСКИХ СЛЕДОПЫТОВ ПОСВЯЩЕНА ПРИБЛИЖАЮЩЕЙСЯ 110-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА. Журнал расскажет также об истории создания широко известного скульптурного портрета Володи Ульянова.

В будущем году Москва примет гостей со всех континентов мира как хозяйка Олимпиады. Олимпиада — это не только очки, голы, секунды; это — прежде всего демонстрация неисчерпаемых возможностей человека, праздник красоты, силы, ловкости, гармонии человеческого тела, это величайшая проверка силы воли, характера, наконец человеческого интеллекта. Истоки сегодняшних спортивных побед — в народных традициях. В ДНИ ОЛИМПИАДЫ «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», СВЯЗАВ СПОРТ И КРАЕВЕДЕНИЕ, РАССКАЖЕТ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ВИДАХ СПОРТА И ИГРАХ НАРОДОВ, НАСЕЛЯЮЩИХ УРАЛ И СИБИРЬ, ОБ ЭВОЛЮЦИИ СПОРТИВНЫХ СНАРЯДОВ, ОБ ИСТОРИИ ЭТИХ СОСТЯЗАНИЙ.

«Еду пить чай в Москву!» — эта фраза принадлежит известному русскому легчику Сергею Уточкину. О НЕМ И ДРУГИХ АВИАТОРАХ, О ПЕРВОМ ПЕРЕЛЕТЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ, КОТОРЫЙ ДЛИЛСЯ 24 ЧАСА 41 МИНУТУ, ПОВЕСТВУЕТ РАССКАЗ ЛЕНИНГРАДСКОГО РЕПОРТЕРА СЕРГЕЯ ЧАПЛИНА. СТРАНИЦЫ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ВОСКРЕШАЕТ И ДРУГАЯ ПУБЛИКАЦИЯ — «ЗОЛОТО РЕВОЛЮЦИИ» — О ПОИСКЕ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ.

К 35-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ ЖУРНАЛ ПРЕДПОЛАГАЕТ ДАТЬ ОБЗОР ФРОНТОВОЙ ПОЧТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО СНАЙПЕРА ЛЮДМИЛЫ ЖАРКОВОЙ, ДОКУМЕНТАЛЬНУЮ ПОВЕСТЬ В. ПЛАТОНОВА «ВСТРЕТИМСЯ В ПРАГЕ» — О СОВМЕСТНОЙ БОРЬБЕ СОВЕТСКИХ И ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ВОИНОВ, О ГЕРОЯХ, В ТОМ ЧИСЛЕ И МАЛЬЧИШКАХ, ПОВТОРИВШИХ ПОДВИГ АЛЕКСАНДРА МАТРОСОВА.

Как и прежде, журнал будет широко вести одну из главных своих линий — человек и природа. Эта тема будет представлена документальной повестью об ученом-исследователе Малоземельской тундры, рассказами бывалых людей, заметками ученых и натуралистов.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

ПОДПИСКА НА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРИНИМАЕТСЯ «СОЮЗПЕЧАТЬЮ»
ПОВСЕМЕСТНО

НАШ ИНДЕКС 73413.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 4 РУБ. 20 КОП.

АДРЕС СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО АГЕНТСТВА «СОЮЗПЕЧАТЬ»:
620151, г. СВЕРДЛОВСК, ПР. ЛЕНИНА, 39

